

Краснодарский университет МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции

(18 февраля 2021 г.)

Краснодар
2021

УДК 347.1
ББК 67.404
А43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

А. В. Герасимов, кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Е. С. Бескоровайная (заместитель председателя);
В. В. Стрельцов, кандидат социологических наук
(ответственный секретарь);
И. К. Харитонов, кандидат юридических наук, доцент;
Н. В. Жукова, И. Г. Синяева

Актуальные проблемы развития гражданского права
и гражданского процесса : материалы VIII Междунар. науч.-практ.
А43 конф., 18 февр. 2021 г. / редкол. : А. В. Герасимов, Е. С. Бескоровайная,
В. В. Стрельцов и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД
России, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-9266-1724-2

Содержатся статьи, посвященные рассмотрению актуальных проблем реализации гражданского и процессуального законодательства, применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347.1
ББК 67.404

ISBN 978-5-9266-1724-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2021

Андрианов Владимир Михайлович,
соискатель кафедры гражданского и
трудового права, гражданского процесса
ФКГОУВО «Московский университет
МВД России им. В.Я. Кикотя»
Andrianov Vladimir Mikhailovich,
applicant for the department of civil and
labor law, civil procedure of
Moscow university of the Ministry of
internal affairs of Russia

ПРАВО И ИНТЕРЕС

LAW AND INTEREST

Аннотация: актуальность исследования обусловлена тем, что право в своём развитии приспособляется к требованиям общества, имея с ним тесную связь. В статье предпринята попытка обратить ещё раз внимание на объективно писаное право как воплощение определённых интересов в зависимости от исторического периода и экономической формации. С учётом анализа научной литературы автор делает вывод, что обычно, говоря об объективном праве, понимается публичный интерес, который воплощается в нем. Из этого автор делает заключение, что законодательный орган, принимая закон, прежде всего, действует как государственный орган, а его назначение и цель – достичь интересов общества (публичного интереса).

Annotation: The relevance of the study is due to the fact that the law in its development adapts to the requirements of society, having a close connection with it. The article attempts to draw attention once again to the objectively written law as the embodiment of certain interests, depending on the historical period and economic formation. Taking into account the analysis of the scientific literature, the author concludes that usually, when speaking about objective law, we understand the public interest that is embodied in it. From this, the author concludes that the legislative body, when adopting a law, primarily acts as a state body, and its purpose and purpose is to achieve the interests of society (public interest).

Интерес и право имеют тесную связь. Право в своем развитии приспособляется к требованиям общества. Объективно писаное право всегда служило воплощением определенных интересов. В разное время это были разные интересы.

В период существования человеческого общества к возникновению высокоразвитых общественных культур важнейшим фактором социально-экономической деятельности человека был обмен товарами и другими результатами своей деятельности. Право же, которое начало формироваться, служило для установления стандартов об эквивалентности и того, что было эквивалентом, и таким образом удовлетворяло интересы в справедливом

обмене. Постепенно появляются нормы для урегулирования конфликтов между членами общин с системой наказаний, которые учитывали интересы пострадавшей стороны. Формируется система правовых норм, вызванная к жизни осознанием необходимости сохранения мира между родами ради интересов племени в целом. Таким образом, уже на стадии зарождения право реагирует как на потребности членов общества, индивидуальные интересы, так и интересы общие, совместные.

Во времена Средневековья в Европе экономически растущий потенциал обеспечил стимул для дальнейшего развития городского права. Одновременно успехи в юридической области благоприятно сказывались и на экономической жизни общества. В это время постепенно начали возникать «мультинациональные» предприятия. Концентрация капитала с экономической точки зрения стала движущей силой дальнейшей экспансии, компании вкладывали большие инвестиции в горнодобывающие и судовладельческие предприятия. Это, в свою очередь, привело к необходимости обновления правовых структур как в области права в горнорудной отрасли, так и в области морского права [1, с. 143].

Буржуазное общество, в свою очередь, потребовало всесторонне развитой юриспруденции, права, которое отчасти бы соответствовало коммерческим интересам этого общества, принципам равенства и начинающей лишь формироваться идеи верховенства права.

В дальнейшем марксизм рассматривает право как возведённую на уровень закона волю господствующего класса и, соответственно, сущность права сводилась к инструментальной характеристике условий его оптимального использования для достижения провозглашенной марксистами утопической цели – построения коммунизма. Согласно марксизму право служит интересам господствующего класса, а значит, рассматривая спор, суд должен исходить не из интересов лица, обратившегося в суд за защитой своих прав, а с точки зрения интересов классов, которые конкурируют в процессе.

Эволюция права происходит под влиянием развития общественных и экономических отношений и служит частным, коллективным, общим интересам, которые формируются в отдельный промежуток времени при определенных социальных и экономических условиях. Для объективного права интерес становится источником, идеей, которая должна быть воплощена в праве.

Интерес формирует, изменяет объективное право, становится причиной возникновения, реализации, изменения или прекращения субъективного права. Для этого функционируют различные механизмы. Кроме того, право по-разному реагирует на различные интересы.

Есть и ещё один аспект взаимодействия объективного права и интересов – право создаёт механизм балансировки. В случае столкновения двух

или более интересов право должно дать ответ на вопрос – как найти пропорцию.

Обычно, говоря об объективном праве, понимается публичный интерес, который воплощается в нем. Законодательный орган, принимая закон, прежде всего, действует как государственный орган, а его назначение и цель – достичь интересов общества (публичного интереса). Этот интерес достаточно часто совпадает с другими интересами отдельных социальных групп, однако он перманентно существует всегда.

Если говорить о публичных интересах в частном объективном праве, то вопрос должен ставиться под несколько другим углом. Отследить публичные интересы в этой сфере права не является сложной задачей, однако эти интересы несколько иного формата чем те, которые существуют в публичном праве. В частном праве перед государством как одним из субъектов правового регулирования стоит задача создать благоприятные для реализации частных интересов условия и найти баланс между частными интересами, которые возникают в частноправовом обороте.

Государственные интересы в частноправовой сфере могут проявляться также и как интересы частного порядка. В соответствии со ст. 2 и ст. 124 ГК РФ государство наряду с физическими и юридическими лицами названо участником регулируемых гражданским законодательством отношений. Что само по себе уже дает основания считать, что сущность государственного интереса в этой сфере несколько иного порядка, чем интересы государства, например, в административном праве. Такие государственные интересы в частноправовой сфере должны характеризоваться квазичастным характером, поскольку государство, будучи неразрывно связанным с обществом, по сути лишено возможности иметь «чистые» частные интересы.

Ключевые слова: интерес, право, общество, публичный интерес, объективное право, государственный интерес.

Key words: interest, law, society, public interest, objective law, state interest.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). Ин-т Европы. М. Наука. 1994. 397с.

Бандурина Наталья Владимировна,
доктор юридических наук
профессор кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»
Bandurina Natalia Vladimirovna,
Doctor of Laws,
Professor of the Department of
Civil and Business Law of
the All-Russian State University of
Justice (RPA of the Ministry of Justice
of Russia)

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

CORPORATE CONTRACT IN MODERN PRACTICE

Аннотация: в статье рассмотрен правовой институт корпоративного договора в современной практике. Автором исследованы вопросы заключения корпоративного договора с участниками хозяйственных обществ, а также третьими лицами. В работе проведен анализ правовой природы квазикорпоративных договоров и их соотношения с корпоративными соглашениями.

Resume: The article examines the legal institution of a corporate contract in modern practice. The author investigated the issues of concluding a corporate agreement with members of business entities, as well as third parties. The paper analyzes the legal nature of quasi-corporate agreements and their relationship with corporate agreements.

Институт корпоративного договора был введен в российское законодательство относительно недавно, когда согласно положениям федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ [2] в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) была включена статья 67.2 с соответствующим содержанием.

Согласно положениям данной статьи корпоративный договор представляет собой сделку между участниками хозяйственного общества по осуществлению ими принадлежащих корпоративных прав. Такое соглашение направлено на то, чтобы участники могли реализовать или отказаться от такого осуществления. К корпоративным правам в соответствии с нормой ст. 67.2 ГК РФ отнесены:

- голосование определенным образом на общем собрании участников общества;
- согласованное осуществление иных действий по управлению обществом;

- приобретение или отчуждение долей в уставном капитале (акций) хозяйственного общества по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств;

- воздержание от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Как следует из определения, корпоративный договор является инструментом регулирования корпоративных отношений между участниками хозяйственных обществ, причем для отдельных видов хозяйственных обществ установлены разновидности корпоративного договора:

- для общества с ограниченной ответственностью – договор об осуществлении прав участников;

- для акционерного общества – акционерное соглашение.

Как указывает С.П. Гришаев, включение в ГК РФ основ правового регулирования корпоративного договора вызвано потребностью в предоставлении участникам хозяйственных обществ дополнительных возможностей, вытекающих из факта обладания пакетом акций или долей в уставном капитале хозяйственных обществ [7].

Вместе с тем, этот уникальный правовой инструмент позволяет его участникам явно или скрыто воздействовать на деятельность общества, что дает им возможности влиять на принятие решений по ключевым и значимым вопросам, а также контролировать развитие самого общества.

Из определения корпоративного договора следует, что его сторонами могут являться как все, так и отдельные участники хозяйственного общества. Следует отметить, что действие такого договора распространяется только для тех участников, которые участвуют в его подписании. Для лиц – участников ООО или акционеров, которые не являются сторонами корпоративного договора, его положения будут не применимы.

Как отмечает Д.Р. Фейзрахманова, корпоративный договор как гражданско-правовая сделка не порождает корпоративного эффекта, поскольку он распространяет свое действие только на участников, его заключивших, а не на корпорацию в целом [13, с.12].

При этом, по мнению некоторых авторов, из положений п. 9 ст. 67.2 ГК РФ следует, что субъектный состав, в отношении которого распространяется действие корпоративного договора, может быть расширен за счет включения в состав подписантов кредиторов хозяйственного общества и иных третьих лиц, имеющих охраняемые законные интересы (т.н. «квази-корпоративный договор»).

В то же время субъекты договорных отношений при заключении корпоративного договора могут самостоятельно установить правовой режим реализации своих корпоративных прав и субъективных обязанностей в корпорации [8, с. 96].

Следует отметить, что многие исследователи придерживаются различных суждений в отношении корпоративных договоров, предусматри-

вающих возможность третьих лиц оказывать существенное влияние на деятельность общества: одобрение крупных сделок, изменение направлений деятельности, реорганизация общества.

Так, с точки зрения К.О. Осипенко, в этом случае проявляется нарушение «автономии участников корпорации» и увеличивается вероятность нарушения корпоративных прав миноритарных участников общества [11, с. 99].

По мнению Е.А. Суханова, нельзя не учитывать возникновение риска того, что третьи лица, вступая в корпоративный договор, могут выступать недобросовестными субъектами, имеющими намерение только тайного приобретения корпоративных прав и благ, но не участия во всех аспектах деятельности корпорации и других ее участников [12, с. 134].

Позиция других ученых-правоведов основана на базовой предпосылке, что участники общества априори свободны в осуществлении своих корпоративных прав, а также в своем выборе заключения корпоративного договора с участием третьих лиц, если это не противоречит интересам хозяйственного общества, установленным в ст. 65.2 ГК РФ.

Так, И.С. Шиткина прямо указывает на исходные причины добровольной передачи корпоративных прав третьим лицам, поскольку по ее мнению, инвестиционные потребности хозяйственного общества обуславливают включение кредиторов и третьих лиц в состав лиц, допущенных к управлению корпорацией, поскольку участники (акционеры) добровольно возлагают на себя ограничения или отказываются от некоторых прав для привлечения инвесторов [15, с. 119].

Кроме того, получая возможность определять действия общества, третьи лица несут ответственность за убытки, причиненные обществу, к тому же они несут имущественные риски и также связаны правовыми отношениями с обществом.

Е.А. Суханов утверждает, что конструкция корпоративного договора с участием третьих лиц имеет обязательственно-правовую природу и распространять на этот институт корпоративные отношения не следовало, так как это привело к «расширению их содержания и сферы действия по англо-американским образцам» [12, с. 108].

Безусловно, введение института корпоративного договора в российское законодательство открыло большие возможности как для финансовых, так и стратегических инвесторов, чьи устремления могут быть направлены на развитие технологического рынка, требующего привлечения инвестиций.

В качестве подтверждения востребованности среди участников гражданского оборота подобной юридической конструкции И.С. Шиткина указывает, что по корпоративному договору кредиторы, инвесторы, другие третьи лица могут получить контроль над хозяйственным обществом в силу отказа акционеров от своих корпоративных прав (полного или частич-

ного) в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц [15, с. 119].

Тем не менее, С.В. Кокорев прямо указывает, что корпоративный договор представляет собой соглашение только между участниками корпорации, в то время как квазикорпоративный договор предполагает участие третьих лиц [9].

В работе Т.Ю. Басовой содержалась точка зрения о том, что участники корпорации должны быть субъектами корпоративного договора в обязательном порядке, достаточно хотя бы одного, а вступать в соглашение по корпоративному договору могут и другие лица, причем их состав и правовой статус значения не имеют [5].

Следует учесть точку зрения Е.А. Чирковой, которая, ссылаясь на свою арбитражную практику, указывает о судебной позиции не рассматривать квазикорпоративные договора в качестве корпоративных, а применять нормы ст. 67.2 ГК РФ по аналогии [14, с. 35].

Большинство авторов придерживается позиции, согласно которой «квазикорпоративный» договор, как и корпоративный договор, имеет в целом обязательно-правовой характер, но при этом опосредованно регулирует корпоративные отношения [6, с. 9].

При этом третьих лиц, наделенных объемом правомочий в отношении общества, обозначают в качестве «квазиучастников», поскольку правовые отношения между ними и участниками общества «не утрачивают сущности корпоративных отношений» [10, с. 68].

Действительно, признание за корпоративным и «квазикорпоративным» договорами только обязательно-правовой природы, не учитывая их корпоративную специфику (предмет и метод регулирования), а также с учетом общих положений об обязательствах, представляется ошибочным.

При сравнении корпоративного и квазикорпоративного договора следует различать их правовую природу.

С одной стороны, к «квазикорпоративному» договору будут применяться правила о корпоративном договоре, поскольку существо корпоративных отношений не утрачивается при участии в них третьих лиц.

Кроме того, к «квазиучастникам» общества субсидиарно применяются аналогичные правовые нормы и судебные способы защиты их прав [1, гл. 28.1, 28.2 и 4, п. 36].

С другой стороны, «квазикорпоративный» договор не является разновидностью корпоративного договора, хотя регулируется тождественными положениями российского законодательства о корпоративном договоре.

Главное отличие, как уже было отмечено, заключается в субъектном составе и характере правовых отношений между сторонами договора, а также целей заключения ими соответствующего соглашения.

Если одна из основных задач корпоративного договора заключается в регулировании корпоративных отношений внутри общества, между его

участниками, то действие «квазикорпоративного» договора направлено за пределы общества, в целях обеспечения охраняемого законом интереса третьих лиц.

Например, при заключении «квазикорпоративного договора», интерес «квазиучастников» может быть связан, например, с обеспечением надлежащего исполнения обязательств хозяйственного общества по договору займа или возможностью в будущем войти в состав участников общества.

«Квазикорпоративный» договор с инвестором, имеющий намерение войти в состав участников общества, по своей сути представляет аналог другого правового института, т.е. предварительный договор под условием.

Одним из таких предварительных условий может быть обязательство участников общества совершить определенные действия, например, внести в устав общества соответствующие положения о непропорциональном распределении прибыли [3, ст. 28].

В свою очередь, интерес участников общества, заключивших «квазикорпоративный» договор, связан с исполнением обязательств со стороны третьих лиц в рамках уже других гражданско-правовых договоров, например, предоставить обществу финансирование по договору конвертируемого займа (кредитному договору) на определенных условиях.

Таким образом, корпоративный договор имеет сложную специфическую правовую природу – симбиоз корпоративного и обязательственного начала. Данный феномен предоставляет участникам сделок возможность использовать положения, которые с одной стороны, напрямую не соотносятся с корпоративным договором, при этом соответствуют обязательственному характеру правоотношения.

В тоже время, «квазикорпоративный» договор является самостоятельным специфическим видом гражданско-правового договора, регулирующей осуществление корпоративных прав участниками хозяйственных обществ в целях обеспечения охраняемых законом интересов кредиторов общества и иных третьих лиц.

Ключевые слова: договор, корпорация, участник, акционерное соглашение, третьи лица, общество, хозяйствующий субъект.

Key words: agreement, corporation, participant, shareholder agreement, third parties, company, business entity.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и

о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собр.законодательства Рос.Федерации. – 12.05.2014. – № 19. – Ст. 2304.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собр.законодательства Рос.Федерации. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 785.

4. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8, август. – 2015.

5. Басова Т.Ю. Корпоративные договоры в рамках холдинговых структур // Право и экономика. – 2011. – № 12.

6. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография / В.Г. Бородкин. – М.: Юстицинформ, 2017.

7. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Подготовлен для СПС КонсультантПлюс. – 2019.

8. Ефимов А.В. Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2.

9. Кокорев С.В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений // Право и экономика. – 2019. – № 7.

10. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В.А. Лаптев. – М.: Проспект, 2019.

11. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве: дис...канд. юрид. наук. / К.О. Осипенко. – М., 2015.

12. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2016.

13. Фейзрахманова Д.Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. – 2020. – № 12.

14. Чиркова Е.А. Практика заключения корпоративных договоров с участием лиц, не являющихся участниками корпорации // Вестник арбитражной практики. – 2019. – № 5.

15. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник / И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019.

Белозерцева Виктория Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт
МВД России
Belozertceva Viktoria Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

CIVIL LEGAL REGULATION OF LAND RELATIONS

Аннотация: статья посвящена соотношению норм гражданского и земельного права в регулировании земельных отношений. Исследованы научные точки зрения о самостоятельности земельного права как отрасли, о роли гражданско-правовых норм в регулировании земельных отношений, о преобладании частноправового или публичноправового начала в земельных отношениях.

Introduction: The article is devoted to the relationship between the norms of civil and land law in the regulation of land relations. The scientific points of view on the independence of land law as an industry, on the role of civil law in the regulation of land relations, on the prevalence of private law or public law in land relations are investigated.

Земельное право как отдельная самостоятельная отрасль права существует достаточно длительное время, все же дискуссия о том какое место занимает земельное право в системе отраслей российского права ведется по сей день. Одним из основных вопросов является соотношение норм гражданского и земельного права при регулировании земельных отношений [2, С. 215].

По поводу соотношения норм гражданского и земельного права существует несколько теорий: первая теория – радикальная, утверждает, что земельное право следует ликвидировать, вторая теория – умеренная, предполагает, что следует найти между этими отраслями точки соприкосновения, третья теория – консервативная, считает, что проблема соотношения данных норм не актуально и исследовать ее не стоит [4, С. 59; 7, С. 26; 11; 12, С. 28].

Сторонники радикальной теории считают, что земельное право отрасль исключительно публичная, предметом ее является мониторинг, кадастр, экология и оно является частью административного права. При этом существование отрасли земельного права поддерживается искусственно. Вещные отношения относительно земельный участков и всего, что на них и под ними находится являются частью гражданского права.

Следует обратить внимание, что еще С.Н. Братусь указывал на то, что земельные отношения – это отношения двоякого рода, которые включают в себя, как отношения имущественного частного характера, так и отношения властно-организационные (административные) в части управления землей и земельными ресурсами. При этом, земельное право, на его взгляд, не является частью административного права, а является самостоятельной отраслью [5, С. 121].

Е.А. Суханов полагает, что земельное право своими публично-правовыми нормами вторглось в сферу частного-правового регулирования недвижимого имущества (земли) и создало тем самым немало проблем в правоприменении и вызвало немало теоретических споров [13, С. 226].

Существует и еще одна точка зрения, в соответствии с которой деление отраслей на частные и публичные не имеет значения, потому как в каждой отрасли есть нормы и частного и публичного регулирования, и в этом смысле земельное право – частно-публичная отрасль [6, С. 15]. На наш взгляд, данная теория имеет рациональное зерно и современная правовая действительность и стремительно развивающиеся общественные отношения отчасти данную теорию подтверждают.

Подобное мнение также было выражено К.Д. Кавелиным, который указывал, что между частным и общественным интересом очень сложно провести четкую границу [10, С. 76]. Г.Ф. Шершеневич также замечал, что выявить отличительные черты частного и публичного права практически невозможно [15, С. 10].

В современной литературе также существует мнение о том, что «чистых» отраслей права не существует. В частности Ю.К. Толстой полагает, что из тезиса о многомерности или полимерности системы права следует вывод о том, что одни и те же общественные отношения могут быть одновременно предметом различных отраслей права. Причем, взаимодействие данных отношений с другими отношениями, также входящими в предмет данной отрасли, придают им специфические черты при этом, не меняя их существа [14, С. 130]. Подобное происходит и имущественно-стоимостными отношениями, являющимися предметом земельного или экологического права, например.

Стоимостная природа имущественных отношений в гражданском праве видна наиболее ярко, а, например, в земельном праве она менее заметна, потому что эти же отношения выполняют роль общесоциальную. Поэтому не случайно в науке высказано предложение расположить между публичным и частным правом подразделения социального права, к которому относятся трудовое, экологическое, земельное, предпринимательское, банковское и ряд других отраслей.

Таким образом, позиция отрицания земельного права как отрасли становится несостоятельной.

Однако, в земельном праве существует теория в соответствии с которой необходимо исключить из ГК РФ главу 17, потому что земельные отношения не являются предметом гражданского права, в случае же возникновения коллизий между нормами гражданского и земельного права, последние имеют приоритет. Высказывается даже мнение о том, что существуют некие особые понятия и признаки земельно-правовых сделок [3, С. 163]. С данным мнением также нельзя согласиться.

Сторонники умеренного подхода при поиске вариантов соотношения норм гражданского и земельного законодательства предлагают изъять из ЗК РФ нормы гражданско-правового характера [1, С. 34; 9, С. 6]. Однако, следует отметить, что данные нормы все же содержат некую специфику гражданского правового регулирования гражданских отношений и их полное отсутствие приведет к пробелам в правовом регулировании земельных отношений, в то же время включение данных норм в ГК РФ приведет к тому, что гражданский кодекс может достигнуть необъятных размеров, а также есть риск того, что он потеряет свою сущность источника частного правового регулирования.

Достаточно стандартный подход к соотношению нормы гражданского и земельного права сводится к тому, чтобы нормы гражданского права считать общими, а земельного – специальными. При этом специальная норма при применении имеет приоритет перед общей, т.е. при коллизии норм гражданского и земельного права следует применять норму земельного права [8, С. 54]. Следует согласиться с тем, что нормы гражданского права при регулировании земельных отношений носят характер общих норм, особенно это касается вещных и обязательственных отношений, возникающих по поводу земельных участков, например. В данных случаях, несомненно, подлежит использованию понятийный аппарат гражданского права, а также его основные принципы.

Земельные отношения регулируются различными отраслями права, не только собственно земельным правом и гражданским правом, так уж сложилось, что земельные отношения имеют и частный и публичный аспект, и говорить о приоритете одних нормы перед другими нет необходимости, каждая норма регулирует свой круг общественных земельных отношений.

Помимо консервативной позиции, представители которой не участвуют в дискуссии, потому как считают, что проблема соотношения нормы земельного и гражданского права не актуальна, не насущна, все сильнее набирает обороты межотраслевая теория. В соответствии с данной теорией невозможно четко определить границы действия норм гражданского и земельного законодательства, потому что очень сильны и множественны межотраслевые процессы в рамках земельных отношений. Предполагается,

что нормы, регулирующие земельные отношения имеют гражданско-земельно-административную принадлежность.

Своя специфика межотраслевого регулирования просматривается в Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Нормы данного закона имеют разную отраслевую окраску и с определенной долей точности невозможно сказать к какой именно отрасли права данные нормы принадлежат. Предполагается, что законодатель исходит скорее из практических соображений, создавая данные нормы. Отраслевая теория имеет скорее теоретическое значение, хотя в процессе применения такие нормы практического межотраслевого значения в итоге создают большое количество коллизий именно потому, что не имеют жесткой привязки к той или иной отрасли. В частности, нормы гражданского права, находящиеся в исключительном федеральном ведении, содержат много общих правил, регулирующих земельные отношения, нормы непосредственно земельного права, содержат специфику правового регулирования именно земельных отношений, и дополняют и уточняют нормы гражданского законодательства, но могут находиться в ведении субъектов Федерации или даже органов местного самоуправления. Специфика правового регулирования земельного права в некоторых случаях противоречит гражданскому законодательству, которое по сути своей федерального значения, что и вызывает множество коллизий, которые требуют решения. Ученые и практики не могут предложить однозначного и аргументированного решения возникающих проблем.

Предположим, что земельные отношения регулируются нормами межотраслевой принадлежности, в том и заключается их специфика, тем не менее, разграничить предметы правового регулирования гражданского и земельного права все же необходимо в силу частого возникновения коллизий.

Ключевые слова: земля, земельные отношения, гражданское право, коллизии, имущественные отношения

Key words: land, land relations, civil law, conflicts, property relations

Литература

1. Адиханов Ф.Х. Соотношение норм гражданского права и норм земельного права в регулировании земельных отношений в условиях рынка земли // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 34–36.
2. Актуальные проблемы теории земельного права России. Монография под общей редакцией А.П. Анисимова. – М., 2019. – 512 с.
3. Андреев В.К. О праве частной собственности в России. – М., 2007. – 263 с.

4. Бевзенко Р.С. Гражданский переворот // ЭЖ–Юрист. – 2009. – № 10. – С. 57–64.
5. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 120–121.
6. Грушевская Е.В. Императивность в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – 25 с.
7. Дозорцев В.А. Проблемы совершенствования гражданского права Российской Федерации при переходе к рыночной экономике // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 18-29.
8. Жариков Ю.Г. Разграничение сферы действия земельного и гражданского законодательства при регулировании земельных отношений // Государство и право. – 1996. – № 2. – С. 50–54.
9. Иконицкая И.А. Новый Земельный кодекс Российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики применения // Государство и право. – 2002. – № 6. – С. 6–9.
10. Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М., 2003. – 376 с.
11. Маковский А.Л. Интервью: Обновление «экономической конституции» // ЭЖ–Юрист. – 2009. – №14. – С. 25-33.
12. Суханов Е.А. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии // <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov.html> (дата обращения 03.10.2020);
13. Суханов Е.А. Проблемы совершенствования кодификации российского гражданского законодательства: актуальные вопросы российского частного права. – М., 2008. – 226 с.
14. Толстой Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 128–149.
15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Издание 10-е. – М., 1912. – 673 с.

Бескоровайна Елена Сергеевна,
Старший преподаватель кафедры
конституционного и
административного права
КрУ МВД России
Beskorovainaya Elena Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of
Constitutional and Administrative Law
of the KrU of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В СТРАХОВЫХ СПОРАХ

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES IN INSURANCE DISPUTES

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию вопросов правового статуса уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в страховых спорах. Анализируются вопросы, связанные с привлечением уполномоченного к решению споров, возникающих в сфере страхования, прежде всего в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Рассматриваются особенности разрешения данного вида споров с участием уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг.

Дается оценка деятельности данного института, формулируются предложения, направленные на совершенствование его деятельности в России.

Annotation: This article is devoted to the study of the issues of the legal status of the Commissioner for the rights of consumers of financial services in insurance disputes. The article analyzes the controversial issues related to the involvement of the commissioner in resolving disputes arising in the field of insurance, primarily in the field of compulsory civil liability insurance of vehicle owners. The features of the resolution of this type of disputes with the participation of the Commissioner for the rights of consumers of financial services are considered. An assessment of the activities of this institute is given, and proposals aimed at improving its activities in Russia are formulated.

Человек – социально-биологическое существо, потребности которого безграничны. Одной из таких нужд является комфортное и быстрое передвижение. Согласитесь, добираться куда-либо пешком – занятие не очень веселое и скорое, а ведь бывают ситуации, когда прибыть нужно в кратчайшие сроки. На помощь приходит транспортное средство. Первое самоходное колесное транспортное средство было изобретено Олегом

Вещим в 10 веке н.э.; в 1806 году появились машины, которые приводились в движение двигателями внутреннего сгорания, а в 1886 году был запатентован первый автомобиль с бензиновым двигателем, созданный Карлом Бенц. Мы видим, что транспортные средства все время сопровождали развитие общества. Благодаря научно-техническому прогрессу они совершенствовались, однако назначение их не менялось.

Сегодня трудно представить нашу жизнь без транспортных средств. Согласно Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [1], транспортным средством считается устройство, предназначение которого состоит в перевозке по дорогам людей, грузов, а также оборудования, установленного на нем. В силу того, что на проезжей части огромное количество автомобилей, автобусов, трамваев и других средств передвижения увеличиваются случаи дорожно-транспортных происшествий. Поэтому законодательство Российской Федерации устанавливает обязанность владельцев транспортных средств страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить в силу причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств.

Следовательно, «в связи с развитием производства автомобилей и распространением автомобильного транспорта во всем мире возникла необходимость в страховании средств транспорта и гражданской ответственности владельцев этих средств. Сегодня у страхового бизнеса большие перспективы. С каждым годом все больше людей понимают преимущество страхования»[2]. В Российской Федерации оно регламентировано нормативно-правовыми актами, а именно гл. 48 ГК РФ, в частности ст. 935, Федеральным законом от 01.07.2011 № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], ФЗ № 4015-1 от 27.11.1992 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4], ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Так, ч.1 ст.4 последнего закона устанавливает, что «владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, установленных этим НПА, и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств». Согласно данному ФЗ транспортным средством является «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем». Однако не все владельцы ТС обязаны страховать гражданскую ответственность.

Получение полиса обязательного автострахования – важная процедура для владельцев транспортных средств. Так как без него нельзя поставить автомобиль на учет и передвигаться на нем по территории РФ. Срок

действия полиса ОСАГО составляет один год. Конечно, есть исключения, для которых законодательством предусмотрен иной срок.

Важное значение приобретают специальные институты, призванные упорядочить отношения при страховании ответственности автовладельцев. Важным нововведением стало появление ст. 16.1 в Федеральном законе «Об обязательном страховании автогражданской ответственности», в соответствии с которой при наличии разногласий между потерпевшим, являющимся потребителем финансовых услуг, определенным в соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [5], и страховщиком относительно исполнения последним своих обязательств по договору обязательного страхования до предъявления к страховщику иска, вытекающего из неисполнения или ненадлежащего исполнения им обязательств по договору обязательного страхования, несогласия указанного в настоящем абзаце потерпевшего с размером осуществленной страховщиком страховой выплаты, несоблюдения станцией технического обслуживания срока передачи указанному в настоящем абзаце потерпевшему отремонтированного транспортного средства, нарушения иных обязательств по проведению восстановительного ремонта транспортного средства указанный в настоящем абзаце потерпевший должен направить страховщику письменное заявление, а страховщик обязан рассмотреть его в порядке, установленном Федеральным законом "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг".

Рассмотрим – как действующее законодательство регламентирует правовой статус данного лица.

Основанием для обращения к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг является отказ страховой компании от удовлетворения требований застрахованного лица либо истечение установленного законодательством двадцатидневного срока на обжалование.

При отказе от удовлетворения заявленных требований, потерпевшее лицо подает заявление о разногласиях.

При повторном отрицательном ответе, у заявителя возникает право на обращение к финансовому уполномоченному с тем же объемом требований, какие ранее предъявлялись страховой организации.

Закон четко очерчивает круг субъектов, имеющих правовую возможность обратиться к финансовому уполномоченному.

Это потребители финансовых услуг, то есть лица, которые выступают стороной договора или в чью пользу заключены подобные договоры и которому оказывается финансовая услуга. данные соглашения не должны заключаться с предпринимательской целью.

Поэтому большинство водителей, заключая договор ОСАГО автоматически признаются потребителями финансовых услуг. Также к ним можно отнести и пешеходов, и пассажиров.

Соответственно финансовый уполномоченный призван разрешать спорные ситуации, возникающие с финансовыми организациями в связи с оказанием финансовых услуг (часть 1 статьи 2 Закона об уполномоченном).

Среди данных лиц, выделяют отдельно:

1. главный финансовый уполномоченный;
2. омбудсмены в сферах финансовых услуг.

Необходимо, чтобы потерпевший воспользовался досудебными средствами защиты и заявил соответствующие претензии с приложением всех необходимых для этого документов.

Порядок передачи претензии остается на усмотрение потерпевшего – либо по почте либо путем личного вручения уполномоченным лицам страховой компании.

Согласно части 2 статьи 16 Закона об уполномоченном финансовая организация имеет право дать ответ в течение пятнадцатидневного срока, если соответствующее заявление подано в электронной форме в случае, если не прошло более ста восьмидесяти дней с момента нарушения прав потерпевшего.

В иных случаях срок рассмотрения претензии составляет общий срок, который составляет тридцать дней.

По результатам рассмотрения поданной претензии страховая компания должна дать мотивированный ответ.

В соответствии с частью 4 статьи 16 Закона об уполномоченном потребитель финансовых услуг после получения отрицательного ответа имеет право обратиться к уполномоченному. Либо если страховая организация в установленные законом сроки не ответила на предъявленную претензию.

При этом страховщики обладают возможностью отправлять ответы на заявленные претензии по электронной почте или по почте по месту проживания потерпевших

Правом на обращение к финансовому омбудсмену обладают сами страхователи, так и уполномоченные ими лица, обладающие необходимыми для этого полномочиями.

По общему правилу, рассмотрение обращения будет осуществляться бесплатно, за исключением случаев переуступки права требования возмещения имущественного ущерба иному лицу.

Заявитель может отозвать свое обращение по своему желанию, но только до момента вынесения решения по его делу. К тому же данное лицо может повторно обратиться с данным заявлением к финансовому уполномоченному.

Порядок вынесения решения регламентирован статьей 22 Закона об уполномоченном.

Уполномоченный может полностью удовлетворить заявление потерпевшего лица, удовлетворить частично либо вовсе отказать в удовлетворении требований заявителя.

В течение одного дня решение направляется заявителю в электронном виде. Решение финансового уполномоченного заверяется специальной электронной подписью финансового уполномоченного. Также, по желанию самого заявителя, решение может быть выдано в бумажном варианте.

Если отсутствует возможность передать решение таким путем, оно направляется по месту жительства заявителя, который был указан в обращении.

К решению также предъявляются определенные требования.

Кроме подписи, даты его вынесения, в решении указывается порядок и срок его исполнения.

Срок исполнения решения не может быть менее 10 рабочих дней после дня вступления в силу данного решения и не может превышать 30 дней после дня вступления в силу данного решения. Решение должно быть исполнено страховщиком (финансовой организацией) не позднее срока, который указан в данном решении, однако, в некоторых случаях исполнение решения может быть приостановлено.

В случае неисполнения решения финансового уполномоченного, последний выдает заявителю удостоверение, которое приравнивается к исполнительному документу. Срок получения удостоверения составляет три месяца со дня, когда наступила дата его исполнения. Если срок пропущен по уважительной причине, он может быть восстановлен.

Если срок пропущен без уважительных причин, финансовый уполномоченный имеет право отказать в восстановлении пропущенного срока.

Затем, в течение трех месяцев, взыскатель имеет право обратиться к судебным приставам-исполнителям для исполнения решения.

В том случае, если заявитель не согласен с решением финансового управляющего, он имеет право в течение тридцатидневного срока после вступления его в законную силу обратиться в суд в гражданско-процессуальном порядке. Копия заявления в суд подлежит направлению финансовому уполномоченному.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что введение института финансового уполномоченного будет способствовать реализации правовых возможностей справедливого, быстрого и эффективного разрешения и урегулирования споров в досудебном порядке, экономии времени, по сравнению с разбирательством споров в суде, обеспечению разрешения споров на высоком профессиональном уровне и др.

При этом полномочия финансового омбудсмана должны быть более широкими, чем у суда, поскольку он не только решает споры, но и предпринимает меры к мирному урегулированию спорных ситуаций, организует процесс переговоров.

Для примера, в Великобритании до вынесения решения омбудсмана доходит не более нескольких процентов (2—3 %) от общего числа рассматриваемых споров. Для заявителя финансовый уполномоченный также раз-

ясняет положения законодательства, дает финансовые консультации, разрешает возникающие вопросы, связанные с финансами.

В этом заключается отличие финансового омбудсмана от суда.

Таким образом, следует положительно оценить деятельность финансового уполномоченного в России и признать, что данный институт будет способствовать развитию рынка финансовых услуг, обеспечивать защиту прав граждан в страховой сфере, а также позволит минимизировать количество споров, возникающих в сфере взыскания страхового возмещения.

Ключевые слова: уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, финансовый омбудсмен, страховые споры, возмещение вреда.

Keywords: financial consumer ombudsman, compulsory civil liability insurance of Vehicle Owners, Financial Ombudsman, Insurance Disputes, Indemnification.

Литература

1.Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»// Собрание законодательства Российской Федерации от 6 мая 2002 г. № 18 ст. 1720

2. Мельничук Виктор Александрович Проблемы и перспективы развития автомобильного страхования в России с точки зрения страховых компаний // Вестник СИБИТа. 2018. №2 (26) С.49-54. с.49.

3.Федеральный закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. № 27 ст. 3881

4.Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»// Российская газета от 12 января 1993 г. № 6

5.Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»// Собрании законодательства Российской Федерации от 11 июня 2018 г. № 24 ст. 3390.

Бондарь Олег Олегович,
кандидат экономических наук, старший
преподаватель кафедры конституционного и
административного права КрУ МВД России

Bondar Oleg Olegovich,
Senior Lecturer of the Department of
Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia;

Макаренко Андрей Иванович,
преподаватель кафедры специальных
дисциплин КрУ МВД России
Makarenko Andrey Ivanovich,
Lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

TO THE QUESTION ABOUT THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF COURT PROCEEDINGS IN THE PUBLIC SPHERE

Аннотация: Вопрос о правовой регламентации рассмотрения споров с участием субъектов представителей публичной сферы власти ранее был регламентирован Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, однако в настоящее время предмет спора относится к ведению Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, при этом существуют разногласия и споры, которые требуют решения.

Resume: The issue of legal regulation of the consideration of disputes with the participation of representatives of the public sphere of power was previously regulated by the Civil Procedure Code of the Russian Federation, but currently the subject of the dispute is within the jurisdiction of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, while there are differences and disputes that require resolution.

Рассматривая систему правовых актов регламентирующих обжалование решений, действий и бездействий органов публичной власти и ее должностных лиц необходимо рассмотреть динамику, которая формировалась на протяжении последних двух десятков лет устойчивую систему. В своём развитии данная система претерпела изменения и для ее рассмотрения необходимо отразить следующие источники правового регулирования в соответствии с юридической иерархией.

Первостепенное значение в области правового регулирования административного судопроизводства занимают нормы конституционного права. Поскольку основной закон закрепляет основные положения в виде институтов права и принципов, пронизывающих и регламентирующих все сферы нашей жизни. Соответственно нормы Конституции направлены на регламентацию сути административного судопроизводства[1].

По содержанию статьи 15 Конституции России субъекты правоотношений должны соблюдать нормы законодательства. В аспектах норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации открыт вопрос о правовой регламентации участников. В новом законе принято использовать специальную терминологию, которая характеризует деятельность участников правоотношений публично-правовой сферы жизни общества и государства. Государственные органы, муниципальные органы, иные уполномоченные органы и их должностные лица в законе поименованы как органы публичной власти и уполномоченные должностные лица.

Конституционные нормы направлены на обеспечение интересов граждан, одной из таких возможностей регламентирована обеспечением прав и свобод человека и гражданина, которые реализуются в случае нарушений со стороны государства в лице государственных органов и уполномоченных должностных лиц[2].

Рассматривая конституционные нормы в аспекте обеспечения прав и свобод, считаем необходимым выделить субъекта, который может обеспечить реализацию данного сегмента и является механизмом административного судопроизводства, являющимся элементом более масштабного административного процесса[3].

В виду этого стоит обратиться, к примеру статьи 33 указанного нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой в нашей стране, соответственно данная норма декларирует возможность гражданам, в том числе и их объединениям, если это предусмотрено уставом, обращаться к публичным органам власти, под которыми мы должны понимать органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также иные уполномоченные на то органы и их должностных лиц.

Следующим положением, которое необходимо осветить, является судебная защита, которая регламентирована уже в 46 статье Конституции, она закрепляет возможность судебной защиты, каждый гражданин имеет право защитить свои права путем обращения за их защитой в суд. В частности, необходимо вернуться к мнению Конституционного суда России, поскольку именно этим органом государственной власти, дан комментарий, о том, что судебная защита реализуется посредством норм процессуального законодательства, таким образом, мы опять возвращаемся косвенно к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации[4].

Тем самым необходимо согласится с многими юристами, которые проводили свои научные исследования в этой области. К примеру Г.Д. Садовников предлагает считать, конституционные нормы о судебной защите, а также процессуальные нормы, кстати, о них прямо в нормах и говорится о принципе запрета ограничения на использование инструментов механизма судебной защиты[5]. Им еще дана историческая характеристика о судебном механизме защиты, так, по его мнению, судебная защита в Конституции РСФСР[6], только в 1978 году косвенно закрепила возможность защиты нарушенных прав органами и должностными лицами публичной власти, с небольшой оговоркой, если будет установлено, что представители публичной власти злоупотребили своими правами[7].

Вообще рассматривая такую парадоксальную ситуацию в тот период по вопросу отсутствия в нормах Конституций положений о судебном механизме защиты нарушенных прав, является сильным, но и одновременно слабым звеном идеологической машины Советов. Конечно декларируя власть народов, никто и не мог представить, что чьи-то права будет защищать третье лицо, фактически вмешиваться в нормальную жизнь людей. Эта функция возлагалась на политические рычаги в форме собраний, коллективов и иных функций возложенных на объединения людей. Конечно любой гражданин мог пожаловаться вышестоящему руководителю, на его нарушенные права и этим ограничивалась фактическая защита нарушенных прав. В том случае, когда руководитель не осуществлял контроль и надзор за подчиненным, то подчиненный пренебрегал правами третьих лиц, с которыми они не находятся в служебных отношениях, тем самым это доказывает неэффективность системы правовой защиты от злоупотреблений публичной власти советского периода.

В целом Российская Федерация избавлена от недемократических способов защиты прав, однако модель процессуального законодательства не являлась панацеей в вопросах защиты нарушенных прав, поскольку до принятия Кодекса судопроизводства в нормах Гражданского процессуального кодекса, фактически существовала доктрина, согласно которой, из отношений административно-публичного характера не может возникнуть спор о праве, данное положение было априори.

Согласно положениям гражданского процессуального законодательства, в котором, кстати, сохранились догматические положения советского периода, негативно сказывающиеся на позициях рассмотрения спора. Если с позиций гражданского судопроизводства был спор о праве, то заявитель не мог защитить свое нарушенное право, поскольку суд требовал нарушение спора о праве ликвидировать и только после этого заинтересованное лицо могло обратиться в суд. В отношении же споров, возникающих из публично-правовых отношений ситуация отличалась кардинальным образом. Законодатель не вкладывал понятие спора о праве в административно-публичных отношениях. Это отголоски советского периода, априори государство стоит на защите прав и свобод участников правоотношений, таким

образом, не может вестись речь по спору о праве, когда стороной производства по делу выступает публичная власть[8]. Процессуальное законодательство «до принятия» использовало своеобразную терминологию, не было нарушителем прав, было заинтересованное лицо. Поэтому законодатель шагнул вперед процессуальному прогрессу в рамках развития административной реформы закрепив в нормах Кодекса административного судопроизводства наименование участников, поименовав их: административный истец и административный ответчик.

К числу источников правового регулирования следует отнести Гражданский процессуальный кодекс, до вступления в силу Кодекса судопроизводства на нем лежала сущность регламентирования производства по делам из публичных правоотношений. Сегодня этот нормативный правовой акт избавлен от этой не свойственной для него функции, он носит памятный характер как источник права. Другой процессуальный кодекс Арбитражный, тоже закреплял процедуры и ситуация с ним несколько иная, поскольку он содержит общие положения, не смотря на принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ведь нормы были изъяты из Гражданского процессуального кодекса.

Следующий этап по рассмотрению источников правового регулирования, необходимо раскрыть через призму иных федеральных законов, чья правовая регламентация допускает реализации процессуального механизма защиты нарушенных прав.

На первое место необходимо вынести Закон «О местном самоуправлении» [9]. Нормы этого федерального закона закрепляют механизм правовой защиты, в частности начиная от вопросов проведения муниципальных выборов, местного референдума, принятия нормативных правовых актов органами и должностными лицами местного самоуправления, а также действия и бездействия органов местного самоуправления и их должностных лиц[10]. Если Избирательная комиссия нарушает условия Федерального закона «О референдуме» [11], то граждане, а равно инициативная группа или их объединение в пределах, установленных уставом последнего могут понудить в судебном порядке осуществить назначение выборов, включение и исключение кандидатов из списка голосования, в том числе потребовать проверить «чистоту» самих выборов и результатов при наличии выявленных нарушений законодательства Российской Федерации.

Второе место, по нашему мнению, занимает Трудовой кодекс Российской Федерации[12]. Данный федеральный нормативно-правовой акт регламентирует вопросы трудовой деятельности. Как правило, споры, которые нас интересуют в рамках данной статьи в качестве объектов правовой регламентации, касаются отношений в области безопасности, несчастных случаев на производстве, выплаты, требований о проведении расследования последствий несчастного случая, прав на забастовку. Конечно, работодатель заинтересован в минимизации издержек в рамках своей хозяйственной деятельности, при этом в случае нарушения прав заинтересован-

ных лиц, к которым мы соответственно относим работников, трудовые коллективы, иждивенцев, лиц потерявших кормильцев. Согласно нормам трудового законодательства инспекции труда, осуществляют контроль и надзор, мерами реагирования выступают предписания, а зачастую, в рамках Кодекса об административных правонарушениях [13] приостановка деятельности хозяйствующего субъекта.

Третьим нормативным актом представляющим для нас интерес является Федеральный закон «О естественных монополиях» [14] который предусматривает меру прокурорского реагирования, заключающуюся в том, что в случае если нарушение прав производится естественными монополиями в лице государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, направляется обращение в суд о приостановлении действий решений органов публичной власти в полном объеме или частично, которое дополняется, приостановлением деятельности решений органов публичной власти предусмотренных данным абзацем в сфере естественных монополий на период рассмотрения спора судом.

Следующим федеральным источником, который обеспечивает реализацию права на обжалования решений органов и должностных лиц публичной власти выступает Закон «О гражданстве» [15]. Указанный нормативный правовой акт в своем содержании закрепляет отдельную главу, посвященную обжалованию решений органов и должностных лиц. Когда лицу государственным органом отказано в приобретении гражданства его действия могут, реализованы по средствам механизма государственной защиты процессуального характера, следует отметить, что по иным вопросам, когда органы публичной власти или их должностные лица нарушают установленный порядок основания для защиты права действуют в аналогичном порядке. Конечно, наряду с процессуальным порядком, законом закреплен механизм обжалования в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу.

Не стоит ограничивать перечень оснований, которые регламентируют защиту нарушенных прав исключительно нормами федерального законодательства. Поскольку в подзаконных актах содержатся нормы регламентирующие административный механизм, который при нарушении прав третьих лиц, органом, а равно его должностным лицом, имеет право на защиту в соответствии с самим актом.

Рассмотрим ситуацию, в которой дети остались без попечения родителей, так согласно Правил [16], составляется акт, в котором обследуются условия проживания граждан, после чего принимается решение о возможности или не возможности проживания ребенка в семье или с человеком, такое решение Органа опеки и попечительства (Комиссии) может быть обжаловано с использованием судебного механизма защиты нарушенных прав.

Конечно это не единичные случаи, можно взять иные институты административного права и рассмотреть особенности их регламентации, начиная от метрологии и заканчивая институтом ученой степени. Однако

выражаясь научным языком, необходимо подчеркнуть то, что подзаконные нормативные правовые акты не содержат в себе прямого механизма, а носят отсылочный характер или по тексту допускают реализацию такой возможности.

Резюмируя источники, регламентирующие защиту от произвола публичной власти, мы можем найти в источниках судебной практики. Конечно, наша правовая система запрещает прецедент, однако судам применяя нормы права необходимо чем-то регламентировать свое толкование. Верховный суд Российской Федерации обеспечивает такую возможность через свой Пленум, который издает Постановления, имеющие роль разъяснений для судов о применении законодательства при отправлении правосудия[17].

Таким образом, исследовав массив правовых актов, регламентирующих порядок охраны публичной власти граждан их объединений, можно выразить комплексность системы правовых актов, заложенных в советский период, который по своей сути имел базу гражданского процессуального регулирования, частично применялись нормы арбитражного процессуального права, административного права и иных отраслей юридической науки.

Подводя итог данного исследования, следует отметить массив нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по защите нарушенных прав органами публичной власти. В настоящее время продолжается процесс унификации нормативных правовых актов, которые позволят повысить эффективность и создать предпосылки для формирования самостоятельной судебной подсудности в роли административных судов, что положительно скажется на науке административного права и создаст возможность выделить из административного права самостоятельную отрасль права – административное процессуальное право.

Ключевые слова: публичные правоотношения, судопроизводство, гражданский процесс, административный процесс

Keywords: public legal relations, legal proceedings, civil procedure, administrative procedure

Литература

1. Комиссаров А.В. Законность как общеправовой принцип деятельности государственных органов // Правовая система и юридическая наука России, Литвы и Латвии в период 20-летия после распада СССР: проблемы, тенденции и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Каунас, 13-14 мая 2011 г.). СПб., 2012. С. 131-148;

2. Макаров И.А. Законность в деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009

3. Хапаева Я.А. Создание административных судов как шаг на пути обеспечения законности деятельности государственных органов // Правовая Россия: теория и практика : сб. материалов II Всерос. науч. -практ. конф. Йошкар-Ола, 2011. С. 48-49.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. От 08.03.2015 № 21-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5 -П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

6. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. (Принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) // «Свод законов РСФСР», т. 1, с. 13, 1988 г.

7. Конституция Российской Федерации : постатейный науч.-практ. комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина / под рук. Е. И. Козловой ; предисл. В.Д. Зорькина. М., 2009. С. 138.

8. Боннер, А.Т. Избранные труды по гражданскому процессу / А.Т. Боннер. — СПб., 2005.

9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

10. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2016.

11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.2002, № 24, ст. 2253.

12. Трудовой кодекс Российской Федерации. От 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. От 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

14. О естественных монополиях. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 21.08.1995, № 34, ст. 3426.

15. О гражданстве Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.06.2002, № 22, ст. 2031.

16. О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 19.05.2009 № 432 // «Собрание законодательства РФ», 25.05.2009, № 21, ст. 2581.

17. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2016.

Бондарь Олег Олегович,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России

Bondar Oleg Olegovich,

Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Макаренко Андрей Иванович,

преподаватель кафедры специальных дисциплин КрУ МВД России

Makarenko Andrey Ivanovich,

Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

PROCEDURAL PROBLEMS OF PROCEEDINGS IN THE PUBLIC SPHERE

Аннотация: Принятый Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[1], призванный устранить противоречия в гражданском процессуальном законодательстве, выделить самостоятельный объект и предмет правового регулирования, в целях реализации следующих этапов судебной и административной реформы, в полной мере не лишен правовых коллизий. Для придания правовой регламентации в области публичных правоотношений наименование административного судопроизводства усматривается необходимость в системе судов общей юрисдикции выделить административные суды.

Resume: The recently adopted Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, designed to eliminate contradictions in civil procedural legislation, to highlight an independent object and subject of legal regulation, in order to implement

the next stages of judicial and administrative reform, is not completely devoid of legal conflicts. In order to give legal regulation in the field of public legal relations the name of administrative proceedings, it is seen that it is necessary to distinguish administrative courts in the system of courts of general jurisdiction.

Современное устройство государства рассматривает одним из наиболее эффективных способов защиты прав – судебную защиту. Данный признак характерен для любого развитого правового и демократического государства[2]. После 15 сентября 2015 года количество рассматриваем дел в рамках Кодекса административного судопроизводства стремительно растет, этому свидетельствует статистика, количества рассмотренных судами дел.

Рассматривая любую сферу управленческих отношений начиная от государственного и заканчивая к примеру местным самоуправлением, следует отметить ряд факторов, которые оказывают воздействие на выполнение возложенных функций. Говоря о судебной системе и принятым Кодексом административного судопроизводства России, то эта повышенная юрисдикционная загруженность судов отрицательно отражается на эффективности деятельности судов России. Сама специфика кодекса, создает трудности в том числе и материального характера, характерные отличия от общего порядка рассмотрения дел в рамках гражданского и уголовного процессуального законодательства негативно отражается на всей судебной ветви судов общей юрисдикции. Тем самым данный критерий подталкивает к необходимости создания специализированных судов, а равно формирование отдельных уполномоченных судей в районных и городских судах, которые занимались исключительно судами по спорам из публичных правоотношений.

Принятие кодекса привело к тому, что категория дел подсудных мировой юстиции были переданы судам районного (городского) уровня. Данная ситуация произошла по причине того, что новый кодекс относил взыскание с граждан санкций и иных обязательных платежей. По сути на первоначальном этапе у мировой юстиции отняли часть полномочий приказного производства и передали судам районным. Это является характерной чертой свидетельствующей о повышении нагрузки, которая легла на указанную ранее подсудность.

Следующей не менее важной проблемой, которая возникла после принятия КАС, так это сроки рассмотрения и принятия по ним решений. В частности, следует рассмотреть два примера. В случае обращения заявителя, который обжалует неправомерные решения, действия или бездействия представителей публичной власти, то решение должно быть оформлено в день рассмотрения и оглашения. Вторая ситуация касается лиц, которые освободились из мест лишения свободы, сроки те же: рабочий день. Однако ранее действовавший Гражданский процессуальный кодекс регламентировал пятидневный срок на подготовку решения. Таким образом, мы яв-

ляемся свидетелями, негативного процесса. Поскольку законодатель пошел по пути уменьшения сроков рассмотрения, уменьшения бюрократизма со стороны судов и иных органов государственной власти, которым вверено обеспечение прав и свобод граждан и иных субъектов правоотношений, однако эта мера имеет и негативную тенденцию. Поскольку суд в своей деятельности может нарушить принципы объективности, справедливости, всесторонности и тем самым самым главный принцип законности. Уменьшая сроки рассмотрения, законодатель поставил суды в крайне некомфортное состояние, с одной стороны увеличение нагрузки на самих судей и его аппарат, что косвенно может повлиять на качественный показатель, в силу которого суды могут повысить уровень брака по объективным причинам.

Рассматривая последний тезис, который касается уровня брака, вполне закономерно назвать следующую негативную черту в деятельности судов при применении КАС. Фактически на суды легла новая функция, хотя и принятие, и вступление разделяло полгода, но должной переподготовки на деле не произошло. Говоря порой о безграмотности правоприменителя, которого на деле не отличает его административный статус, что объясняет не однозначность в толковании нормы права, которая опять, как это традиционно проявляется в нашей правовой системе имеет неоднозначное, а порой и двойное толкование. Таким образом, судьи, которые являлись непосредственными правоприменителями начали сталкиваться с этими проблемами, опять повышая уровень брака в своей судебной деятельности.

Существовавшие на первом этапе реализации норм нового Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации для судебной системы, создавало предпосылки для обжалования. Поскольку судьи, которые рассматривали обращения заявителей в рамках КАС, фактически использовали в своей правоприменительной деятельности нормы гражданского процесса. Речь идет по спору о праве, когда судьи действовали по накатанной, что нарушает права заявителя, поскольку в Законе отсутствовало понятие спора о праве.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда России[3] установлены предписания по толкованию и применению закона, которые суды должны реализовывать в своей правоприменительной деятельности. В частности, существовавшие случаи выхода за пределы статьи 10 Конституции Российской Федерации, которой провозглашен принцип разделения властей. Судья рассматривающий обращение заявителя в рамках Кодекса административного судопроизводства в отношении спора о неправомерности решения, действия/бездействия публичной власти, иного лица властного или публичного характера, лишь принимает решение о понуждении, либо устранении нарушений субъективных прав заявителя или их группы. Выходя за рамки своей судебной деятельности суды не редко принимали решения за органы исполнительной власти, тем самым вмешивались в их нормальную деятельность и нарушили тем самым принцип

разделения властей, который являющийся конституционным принципом[4].

Непосредственно обобщив основные проблемы и пробелы в правоприменительной деятельности следует остановиться более подробно на каждом из представленных примеров, существующих в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, к ним относятся следующие:

1. Необоснованный отказ заявителю на рассмотрение его обращения.

Судебная практика по отказам в принятии обращений заявителей связана непосредственно со страхом нарушения принципа разделения властей. Чаще всего судьи считали данные обращения гражданско-правового характера и разъясняли порядок обращения в рамках гражданского судопроизводства по делу.

Вышестоящие инстанции, как правило отменяли эти на первый взгляд законные решения, аргументируя свои доводы тем, что решения судов нарушают права заявителей на рассмотрение споров к публичной власти.

2. Отказ при рассмотрении споров с ненадлежащим субъектом спора.

Такая ситуация возникала чаще всего до принятия КАС, и существовал спор о подсудности гражданского или публичного характера. Чаще всего судами истолковывалась лишь разницей в государственной пошлине, либо ее неуплате и носило формальный характер для отказа в рассмотрении.

3. Оставление судом без движения обращения заявителя.

При рассмотрении обращений заявителями, суды оставляли их без рассмотрения находя формальные уловки. Данная проблема носит масштабный характер, который обусловлен неоднозначностью практики, а зачастую ее отсутствием и разными точками соприкосновения с нормами права. Ведь вышестоящая инстанция может иначе истолковать чем первая в силу пробелов в знаниях или отсутствии надлежащей правоприменительной практики.

Зачастую при рассмотрении жалоб на действия судов, вышестоящие инстанции не найдя оснований, на которые ссылался суд отменяли вынесенные определения.

Также частой проблемой являлась по мнению судей необходимость разделения, или выделения в отдельное производство споров публичного характера, если в нем присутствовали имущественные требования[5].

4. Отказ при неправильном определении подсудности дел.

Судами при определении подсудности дел совершаются ошибки, это зачастую происходит при неправильном толковании норм права. Так в нормах Гражданского процессуального кодекса [6] и Закона Об исполнительном производстве[7], существует правовая коллизия. Суды нередко толковали норму о подсудности также, как и приставы. Последние считали, судом рассматривающем дело должен быть тот, в чью подсудность которого входит территория где располагается орган судебных приставов исполнителей. Но в законе прямо существует оговорка, по месту исполнения, которое и связано с местом проживания должника.

5. Выход за установленные законом сроки рассмотрения дел.

Рассматривая обзоры Республиканских, Краевых и Областных судов представляется возможным прийти к выводу о том, что при рассмотрении дел колеблется в процентном выражении количество дел, которые рассматривают за временными рамками, предусмотренными законом. Как правило к числу объективных причин относится невозможность присутствовать на судебном заседании представителя, по причине занятости, перенос по причине неявки участника процесса в суд, ходатайства о переносе, ненадлежащее уведомление сторон, длительные сроки проведения экспертиз и запросов по причине длительности в деятельности почтовой службы.

Наиболее интересным является обобщение судебной практики в Тюменской области. Так, Тюменским областным судом в результате обобщения практики, за пять лет судами субъектов Российской Федерации выявлено менее ста дел по которым были затянuty сроки рассмотрения обращений заявителя к органам публично власти[8]. Что на наш взгляд является крайне низким показателем для судебной системы.

6. Ошибки судов при рассмотрении заявлений о восстановлении сроков.

Законом установлен срок обращения за защитой нарушенного права. Однако в законе сделана правовая оговорка, согласно которой, в случае пропуска срока, не умоляет право лица обратиться в суд, однако в данной ситуации суд вправе отказать в удовлетворении требований заявителя.

Законодатель установил довольно маленькие сроки, которые зачастую составляют пять и десять дней, что при нормальной хозяйственной и иной деятельности, а также при нарушении права, о котором лицо узнало в период выходных праздничных дней и иных препятствий выдержать не представляется возможным, и не позволяет реализовать право на защиту нарушенных прав[9]. Фактор, влияющим на удовлетворение ходатайств о пропуске сроков, лежит непосредственно на суде, и по его внутреннему убеждению обстоятельства признаются уважительными.

Нормальная деятельность и жизнь субъектов напрямую зависит от реализации своей воли, определение порядка деятельности использовать право обжалования решений, действий, бездействия органов публичной власти и их должностных лиц в зависимости от обстоятельств может создать в будущем субъективное отношение к публичной власти. Смоделируем ситуацию, в которой заявитель, находясь между судом с одной стороны и органом или должностным лицом, рассматривающим его обращение с другой стороны, ждет в сроки, предусмотренные законом, испытывает затруднения по реализации своего права на судебную защиту по причинам ранее рассмотренным. Однако говоря о судебном рассмотрении следует помнить, что суд принимая заявление за пределами установленного срока также становится заложником процессуального порядка, который может

быть реализован в форме отмены принятого решения или в добавок дисциплинарной ответственностью.

7. Злоупотребление правом судами и выход за пределы принципа разделения властей.

Постановлением Пленума Верховного Суда России[10] указано на порядок применения закона судами, которые должны реализовывать в своей правоприменительной деятельности нормы права истолкованные Пленумом. Случаи, когда суд выходит за пределы конституционного принципа разделения властей, судья рассматривающий обращение заявителя в рамках КАС в отношении спора о неправомерности решения, действия или бездействия публичной власти, иного лица властного или публичного характера, лишь принимает решение о понуждении, либо устранении нарушений субъективных прав заявителя или их группы. Выходя за рамки своей судебной деятельности суды не редко принимали решения, которые фактически предопределяли поведение органов исполнительной власти, тем самым вмешивались в их нормальную деятельность и нарушали принцип разделения властей, который является основой конституционного строя[11].

Целесообразно назвать еще ряд ошибок, с которыми сталкиваются представители судебной власти при отправлении правосудия и лица чьи права нарушены представителями публичной власти. К числу ошибок, которые возникают не по вине судов на мой взгляд включают:

- ошибки при толковании спора о праве;
- ошибки при толковании норм материального и процессуального права;
- неисполнение требований судов о предоставлении сведений;
- отказ исполнять решение судов или намеренное затягивание исполнения.

Подводя итог, следует отметить, что принятие нового порядка разрешения споров публичного характера в судах вызывает трудности, это обусловлено рядом причин, начиная от перегруженности судов и заканчивая отсутствием необходимого повышения квалификации.

Считаем, что данная ситуация будет в дальнейшем решена, поскольку прямо влияет, как на обеспечение законности в стране, так и на реализацию принципов прав и свобод граждан, повышение уровня доверия к судебной власти.

Ключевые слова: публичные правоотношения, судопроизводство, гражданский процесс, административный процесс, судебная власть.

Key words: public legal relations, legal proceedings, civil procedure, administrative process, judicial power.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. От 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, № 10, ст. 1391.

2. Абрамян С.М. Обжалование в суде действий и решений, нарушающих права и свободы граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 1.

3. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2016.

4. Сурувикина Н.А. Проблемы правового регулирования коррупции в судебном корпусе: столь частые собственные юридические ошибки или коррупция? Возможные варианты преодоления коррупционных проявлений в суде // Следователь. 2012. № 7 (171). С. 49-54.

5. Обобщение практики рассмотрения районными (городскими) судами Вологодской области гражданских дел об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. // СПС «Консультант плюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;№=32029;div=ARB;dst=100158#0> (дата обращения: 12.03.2017).

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. От 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

7. Об исполнительном производстве. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, № 41, ст. 4849.

8. Обобщение практики рассмотрения судами Тюменской области дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти // СПС «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18759290/> (дата обращения: 12.03.2017).

9. Мельник С.А. Обзор по результатам обобщения практики рассмотрения судами дел, связанных с прохождением военной службы // Юридическая клиника Юридического института ИГУ: сайт. URL: <http://cli.lawinstitute.ru/ru/practice/5/8.html> (дата обращения: 15.01.2015).

10. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2016.

11. Сурувикина Н.А. Проблемы правового регулирования коррупции в судебном корпусе: столь частые собственные юридические ошибки или коррупция? Возможные варианты преодоления коррупционных проявлений в суде // Следователь. 2012. № 7 (171). С. 49-54.

Брагин Кирилл Сергеевич,
преподаватель кафедры специальных
дисциплин Краснодарского
университета МВД России

Bragin Kirill Sergeevich,
Lecturer at the Department of Special
Disciplines Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

ЧАСТНЫЕ МОМЕНТЫ НАСТУПЛЕНИЯ СТРАХОВОГО СЛУЧАЯ ПРИ ДТП

SPECIAL MOMENTS OF OCCURRENCE OF AN INSURED EVENT IN AN ACCIDENT

Аннотация: в статье рассмотрены довольно редкие, но все же имеющие место быть случаи, в силу объективных признаков, квалифицируемые как дорожно-транспортные происшествия, а также особенности назначения по ним выплат.

Abstract: the article deals with quite rare, but still occurring cases, due to objective signs, qualified as road accidents, as well as features of the appointment of payments for them.

Сфера страхования гражданской ответственности водителей транспортных средств постоянно привлекает к себе внимание общества. Повышенный интерес к указанным вопросам вполне объясним. Во-первых, практически все население нашей огромной планеты (за редким исключением) относится к одной из категорий участников дорожного движения, что в свою очередь не оставляет равнодушными никого в вопросах возмещения вреда при ДТП. Во-вторых, рассматриваемая сфера общественной жизни вызывает перманентные и обоснованные нарекания, как у правоприменителей, так и у граждан [1, с. 23], подтверждением чему служат многочисленные публикации (как в СМИ, так и в научных изданиях [2, с.137]), а также судебные решения. Кроме того, не редки случаи, когда опытные юристы и сотрудники полиции испытывают определенные затруднения к отнесению того или иного события к разряду дорожно-транспортных. На наш взгляд подобная ситуация является наиболее опасной, поскольку при необоснованном отказе в оформлении соответствующих документов, пострадавший в ДТП теряет возможность получить, пусть незначительную, но все же компенсацию за причиненный ему вред. В настоящей статье предпримем попытку провести научно-обоснованный анализ частных и потенциально латентных примеров наступления страховых случаев при дорожно-транспортных происшествиях, в рамках которо-

го формулируем выводы и предложения, направленные на совершенствование правоприменительной практики.

И так, обращаясь к теме возмещения вреда при ДТП, следует отметить, что подобным событием, согласно действующего законодательства, признается событие, при котором в результате движения по дороге транспортного средства был причинен ущерб. Из приведенного определения можно вывести признаки, по которым, с большой долей вероятности, то или иное событие следует относить к разряду дорожно-транспортного и, соответственно в дальнейшем вести разговор о наступлении страхового случая. Данными признаками являются:

1. Транспортное средство, находящееся в движении (при этом ни один из действующих источников права, не конкретизирует какое именно транспортное средство (вид, категория и проч.), поэтому в целях объективного и правильного принятия решения о наступлении страхового случая следует использовать определения, приведенные в Правилах дорожного движения и в Федеральном законе «Об ОСАГО» [3]);

2. Дорога (не может не обратить на себя внимание, определение, этой дефиниции содержащееся в ПДД, а именно: «обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения» [4]. В этой связи вспоминается крылатая фраза: «в России дорогами называется то направление, где хочет проехать русский»);

3. Причинение вреда (не независимо от вида причиненного вреда: материальный (имущественный), физический)). Подчас, вред может быть не явным, как например физический, иными словами, человек упал, ударился, получил ушиб в результате ДТП и не обратил на это внимание, однако спустя какой-то промежуток времени, почувствовал сильное недомогание (головокружение, рвота и прочее) и обратился в лечебное учреждение. В таком случае, при наличии двух других признаков следует вести речь о наличии события, квалифицирующегося как дорожно-транспортное.

Далее, для демонстрации определенных проблемных вопросов в разграничении ДТП от иных событий, бытового или имеющих характер несчастного случая событий, приведем реальные примеры, имевшие место быть в практической деятельности полиции. И так, представьте ситуацию, при которой на оживленной автодороге водитель, двигаясь без нарушения Правил дорожного движения неожиданно наезжает на внезапно возникшее препятствие в виде двигающегося хаотично запасного колеса. Слабо ориентирующийся в вопросах правоприменения водитель может посчитать подобный случай, как не относящийся к ДТП и, при наличии возможности продолжать движение, так и поступит. Вместе с тем, обращаясь к действующим источникам права, следует заметить, что подобные ситуации урегулированы ПДД, согласно общим требованиям необходимо предпринять следующие действия: немедленно остановить (не трогать с места) транспортное средство, включить аварийную сигнализацию и выставить

знак аварийной остановки, не перемещать предметы, имеющие отношение к происшествию [4]. Справедливости ради, следует заметить, что при отсутствии вреда здоровью и при наличии только лишь механических повреждений на транспортном средстве, правила предписывают предварительно, зафиксировав следы происшествия, освободить проезжую часть и сообщить в страховую и сотрудникам полиции (в целях получения от них указания о месте оформления происшествия). Однако подобный сценарий должен реализовываться при наличии второго участника, при условии, что у обоих имеется действующий полис обязательного страхования гражданской ответственности.

Как правило, подобные случаи, учитывая слабую юридическую грамотность водителей, которые не обращаются ни к сотрудникам полиции, за оформлением ДТП, ни к представителям страховых компаний, в целях возмещения вреда, полученного в его результате, остаются латентными, и соответственно бремя восстановительного ремонта полностью ложится на самих водителей. В тоже самое время, еще более худший сценарий, реализуется, когда водитель всё-таки предполагает, что подобное происшествие носит характер дорожно-транспортного, обращается в соответствующие органы, а последние, в силу своей некомпетентности отказывают ему, или пытаются отказать, убеждая, что это просто несчастный случай. Подобное, некомпетентное (либо же целенаправленное) поведение должностных лиц страховых компаний должно строго наказываться контролирующими органами в лице Российского союза автостраховщиков, Центробанка, а также правоохранительных органов. При этом наличие случаев определенных перегибов и недостатков в деятельности страховых компаний не является тайной и подробно описано в юридической литературе [5, с. 152]. Подробно демонстрируя необходимое поведение водителя, при наступлении не всегда явных событий, относящихся к разряду ДТП следует уделить внимание и описанию необходимых действий со стороны сотрудников полиции и страховых компаний. И так, при поступлении сообщения о наезде (столкновении) с запасным колесом и отсутствии второго участника происшествия, сотрудники полиции обязаны принять заявление, зарегистрировать его и осуществить действия, направленные на установление водителя автомобиля, у которого данное колесо оторвалось. Как правило, для выяснения всех обстоятельств происшествия необходимо проведение административного расследования, по результатам которого будет установлен виновник ДТП. Соответственно, при установлении виновника происшествия, потерпевший в ДТП имеет возможность обратиться в страховую компанию, в целях возмещения вреда.

Следующий пример, казалось бы, на первый взгляд вполне бытового события – это падение пассажира в общественном транспорте, либо же падение в момент посадки в него. Зачастую, как и в первом случае, по причинам не обращения гражданина в компетентные органы либо же, отказа в приеме заявления или некачественной оценке ситуации в страховой

компании, остается латентным ДТП. Не редки ситуации, при которых во время движения общественного транспорта из-за резкого торможения, перестроения, пассажир, держащийся за поручни, все же падает и получает при этом травмы. Причем, подобное происшествие остается не замеченным, не только сотрудниками полиции или страховщиками, но и даже самим горе-водителем. Как правило, о происшествии становится известно, при обращении пострадавшего, спустя какое-то время, в лечебное заведение, которое согласно межведомственным нормативным правовым актам обязано сообщать в полицию о случаях обращения лиц после ДТП. Только после поступления информации из больницы происходит регистрация указанного события в дежурной части территориального отдела полиции и начинается работа по установлению всех обстоятельств произошедшего, что в свою очередь также связано с необходимостью проведения административного расследования. В рамках административного расследования необходимо установить тяжесть полученного вреда, что требует проведения судебно-медицинской экспертизы. И, только после установления тяжести вреда, должностное лицо, проводящее расследование имеет возможность привлечь виновного водителя к административной ответственности. После чего возможно решение вопроса с получением страховых выплат в рамках договора ОСАГО заключенного с пассажироперевозчиком.

Нами были описаны лишь некоторые частные случаи, демонстрирующие, что ДТП может остаться не замеченным как для самих его участников, так и для соответствующих служб и организации, при этом в конечном счете бремя, возмещения вреда ложится на самого пострадавшего в происшествии. Таким образом, подводя итог рассматриваемым вопросам необходимо отметить, что квалификация события как дорожно-транспортного имеет все признаки общеюридической квалификации деликтов. Также как при квалификации уголовных преступлений и административных правонарушений существует перечень обязательных элементов, по наличию которых можно говорить о событии, как дорожно-транспортного происшествия. К таковым элементам следует относить: дорога, движущееся транспортное средство и причиненный в результате этого движения вред. Поэтому, своеобразным «водоразделом» в решении вопроса о назначении выплат или восстановительного ремонта при ДТП, является квалификация того или иного события как такового.

Ключевые слова: страхование гражданской ответственности, проблемы при возмещении вреда, гражданско-правовые отношения, страховые выплаты.

Key words: civil liability insurance, problems with damage compensation, civil law relations, insurance payments.

Литература

1. Брагин К.С. Возмещение вреда при ДТП (гражданско-правовой аспект)//Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса (20.02.2020). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020.
2. Затолокин А.А. О наболевшем или в очередной раз об ОСАГО//В сборнике: «Актуальные проблемы административной деятельности полиции». материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2017.
3. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2020).
5. Затолокин А.А. Проблемные вопросы в сфере ОСАГО: административно-правовой анализ//Общество и право. 2017. № 4 (62).

Гапоненко Ольга Юрьевна,
Краснодарский университет
МВД России

Garonenko Olga Yuryevna,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia;

Жукова Наталья Владимировна,
Краснодарский университет
МВД России

Zhukova Natalya Vladimirovna,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

ANALYSIS OF SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF MARRIAGE RELATIONS BETWEEN CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN CITIZENS

Аннотация: В статье анализируются вопросы правового регулирования брачных отношений между гражданами России и иностранными гражданами, в частности, условия для признания брака законным, на чьей территории брак может быть признан недействительным; сделан вывод о том, что государство создало правовой фундамент для граждан в брачно-семейной сфере для реализации прав, а с другой обеспечило возможность осторожных действий во избежание нежелательных последствий.

Review: The article analyzes the issues of legal regulation of marriage relations between citizens of Russia and foreign citizens, in particular, the conditions for recognizing a marriage as legal, on whose territory a marriage can be declared invalid; it was concluded that the state created a legal foundation for citizens in the marriage and family sphere to exercise their rights, and on the other hand, provided the possibility of careful actions in order to avoid undesirable consequences.

Развитие цивилизации в последнее время настолько ускорилось, что изменения претерпевают абсолютно все сферы человеческой деятельности. Не являются исключением и брачные отношения. В результате упрощения во многих государствах порядка въезда и выезда на их территории, у граждан появилась возможность более мобильного перемещения, что повлекло за собой, в частности, установление отношений с иностранцами, в том числе семейных. Так, например, только в г. Москве в 2020 г. было зарегистри-

стрировано более 6 тыс. браков с иностранцами. По сравнению с 2019 г. их стало на 5 % больше [1]. И поскольку сфера брачных отношений регулируется правом, постольку вступление в брак с иностранцем с одной стороны требует знания правовых норм того государства, гражданином которого является супруг, а с другой стороны, необходимость действия в рамках собственного законодательства.

Как известно порядок заключения брака в России закреплен в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) с точки зрения традиционного и наиболее массового в интернациональном праве подхода, а также Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, где в ст. 26 сказано, что условия заключения брака определяются для каждого из будущих супругов законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является, а для лиц без гражданства – законодательством Договаривающейся Стороны, являющейся их постоянным местом жительства. Кроме того, в отношении препятствий к заключению брака должны быть соблюдены требования законодательства Договаривающейся Стороны, на территории которой заключается брак [2].

Таким образом, первым важным моментом для вступления в брачные отношения с точки зрения права является *признание брака*. Привязка к закону гражданства вступающих в брак иностранцев при определении критериев заключения брака является подходящим вариантом, который позволяет снизить численность браков, признаваемых не во всех государствах или порочных исходя из правовых норм того государства, гражданином которой считается один из супругов. В России в соответствии со ст. 14 СК РФ к обстоятельствам, препятствующим заключению брака, относится заключение брака между:

- лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке;

- близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами);

- усыновителями и усыновленными;

- лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства [10]

Если все условия соблюдены, то пара, а именно мужчина и женщина, что является в России необходимым условием для вступления в брак (поскольку в России признается лишь союз мужчины и женщины, хотя и уважаются различия, в частности в сексуальной ориентации [3]) подает заявление в органы ЗАГС, которые регистрируют брак.

Форма и порядок заключения брака на территории России определяется п.1 ст. 156 СК РФ, а так как одно лицо, вступающее в брак, является

иностранным гражданином, то применяются нормы статьи 26 ФЗ «Об актах гражданского состояния» и Письмо Минюста России от 29.03.2013 N 16/28398-ЕБ) [5], где говорится, что кроме стандартного набора документов для граждан России, иностранный гражданин обязан предоставить дополнительный комплект документов. Анализ указанного перечня позволяет сделать вывод, что государство, устанавливая данные требования, с одной стороны гарантирует, что брак будет признан, а с другой – защищает своих граждан от различного рода заблуждений, ошибок. Например, предоставление документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, требует обязательного перевода на русский язык с дальнейшим нотариальным удостоверением [6], подтвердит факт гражданства данного лица в конкретном государстве; справка об отсутствии иных брачных отношений засвидетельствует отсутствие одного из препятствий, установленных ст. 14 СК РФ.

Подчеркнем, что по общему правилу брак, заключенный гражданином России с гражданином другого государства за пределами России, но с соблюдением законодательства страны, где заключен брак, признается действительным и на территории России (п.1 ст. 158 СК РФ). Конечно, основным требованием для признания таких браков в России будет являться соблюдение требований названной выше ст. 14 СК РФ. Например, брак, заключенный в религиозной форме в государстве, где такие браки признаются действительными, а именно в Великобритании, Дании, Испании, Италии, часть штатов США, будут признаны и на территории РФ. В указанных государствах есть выбор: заключать брак в гражданской форме или же в религиозной. А в таких странах, как Андорра, Лихтенштейн, Израиль, Ирак, Иран, отдельные провинции Канады предусмотрен только религиозный брак. Если же говорить о полигамных браках, заключаемых между гражданами РФ и гражданами иностранного государства на территории другого государства, то эти браки согласно ст. 14 и п. 1 ст. 158 СК РФ, не будут признаны. Например, полигиния признана в исламе, где согласно Корану, мусульманину разрешается иметь одновременно несколько жён. И если гражданка России станет второй или третьей женой, то такой брак в России признан не будет. В то же время, если иностранные граждане заключили полигамный брак, на территории иностранного государства, то Россия с уважением относится к законам и традициям другого государства, что подтверждает п. 2 ст. 158 СК РФ. Полигамный брак граждан ОАЭ будет признаваться в Российской Федерации, т. к. в этой стране такая форма брачного союза для своих граждан закреплена государством.

Таким образом, во-первых, вопросы признания брака, находясь в сфере государственного регулирования, включающего их в правовое поле, способствуют формированию защищенности семейных прав и интересов граждан и гарантии их восстановления, в случае нарушения, во-вторых, демонстрируют стремление Российского государства устанавливать с дру-

гими государствами взаимоотношения в сфере семьи и брака на основе сотрудничества, обеспечивая удовлетворение потребностей своих граждан.

Перед вступлением в брак с иностранцем важно помнить, что в законодательстве закреплены основания, когда такой брак может быть признан недействительным. Статья 30 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам гласит, что «по делам о признании брака недействительным применяется законодательство Договаривающейся Стороны, которое в соответствии со статьей 26 применялось при заключении брака» [2]. То же самое закреплено и в ст. 159 СК РФ.

К основаниям признания брака недействительным относят нарушение условий, установленных в ст.12-14 и п. 3 ст. 15 СК РФ, а также заключение фиктивного брака. Эти основания, безусловно, адресованы российским гражданам и лицам без гражданства, которые постоянно проживают на территории России. В отношении иностранных лиц и лиц без гражданства, постоянно проживающих за пределами Российского государства, базой признания недействительным брака, который заключен в РФ, будет считаться нарушение личного закона иностранного гражданина, (личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет – ст. 1195 ГК РФ), а для лица без гражданства – закон страны постоянного проживания не на территории России. Брак признается недействительным, если нарушены требования закона, предъявляемые к форме заключения брака. При этом следует понимать, что форма заключения брака определяется законом места его регистрации.

Заключение фиктивного брака с иностранным гражданином остается достаточно распространённым явлением в современном мире. Заключая фиктивный брак лица не намерены создать семью, хотя с формальной точки зрения права он признается. Как правило, такой брак заключается с целью получения гражданства желаемой страны в упрощенном порядке или вида на жительство вне квот, а также оформления различных социальных льгот, трудоустройства и т.д. Такие браки могут носить бескорыстный характер, а могут являться средством получения определенного заработка. В России не предусмотрена уголовная ответственность за заключение фиктивного брака, как в иных странах. Например, в США, Германии, Бельгии, Австрии и других странах предусмотрено наказание от внушительного штрафа до тюремного заключения. Согласно российского законодательства, а именно ст. 27 СК РФ такой брак признается судом недействительным. Хотя такой брак и подрывает «основные начала семейного законодательства» – п.1 ст. 1 СК РФ, но никакой ответственности, кроме как гражданской, за такой брак не предусмотрено. Думается, что эту ситуацию следует изменить и включить в административные, а также уголовные нормы соответствующие санкции за вступление в фиктивный брак в зависимости от того, что явилось причиной его заключения.

Данный вопрос можно рассматривать и как миграционную проблему, с точки зрения незаконной миграции, ответственность за которую наступает на основании ст.ст. 322.1-322.3 УК РФ [7]. Указанные нормы Уголовного кодекса РФ можно применить, если будет доказано, что заключению фиктивного брака способствовала третья сторона, которая имела преступный умысел: создать ситуацию незаконного присутствия иностранца в России. Третья сторона должна действовать во исполнение своего преступного умысла, направленного на извлечение прибыли с иностранного гражданина, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде незаконного пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации [8,9].

Таким образом, вступая в брак с иностранцем необходимо понимать, что этот юридический факт влечет за собой различные правовые последствия, в том числе и негативные, которые легче предотвратить, чем в дальнейшем решить.

Итак, анализ названных в статье аспектов правового регулирования брачных отношений с иностранными лицами показал, что с одной стороны государство создало правовую платформу для граждан в указанной сфере, а с другой обеспечило возможность осторожных действий во избежание нежелательных последствий.

Ключевые слова: семейные правоотношения, брачные отношения, брак с иностранным гражданином, признание брака, недействительность брака, фиктивный брак.

Key-words: family legal relations, marriage relations, marriage with a foreign citizen, recognition of marriage, invalidity of marriage, fictitious marriage.

Литература

1. В Москве выросло количество браков с иностранцами. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2020/09/21/reg-cfo/v-moskve-vyroslo-kolichestvo-brakov-s-i№-os-tra№sami.html>. Дата обращения 01.02.2021 г.

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс]: Конвенция, Минск, 22 января 1993 г. // СПС Гарант. -<http://base.garaNet.ru/10119702>. Дата обращения 01.02.2021 г.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – <https://base.garaNet.ru/10103000>. Дата обращения 01.02.2021 г.

4. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации [Текст]: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства РФ.- 2020.- № 12.-Ст. 1855.

5. О направлении Рекомендаций по государственной регистрации заключения и расторжения брака[Электронный ресурс]:письмо Минюста России от 29.03.2013 № 16/28398-ЕБ //СПС КонсультантПлюс. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286408. Дата обращения 02.02.2021 г.

6. Основы законодательства РФ о нотариате [Электронный ресурс]: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1: в ред. от 30.12.2020//СПС Гарант. – <https://base.garant.ru/10102426>; Консульский устав Российской Федерации[Электронный ресурс]: федер. закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ: изм. и доп.22.12.2020 // СПС Гарант. – <https://base.garant.ru/12177011>. Дата обращения 02.02.2021 г.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации[Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: изм. и доп. 24.02.2021 // СПС Гарант. -<https://base.garant.ru/10108000>. Дата обращения 02.02.2021 г.

8. Приговор № 1-741/2018 от 11 сентября 2018 г. по делу № 1-741/2018 Новгородский районный суд (Новгородская область) //Судебные и нормативные акты РФ. -<https://sudact.ru/regular/doc/75a1uJUfTYw>. Дата обращения 03.02.2021 г.

9. Приговор № 1-80/2019 от 23.04.2019 по делу № 01-0080/2019 Троицкий районный суд (г. Москва, г. Троицк) // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы.- <https://mos-gorsud.ru/rs/troickij/services/cases/criminal/details/2e4fd169-55ef-44b9-beba77a6243fd3a4>. Дата обращения 03.02.2021 г.

10. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: фед. закон от 29.12.1995. № 223-ФЗ: изм. и доп.04.02.2021// СПС Гарант.- <https://base.garant.ru/10105807>. Дата обращения 03.02.2021 г

Герасимов Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет
МВД России

Gerasimov Alexander Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

СОГЛАСИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

CONSENT TO CONDUCT A TRANSACTION: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы получения согласия на совершение сделки. Определена правовая природа данной категории, ее содержание. Исследуются аспекты последствий несоблюдения требований относительно содержания такого согласия.

Ключевые слова: согласие, сделка, совершение сделки, содержание согласия, условия согласия, срок действия согласия, недействительность сделки.

Annotation: the article discusses the issues of obtaining consent to a transaction. The author defines the legal nature of consent to the transaction, discloses its content. The aspects of the consequences of non-compliance with the requirements regarding the content of such consent are investigated.

Key words: consent, deal, making a deal, content of consent, terms of consent, period of validity of consent, invalidity of the deal.

В ходе реформирования гражданского законодательства в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] появилось правило о согласии на сделку (ст.157.1 ГК РФ), регламентированы последствия совершения сделки без предусмотренного законом согласия (ст. 173.1 ГК РФ). Однако, несмотря на новизну данных норм, многие вопросы остались нерешенными, например, о правовой природе данной категории, ее форме.

Исследуемый институт согласия имеет глубокие исторические корни. Так в Римской империи существовала власть домовладыки (*paterfamilias*). Он был наделен исключительной правоспособностью в частном праве (*persona sui iuris*), иные члены семьи (*personae alieni iuris*) могли вступать в имущественные отношения лишь с целью создания прав для *paterfamilias*, но не обязанностей [2, с. 16].

В Российской империи нормы, регламентирующие данный институт, имели место в сфере опеки над несовершеннолетними (Том 10, глава 2

Свода Законов гражданских Российской империи). Согласие попечителя на совершение сделок лицом в возрасте от 14 лет до 21 года совершалось письменно и подписывалось попечителем (ст. 220). В некоторых случаях для совершения сделок требовалось получить согласие государственных органов. В частности, в случае продажи мелких казенных лесных участков требовалось получить «Высочайшее соизволение, испрашиваемое через Совет Министров» (ст. 172 Тома VIII, Ч. I, отд. 4).

Отдельные нормы имелись и в гражданском законодательстве советского периода. Для осуществления сделки несовершеннолетним, достигшим 14 лет по ГК РСФСР 1922 г. (15 лет по ГК РСФСР 1964г.), требовалось получить согласие законного представителя (ст. 9 ГК РСФСР 1922г., ст.15 ГК РСФСР 1964 г.). Существовала норма, по правилам которой перевод долга на иного субъекта производился с согласия кредитора (ст. 126 ГК РСФСР 1922 г., ст. 215 ГК РСФСР 1964 г.) и т.д.

В настоящее время многие нормы ГК РФ включают в себя правила, когда необходимо согласие определенного субъекта на заключение сделки, например, на совершение сделки с имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ), сделки с недвижимым имуществом, которое принадлежит субъекту на праве хозяйственного ведения (п. 2 ст. 295 ГК РФ), при отчуждении исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации), которые являются предметом залога (п. 4 ст. 358.18 ГК РФ) и т.д.

Общие положения о согласии на совершение сделки включены в ст. 157.1 ГК РФ. Названная статья регулирует правоотношения, которые возникают в связи с получением согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа (органа местного самоуправления) для заключения сделки. Основная особенность таких сделок проявляется в том, что сделка заключается одним лицом, а согласие на сделку дает третье лицо, которое не участвует в этой сделке.

Дефиниции «сделка, требующая согласия» и «согласие на сделку» законодателем не раскрываются. **Согласие** (ст. слав. – единый глас) рассматривают как стиль отношений между людьми, для которого характерно дружеское взаиморасположение, единодушие. Согласие представляет собой и нахождение единого способа разрешения проблем, достижение взаимопонимание. Его можно оценить и как смирение, склонность уступить чужой просьбе. В любом случае его можно считать достижением гармонии во взаимоотношениях людей [3].

Относительно правовой природы исследуемого института существуют различные взгляды, т.е. это: юридический акт (элемент состава сделки); особый акт содействия (внешнее условие сделки); односторонняя сделка; корпоративный акт, если требуется согласие органа юридического лица, органа власти [4, с. 161].

Придерживаемся позиции о том, что согласие третьего лица (частно-правовое согласие) представляет собой одностороннюю сделку, поскольку обладает всеми признаками сделок (ст. 153 ГК РФ). Согласие органа юридического лица, как правило, оформляется в виде решения собрания, которое является самостоятельным основанием возникновения гражданских правоотношений (ст. 8 ГК РФ). Согласие государственного органа (органа местного самоуправления) следует рассматривать как административный акт в сложном юридическом составе.

Законодательные правила относительно содержания согласия на совершение сделки поставлены в зависимость от вида сделки, которое определяется исходя из момента ее «санкционирования», которое можно классифицировать на предварительное и последующее, в зависимости от того, когда получено одобрение.

Относительно предварительного согласия важен такой элемент как предмет сделки, на совершение которой истребуется согласие. Не вдаваясь в нюансы дискуссионного вопроса в цивилистике о предмете сделки, исходим из того, что предмет сделки – это важнейшее, но не единственное существенное условие сделки, поскольку из содержания п. 2 ст. 432 ГК РФ следует, что условие о предмете не охватывает весь набор существенных условий.

Из содержания п. 3 ст. 157.1 ГК РФ следует, что в при последующем согласии, вернее, одобрении, требуется указать сделку, на заключение которой дается согласие. Предполагается принципиальная допустимость неуказания конкретных условий сделки и презумпции знания одобрявшего сделку субъекта об ее условиях [5, с. 389].

Существует проблемы, связанные с временными пределами согласия, поскольку в ст. 157.1 ГК РФ использована «каучуковая» норма о разумности срока. В названной статье закреплено, что субъект, чье согласие необходимо получить, сообщает участнику, запросившему согласие (другому заинтересованному лицу), в разумный срок о своем согласии либо отказе в нем [6].

Остался без законодательного закрепления вопрос о способе выражения волеизъявления частного лица, которое дает согласие на заключение сделки. Форма согласия не поставлена в зависимость непосредственно от формы самой сделки. Такая форма может быть специально указана в других нормах закона. Так, на заключение сделки несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет необходимо письменное согласие законных представителей (п. 1 ст. 26 ГК РФ) и т.д. В п. 4 ст. 157.1 ГК РФ отмечается, что молчание нельзя считать согласием на заключение сделки, исключения могут устанавливаться законом.

Верховный Суд РФ заявляет о рассмотрении согласия физического или юридического лица как сделки, но с оговоркой на данную квалификацию для применения правил о недействительности сделок (п. 50

Постановления Пленума от 23.06.2015 г. № 25 [7]). При этом отражена правомерность выражения согласия любым способом, за исключением ситуаций установления законом конкретной формы согласия (п. 55).

В судебной правоприменительной практике проявляется тенденция в соответствии с которой для определения наличия или отсутствия согласия необходим анализ фактического поведения субъекта. Помимо этого акцент делается на добросовестности (недобросовестности) субъектов, дающих согласие на совершение сделки.

В результате можно сказать, что в качестве обязательных условий согласия на совершение сделки, можно рассматривать те условия, которые регламентированы законом. Дополнительные формулируются субъектом, дающим согласие.

В ст. 173.1 ГК РФ закреплены общие условия признания сделки, совершенной без получения необходимого согласия, недействительной. Возможность оспаривания такой сделки имеет определенные границы. Признать сделку недействительной вправе одобряющий субъект или иное заинтересованное лицо. Так, в нормах Федерального закона «Об акционерных обществах» [8] регламентировано, что оспорить крупную сделку допустимо по иску самого общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) или его акционеров (акционера), которые владеют в совокупности не менее чем одним процентом голосующих акций (п. 6 ст. 79).

В указанной статье предусмотрено, что лицо, которое выдает согласие, не может оспорить сделку по основаниям, которые были ему известны в момент предоставления согласия.

Для установления согласия недействительным можно использовать общие основания признания сделок недействительными (§ 2 главы 9 ГК РФ) либо те основания, которые существуют в специальных нормах федеральных законов. В качестве примера можно назвать положения указанной выше статьи Федерального закона «Об акционерных обществах» о признании крупной сделки недействительной. В этом случае можно привести следующий пример из судебной практики.

В арбитражный суд с исковым заявлением обратился кредитный потребительский кооператив «Восточный фонд сбережений» к ООО «Атлант» о взыскании процентов за пользование займом по договору, неустойки за просрочку уплаты процентов за пользование займом. По условиям договора займодавец обязался предоставить заемщику заем в сумме 10 000 000 руб., а заемщик обязался вернуть данную сумму займа в срок до 14.04.2018. ООО «Атлант», возражая против доводов истца, представило встречный иск с требованием о признании договора займа № 17ЮХ/3-92 от 14.04.2017 недействительной сделкой, указав на заключение крупной для общества сделки без одобрения общего собрания участников общества.

Суд, рассмотрев материалы дела пришел к выводу, что применению подлежат специальные нормы Федерального закона «Об обществах с огра-

ниченной ответственностью». Суд отказал в удовлетворении требований о признании данной сделки недействительной, мотивировав это так. При решении вопроса о том, должен ли был контрагент по сделке знать о ее совершении с нарушением процедуры одобрения крупных сделок, требуется учитывать то, насколько этот субъект мог, действуя разумно и проявляя необходимую от него по условиям оборота осмотрительность, определить наличие у сделки признаков крупной сделки и несоблюдение порядка ее одобрения. Например, контрагент должен был знать о том, что сделка считается крупной и требует одобрения, если это очевидно любому разумному участнику оборота, исходя из характера сделки, при отчуждении одного из основных активов общества (недвижимости, дорогостоящего оборудования и т.п.). В других ситуациях презюмируется, что участник сделки не знал и не должен был знать о том, что сделка считается крупной [9].

Недействительность сделки может быть заменена отсутствием юридических последствий для третьего лица. В частности, по правилам ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации [10], в сделку могут быть внесены изменения, по которым сделка по распоряжению общим имуществом, совершенная одним из супругов без согласия второго, не повлечет за собой юридических последствий для второго супруга, при условии, что контрагент по сделке знал либо должен был знать об отсутствии согласия. Второй супруг вправе виндигировать спорное недвижимое имущество, что будет являться надежным способом защиты нарушенных прав, нежели признание сделки недействительной.

После проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- По своей юридической природе согласие третьего лица (частноправовое согласие) на заключение сделки представляет собой одностороннюю сделку. Согласие органа юридического лица, как правило, оформляется в виде решения собрания, которое является самостоятельным основанием возникновения гражданских правоотношений. Согласие государственного органа (органа местного самоуправления) необходимо рассматривать в качестве административного акта в сложном юридическом составе.

- Недействительность сделки, заключенной без необходимого согласия, как правило, проявляется в ее оспоримости.

- Юридическим последствием сделки без получения необходимого согласия, в основном, является ее недействительность.

- Существует проблемы, связанные с временными пределами согласия. Законодательно целесообразно в ст. 157.1 ГК РФ установить, что срок действия решения о предварительном согласии на совершении сделки требуется непосредственно указать в самом согласии.

- Отсутствие в ст. 157.1 ГК РФ правил о форме согласия можно считать пробелом в законодательстве. Целесообразно закрепить, что такое согласие может выражаться в любой форме, за исключением случаев, указанных в федеральных законах либо соглашениях сторон.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Воробьева Е.А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. С. 16.

3. Безрукова В.С. Основы духовной культуры [Электронный ресурс]: [http: didacts.ru/dictionary/1010/word/soglasie](http://didacts.ru/dictionary/1010/word/soglasie)

4. Брезгулевская Л.К. Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 156-165.

5. Поваров Ю.С. Содержание согласия на совершение сделки // Ученые записки Казанского университета. 2018. Т. 168. Кн.2. С. 386-394.

6. Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 3-12.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

8. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 1.

9. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 03 марта 2020 г. по делу № А73-17121/2019 [Электронный ресурс]: <https://sudact.ru/arbitral/doc/upd7FKKVYZ6J/>

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 06.02.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

Reference:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994, No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Vorobyova E.A. Legal regulation of transactions requiring consent under the civil legislation of the Russian Federation: dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2016. P. 16.

3. Bezrukova V.S. Fundamentals of Spiritual Culture [Electronic resource]: [http: didacts.ru/dictionary/1010/word/soglasie](http://didacts.ru/dictionary/1010/word/soglasie)

4. Brezgulevskaya L.K. The problem of consent to conclude transactions in the light of the reform of civil legislation // Zakon. 2014. No. 9. P. 156-165.

5. Povarov Yu.S. Contents of the consent to the transaction // Scientific notes of Kazan University. 2018. Vol. 168. Book 2. P. 386-394.

6. Dolinskaya V.V. Consent to the transaction: problems of legislation and doctrine // Laws of Russia: experience ,analysis, practice. 2014. No. 12. P. 3-12.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015, No. 25 "On the application by courts of some provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

8. On joint stock companies: Federal Law of December 26, 1995, No. 208-FZ (as amended on July 31, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 1. Art. 1.

9. The decision of the Arbitration Court of the Khabarovsk Territory dated March 03, 2020 in case No. A73-17121 / 2019 [Electronic resource]: <https://sudact.ru/arbitral/doc/upd7FKKVYZ6J/>

10. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on February 6, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. sixteen.

Градский Владимир Евгеньевич,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Уральский юридический институт
МВД России
Gradsky Vladimir Evgenyevich,
Lecturer of department of civil
law disciplines,
Ural Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russian

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF MEDIATION IN THE CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Отечественный гражданский процесс находится в стадии реформирования. В статье анализируются статистические данные о проведении процедуры медиации по гражданским делам. Рассматриваются проблемные вопросы развития примирительных процедур в Российской Федерации.

Annotation: The domestic criminal process in the process of reforming, it needs specialized elements that would allow the use of restorative justice. The article analyzes statistical data on the conduct of mediation in civil cases. The problematic issues of the development of the mediation procedure in the Russian Federation are considered.

В последние годы гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации претерпевает ряд положительных изменений, связанных в первую очередь с альтернативными способами разрешения споров. Это вполне объяснимо, так как медиация и другие примирительные процедуры имеют несколько преимуществ по сравнению с традиционной

судебной системой. Во-первых, отсутствие жестких процессуальных форм, во-вторых, добровольное исполнение принятых решений, в-третьих, большая вероятность сохранения партнерских отношений после разрешения конфликта. К преимуществам также следует отнести и непродолжительный характер данной процедуры, что является востребованным в условиях загруженности судебной системы.

Развитие альтернативных производств берет свое начало с момента вступления в силу Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 года № 138. Так, в ст. 220 впервые фиксируется возможность заключения мирового соглашения. 1 января 2011 г. был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193 ФЗ, который полноценно закрепил регулирование отношений, связанных с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений. Несмотря на попытку законодателя усовершенствовать гражданское процессуальное законодательство, институт медиации за период существования (с 2010 года) результатов не дал, поскольку использовался при рассмотрении дел крайне редко — в период с 2011 по 2017 год всего лишь 0,008 % дел судами общей юрисдикции и 0,002 % дел арбитражными судами[1].

26 июля 2019 г. в законную силу вступил № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым Гражданский процессуальный кодекс РФ был дополнен главой 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Инициатором нововведений выступил Верховный Суд РФ. В главе подробно регламентируется проведение процедуры медиации и судебного примирения. Урегулированы основания, порядок и сроки проведения примирительных процедур, результаты, формы и исполнение мировых соглашений. В 2019 году судами было рассмотрено 19,6 млн. гражданских дел, из которых только 1041 прекращено ввиду урегулирования спора путем проведения процедуры медиации[2].

Проведя анализ положений нормативно-правовых актов и изучив статистику применения процедуры медиации, мы приходим к следующим выводам. Независимо от продолжительности существования примирительных процедур в Российской Федерации, они не находят отклик со стороны правоприменителей и участников гражданского судопроизводства. Использование медиации остается редким явлением и объясняется это наличием ряда проблем общесоциального и процессуального характера.

Как утверждает Н.В. Федоренко, причина слабого развития медиативной практики, кроется в менталитете и исторической предрасположенности российского общества. Многие соотечественники убеждены в главенствующей роли государства в разрешении конфликта, даже в тех случаях, когда это идет вразрез с их экономическими интересами[3]. Отсутствие просветительской деятельности в отношении не только широкого круга населения, но и для профессиональных юристов о преимуществах прими-

рения, также является препятствием в развитии данных процедур. На наш взгляд, недостаточно внимания уделено и информированию о процедуре медиации непосредственно в момент судебного разбирательства, со стороны должностных лиц и суда.

От общесоциальных причин стоит перейти непосредственно к процессуальным проблемам применения медиации. Заместитель председателя судебного состава № 1 судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда Н. Панкратова утверждает, что суды зачастую оценивают мировые соглашения с точки зрения законодательства об исполнительном производстве. Так в большинстве своем судьи не утверждают мировые соглашения, так как считают их заведомо неисполнимыми, что в свою очередь ведет к затягиванию сроков производства[4]. Как отмечает В.О. Аболонин, необходимо создать систему стимулирующих мер, заключающихся в поощрении граждан к использованию медиационных процедур. Например, истцу при заключении мирового соглашения, а также при отказе от иска или признании ответчиком иска, будет возвращаться часть госпошлины, в том числе по результатам проведения примирительной процедуры. Данная новация значительно снизит расходы граждан на судебное разбирательство при разрешении гражданских дел и поможет в распространении процедуры медиации.

В заключении, необходимо отметить, что в настоящее время институт примирения является перспективным и приоритетным направлением развития гражданского процессуального законодательства Российской Федерации. Государство предпринимает попытки развития примирительных процедур, повышая их востребованность и эффективность применения. Для решения проблем препятствующих успешному функционированию данного института, мы полагаем, целесообразно проводить просветительскую деятельность населения, направленную на информирование граждан относительно внесудебных способов разрешения спора, а также следует наладить взаимодействие представителей науки, практикующих юристов, судей и гражданского общества, заинтересованных в развитии процедуры медиации в нашей стране.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, процедуры примирения, медиация, медиатор, мировое соглашение;

Keywords: civil procedural law, conciliation procedures, mediation, mediator, amicable agreement;

Литература

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных

процедур» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/57267840> (дата обращения: 25.01.2021).

2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.01.2021).

3. Федоренко Н.В., Чайкин Г.Д. Проблемы интеграции медиации в российский гражданский процесс // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 6. – С.109.

4. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Статья «Достоинства и проблемы медиации» [Электронный ресурс] // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dostoinstva-i-problemy-mediatsii/> (дата обращения: 25.01.2021).

Данилов Давид Борисович,
кандидат юридических наук, доцент
начальник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
Danilov David Borisovich,
candidate of law, associate Professor
head of research Department
Krasnodar University of the Ministry of internal
Affairs of Russia

ПРИМЕНЕНИЕ КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ РЕШЕНИЙ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

APPLICATION OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN APPEALING DECISIONS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE

Аннотация. В исследовании формулируются выводы об эффективности текущей модели применения Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации, а также выявление возможных способов модернизации отдельных положений.

Annotation. The study draws conclusions about the effectiveness of the current model of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, as well as identifying possible ways to modernize certain provisions.

Актуальной в настоящее время является проблема несовершенства применения судами Кодекса административного судопроизводства РФ (далее КАС РФ) и административного законодательства в целом.[1] Значительный объем ошибок, допускаемый судьями в процессе вынесения судебных решений, стал одним из детерминантов правовых последствий в виде обжалования, а в некоторых случаях и вовсе отмены решений по рассматриваемым делам. Так, согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2020 год в рамках апелляционного производства Верховным судом было рассмотрено 1626 административных дел, что на 25% больше чем за аналогичный период 2019 года (1220). [4]

Важно отметить, что от лиц участвующих в деле в 2020 году поступило 13 595 жалоб на вынесенные судебные решения. Такое количество жалоб вызывает бурные дискуссии, как стороны научного сообщества, так и со стороны правоприменителей.

Несмотря на то что КАС РФ является относительно новым нормативно правовым актом, многие его нормы нуждаются в доработке и модернизации. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 "О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации"[5], должно было решить ряд существенных проблем в судебной практике. Однако этого не произошло, множество вопросов так и остались неурегулированными.

Как известно, с принятием КАС РФ, претерпело изменение гражданское и арбитражное процессуальное законодательство, из которых были исключены целые разделы регламентирующие производство по делам возникающим из публичных правоотношений. Указанное на практике привело к огромному количеству судебных ошибок как при рассмотрении дела впервые, так и на стадии апелляционного производства, многие из которых сводятся к неправильному толкованию норм права.

Следует обратить внимание на то, что использование судами КАС РФ в апелляционной инстанции также является относительно неурегулированным и требует определённых изменений. На наш взгляд имеющаяся судебная практика и разъяснения многих положений КАС РФ Верховным судом РФ, является достаточным для правильного применения органами судебной власти норм права, в процессе осуществления деятельности при рассмотрении административных дел в первой и апелляционной инстанции. Однако в научной литературе отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные указанной проблематике.

Нормы административного права, регламентирующие и обеспечивающие эффективность функционирования судов первой и апелляционной инстанции, являются межотраслевыми и фактически охватывают, в том числе и процессуальные правоотношения.

В настоящий момент в научном сообществе высказывается значительное количество авторитетных мнений относительно достоинств и не-

достатков КАС РФ и административного судопроизводства как отдельного вида судебного процесса.

Следует согласиться со специалистами, отмечающими, что административное законодательство в целом является несовершенным, именно это стало причиной значительных изменений норм права в последние годы.[2]

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является реализация института представительства в административном процессе, в том числе и в апелляционном производстве. В соответствии со статьей 55 КАС РФ представители участников спора должны обладать высшим юридическим образованием или ученую степень по юридической специальности, что представляет собой нарушение процессуальных гарантий участников на судебную защиту и создает неравенство сторон в определенных категориях административных дел.

Таким образом, КАС РФ предусматривает различные категории дел, по которым участие представителя является обязательным, при этом институт бесплатной квалифицированной юридической помощи в ее разделах не упоминается. В то же время положения, предусмотренные статьей 48 Конституции РФ гарантируют право на получения такой помощи. В итоге, в случае если материальное положение гражданина не позволяет оплатить услуги юриста – специалиста, фактически он лишается возможности эффективно защитить свои права в суде.

Кроме того, спорным также является содержание части 1 статьи 196 КАС РФ, согласно которой суд оставляет иск без рассмотрения, если он не подписан или подан в суд лицом, не имеющим полномочий на его подписание и подачу в суд.

Важным является и то, что высшее юридическое образование не всегда единственный критерий качественной правовой помощи. Широкое распространение в России модели самообразования создает, в ряде случаев, значительную конкуренцию стандартной системе образования. Так, например, нередки случаи, когда еще не получившие диплом представители студенческой социальной группы, обладают достаточно обширными знаниями в отдельных отраслях права и могут составить конкуренцию профессиональным адвокатам в судебном процессе. Эта процедура успешно применяется в гражданском и арбитражном процессе, по которым наличие высшего юридического образования для представителей не является обязательным условием.

23.07.2020 Конституционный Суд вынес Определение № 1663-О/2020 по жалобе на не конституционность ч. 1 ст. 55 и п. 3 ч. 1 ст. 196 КАС РФ, в котором указал, что: «Конституционное право на судебную защиту и принципы состязательности и равноправия сторон не предполагают выбор по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, а право вести свои дела в суде через самостоятельно выбранного представителя не означает безусловное право выбирать в качестве такового любое лицо и не предполагает возможность участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя»[3].

С такой позицией трудно не согласиться, однако и она не исключает дискуссий. Так, стоит отметить, что отстаивание своих интересов гражданами самостоятельно в ряде случаев невозможно, поскольку процесс судебных тяжб зачастую является достаточно сложным, а иногда и затягивается на годы, особенно когда доходит до пересмотра дела вышестоящими инстанциями. В соответствии с действующим законодательством правом на подачу жалобы или заявления о пересмотре дела обладает любое лицо, участвующее в деле и лицо, чьи интересы затрагивает вынесенное судебное решение.

Верховный суд Российской Федерации дал разъяснение по вопросам применения КАС РФ в апелляционной инстанции, пояснив, что правом апелляционного обжалования судебных актов суда первой инстанции обладают не только участвующие в деле лица, но и лица, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом, а также их представители и правопреемники.[4]

Тем самым, стоит отметить, что круг субъектов обжалования существенно увеличивается, при этом вопрос получения гражданами квалифицированной юридической помощи остается нерешенным. Основным направлением разрешения данной проблемы видится не оспаривание конкретных положений в Конституционном суде Российской Федерации, а обеспечение качественно функционирующего, института бесплатной правовой помощи при производстве в суде первой и апелляционной инстанции по административным делам, требующим обязательного участия представителя.

Существуют и иные пути решения данных трудностей в правоприменительной практике – подвергнуть изменениям положения КАС РФ, регламентирующее обязательное наличие представителя, соответствующего критериям, закрепленным в статье 55 КАС РФ, а именно разрешить гражданам обращаться в суд с административным иском, не привлекая при этом юриста или гражданина с ученой степенью по юридическим специальностям, а также дать возможность привлекать к судебным тяжбам лиц, которые не обладают высшим юридическим образованием, но способным доказать свою квалификацию. Доказательства при этом должны оцениваться и допускаться судом.

Литература

1. Данилов Д.Б. Специфика процесса доказывания по делам об административных правонарушениях за незаконное использование товарного знака // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 142-145.

2. Лихарев В. В., Трунина Е. В. К вопросу об административной ответственности за нарушение таможенных правил в свете разработки новой редакции КоАП РФ //Административное и муниципальное право. 2016. № 9 (105). С. 738-745.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 N 1663-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Буланова Ивана Александровича и Ивентьева Сергея Ивановича на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 55 и пунктом 3 части 1 статьи 196 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23072020-n-1663-o/>

4. ВС РФ разъяснил вопросы применения КАС РФ в апелляционной инстанции URL: <http://www.garant.ru/news/1380665/#ixzz6lq34PPQi>.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/.

Доев Виталий Александрович,
преподаватель кафедры гражданского права
и процесса Краснодарского университета
МВД России

Doev Vitaly Alexandrovich,
Lecturer at the Department of Civil Law
and process Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;

Павлюк Владимир Александрович,
управляющий партнер юридической компании
«Интеллект», член Общественного Совета
при Уполномоченном по защите прав
предпринимателей в Краснодарском крае

Pavlyuk Vladimir Alexandrovich,
Managing Partner of «Intellect» Law Firm,
member of the Public Council
under the Ombudsman
entrepreneurs in the Krasnodar Territory

НОВИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СЛУЧАИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

INNOVATION OF COMMITMENTS AND A MODERN LOOKING FOR TERMINATION OF OBLIGATIONS

Аннотация: В настоящей статье автор анализирует последние изменения в законодательстве, касающиеся новации как способа прекращения обязательств. Дается оценка применяемой терминологии, а также выявляется ряд недоработок, которые законодатель должен устранить дабы внести конкретику и ясность. Рас-

считается процедура признания соглашения недействительным, ничтожным или незаключенным, и указывается на отсутствия конкретных рекомендаций на случай, когда новация утрачивает юридическую силу.

Annotation: In this article, the author analyzes the latest changes in legislation concerning innovation as a way to terminate obligations. An assessment of the terminology used is given, and a number of shortcomings are identified, which the legislator must eliminate in order to bring specifics and clarity. The procedure for recognizing an agreement as invalid, null and void or not concluded is considered, and it is pointed out that there are no specific recommendations in the case when the innovation loses legal force.

Под термином новация в гражданском праве Российской Федерации необходимо понимать один из доступных способов прекращения обязательств. В ст. 414 в частности говорится, что последствием новирования соглашения является прекращение его действия при условии возникновения новых обязательств в рамках достигнутых сторонами договоренностей. Разъяснения по вопросам новирования приведены в Постановлении Пленума ВС РФ №6 от 11 июня 2020 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». Этому отведены п. 22-29. Однако с точки зрения современной юридической науки не совсем ясно, насколько необходимы данные изменения в законодательстве, так как не совсем ясно, настолько ли велика разница между новацией и другими способами прекращения обязательств с заменой условиями соглашения сторон.

Есть множество научных трудов, где рассматривается данный вопрос¹. Однако характерной точкой зрения ученых юристов является рассмотрение возможности прекращения обязательств с учетом сохранения интересов кредиторов². Но ведь есть и другая сторона – должник, и современный взгляд заключается в том, что его интересы также должны быть учтены. Насколько адекватным можно считать правовое регулирование приостановки взаимоотношений, если не внести ясность, чем собственно отличается новация от других способов, например, от отступного.

Исходя из текста вышеупомянутых законодательных актов, можно сделать вывод, что обязательным условием новирования является наличие первоначальных условий. Но о том, как будут регулироваться случаи, когда первичное соглашение недействительное, в законодательстве нет четкой позиции. Логично предположить, что если сделка признана недействительной, то никаких юридических последствий она в себе не несет. Значит, новация также должна быть расценена как недействительная. Подобным образом ситуация складывается и в случае, когда сделка признается ничтожной.

¹ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Юринфор, 2002. Т. 1. 490 с.

² Карапетов А. Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М. : Статут, 2011. 239 с.

Но признание предполагает наличие соответствующего решения суда. Получается, что до даты вынесения решения и сделка и новация имеют юридическую силу. Более того, новирование является косвенным доказательством действительности первоначального соглашения, так как новация предполагает добровольное согласие сторон отменить его условия, и установить новые обязательства выполнения условий договора.

При вынесении решения суд пользуется ст 166 ГК РФ. Несмотря на то, что последние изменения затрагивали вопрос о новировании, никаких изменений в эту статью внесено не было. Да и в других законодательных актах не рассмотрены подобные случаи. И даже если говорить о сделках, которые признаются незаключенными, отмена новации также производится на основании логических выкладок, а не на основании конкретных указаний законодателя. Логично считать, что если сделка признана незаключенной, то и новация утрачивает юридическую силу, так как наличие первоначальных обязательств – обязательное условие новирования. Но законодатель не посчитал необходимым прописать все это в законах.

Точно также дело обстоит в ситуации, когда имеют место самостоятельные обстоятельства. Из п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ №103 следует, что в подобных ситуациях новацию необходимо расценивать как несостоявшейся. Но первичные обязательства при этом сохраняются. Более того, в научной литературе упоминается, что обязательства бывают разовые и длящиеся¹. Но и этот вопрос не затронут законодателем. Можно предположить, что если разовое обязательство не может быть исполнено в принципе, то и новирование обязательств невозможно. С другой стороны невозможность исполнения разовых обязательств может быть связано с наступлением временных факторов тому препятствующих. С точки зрения справедливости такое положение нельзя считать логичным. А значит, данные случаи также необходимо учесть при внесении очередных изменений законодательства о новации обязательств.

Статья 328 ГК РФ предполагает прекращение обязательств основного соглашения, если временно приостанавливается деятельность одного из субъектов, участвующих в сделке. Но, такое регламентирование можно считать усеченным. Законодатель должен предоставить более развернутую информацию о том, каким образом регламентируются подобные случаи, ведь при таких условиях убытки могут понести обе стороны².

В данном случае современный взгляд на сложившуюся ситуацию предполагает необходимость развития института прекращения обязательств в комплексе. Также необходимо внести ясность, в чем собственно заключается отличие новации от других способов изменить условия первоначального соглашения сторон.

¹ Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах : учебное пособие. М. : Статут, 2015. 288 с.

² Лопатин С. Приостановление исполнения встречного обязательства // ЭЖ-Юрист. 2017. № 27. С. 10.

В судебной практике судов, сформированной на основании указанного выше Постановлении Пленума ВС РФ, существует распространенный подход разрешения судебного спора, при котором при рассмотрении в качестве доказательства соглашения о новации суды, не принимая во внимание наименование соглашения сторон, приступают к анализу первоначального обязательства по основному договору, далее к условиям соглашения о прекращении обязательства предусмотренных главой 26 ГК РФ. С учетом проведенного судом юридического анализа, по своей инициативе, самостоятельно, приходят к выводу о собственной квалификации (толковании) соглашения о прекращении обязательств, рассматриваемого в конкретной ситуации. В настоящий момент превалирует вывод, обоснованный пунктом 22 Постановления Пленума ВС, о том, что большинство получивших оценку судом соглашений о новации, фактически являются – соглашением об отступном.

Пунктом 22 предусмотрено основание для толкования соглашения только при наличии доказательств указывающих на неопределенность в действительной воле участников соглашения, независимо от убеждений участников соглашения, следовательно обоюдная воля должна быть – бесспорной. Между тем Пленум не расширил совокупность всех элементов для установления факта действительной воли, влекущей право суда на применение норм материального права. Ввиду абстрактности обстоятельств в определении истинной воли при заключении соглашений в рассматриваемой ситуации, правило данного Пленума, может быть не столь ясным, ввиду чего суд следовать при принятии решения на свое усмотрение.

Приведенные рассуждения приводят к мысли о недопонимании правовой природы соглашения о новации участниками гражданского оборота, которая ведет к существенным правовым рискам, не урегулированным действующим законодательством.

Главный признак новирования – «*animus novandi*». Новация предполагает обоюдное добровольное намерение должника и кредитора, которое заключается в отмене первоначальных договоренностей и определение новых обязательств. Это значит, что участники сделки должны четко и недвусмысленно прописать все эти условия в новом документе. В п.22 вышеупомянутой статьи законодатель определяет, что новация предполагает указание нового предмета договора. В результате стороны принимают на себя абсолютно новые обязательства, за неисполнение которых следует наступление ответственности. Но такой подход не конкретизирует отличия новации от отступного. И если есть сомнения касательно того, каким образом стороны отменяют первичные обязательства, сделку необходимо трактовать в пользу отступного. Исходя из правила об «*animus novandi*» новация не предполагается¹. Такой подход необходим, если учитывать, что в

¹ Вавилин Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012

некоторых случаях прекращение действия первоначальных договоренностей приводит к отмене обеспечения кредитора.

И наконец, в п.23 Постановления Пленума ВС РФ №6 присутствует довольно странная формулировка: «В случае новации договорного обязательства должник по такому обязательству не лишается прав на возражения и иные способы защиты, предусмотренные статьей 328 ГК РФ, например на приостановление своего исполнения (пункт 2 статьи 328 ГК РФ)». Здесь возможно разночтение терминологии. С одной стороны обязательство следует понимать как правоотношения сторон как таковые. С другой это может быть обязательство одного из участника сделки – должника.

Когда новация трактовалась как способ прекращения обязательств в виде прекращения правоотношений в целом, вопросов не возникало. Но тогда еще не был развит институт изменения обязательств сторон. В современном понимании новирование – это метод изменения отдельно взятых обязательств при условии сохранения прочих договоренностей, если они дублируются в тексте нового соглашения. В результате мы снова сталкиваемся с тем, что грань между новацией и отступным размыта, и здесь возможны споры и недопонимание. Следовательно, можно поставить под сомнение актуальность новации как таковой, ведь в современных условиях действует уже отлаженный институт внесения изменений в обязательства. Получается, что гораздо удобней оформить изменения в виде дополнительного соглашения к основному договору. Тогда полностью исключены споры в случае его признания недействительным, ничтожным, незаключенным¹.

Из всего вышесказанного видно, что законодатель обязан внести ясность, регламентировать и конкретизировать новацию как средство, позволяющее прекратить обязательства по первичному соглашению. Важно уделить больше внимания вопросам утраты юридической силы для сделок о новировании. Институт прекращения обязательств требует дальнейшей модернизации, чтобы субъекты гражданского права могли пользоваться всеми методами и механизмами, когда необходимо урегулировать взаимоотношения кредиторов и должников. Если этого не сделать, в дальнейшем неизбежны споры по причине разночтений, как в случае с понятием «обязательства», который описан выше.

Ключевые слова: новирование обязательств; новация; прекращение обязательств; отмена соглашений, гражданско-правовые взаимоотношения; изменение условий исполнения; обязанности сторон; современный взгляд.

Key words: novating obligations; innovation; termination of obligations; cancellation of agreements, civil relations; changing the terms of execution; duties of the parties; modern look.

¹ Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 223

Литература

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Юринфор, 2002. Т. 1. 490 с.
2. Карапетов А. Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М. : Статут, 2011. 239 с.
3. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах : учебное пособие. М. : Статут, 2015. 288 с.
4. Лопатин С. Приостановление исполнения встречного обязательства // ЭЖ-Юрист. 2017. № 27. С. 10.
5. Вавилин Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012.
6. Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 223.

Доев Виталий Александрович,
преподаватель кафедры гражданского
права и процесса
Краснодарского университета МВД России

Doev Vitaly Alexandrovich,
Lecturer at the Department of Civil Law
and process Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia;

Киут Марика Темуровна,
курсант 2-го курса взвода 0419
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия
и дознания Краснодарского университета
МВД России

Kiut Marika Temurovna,
2nd year cadet platoon 0419
Faculty of Training specialists for organs
preliminary investigation and inquiry
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАЛОГА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

LEGAL NATURE OF PROPERTY RIGHTS PLEDGE

Аннотация: в доктрине гражданского права, в научной и учебной литературе уделяется повышенное внимание теме нашей работы, так как специфика залогового имущества сказывается на порядке его реализации. Залог имуще-

ственного права обладает определенной спецификой в зависимости от самого права – обязательственного, исключительного и т.п. Например, для залога по банковскому счету придется открыть залоговый счет. В рамках данной статьи я даю совокупный и системный анализ норм действующего российского законодательства с учетом последних изменений и поправок, позиции авторов и исследователь, выявляя и анализируя особенности залога имущественных прав.

Annotation: in the doctrine of civil law, in the scientific and educational literature, increased attention is paid to the topic of our work, since the specificity of the pledged property affects the procedure for its implementation. A pledge of a property right has certain specificities depending on the right itself – obligation, exclusive, etc. For example, in order to secure a bank account, you will have to open a security account. Within the framework of this article, I give a comprehensive and systematic analysis of the norms of the current Russian legislation, taking into account the latest changes and amendments, the positions of the authors and the researcher, identifying and analyzing the features of the pledge of property rights.

Говоря о правовой природе залога имущественных прав, особое внимание уделяется залому корпоративных прав. Мухамадеева Р.А. в своей научной статье отмечает, что для достижения сбалансированности интересов сторон с учетом особой природы корпоративных отношений стоит законодательно определить ограничение перехода прав на управление юридическим лицом к залогодержателю. В тоже время для исключения злоупотреблением прав залогодателем, как одно из условий, необходимо закрепить законодательно за залогодержателем возможность контролировать совершение экстраординарных сделок для исключения сокращения активов и ухудшения финансово-экономического положения юридического лица, предусмотрев условия согласования с залогодержателем данной категории сделок¹.

Интересной работой в области залога корпоративных прав представляется статья Л.Ю. Василевской².

На наш взгляд, изначально, необходимо отметить какие виды имущественных прав в соответствии с гражданским законодательством должны составлять предмет залога:

- обязательственные имущественные права. Данные права (права требования) вытекают из обязательств, что следует из пункта 1 статьи 358.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³.

- корпоративные права. Допускается залог прав акционера и участника ООО. Корпоративные права являются особенными, так как связаны

¹ Мухамадеева Р.А. Залог прав участников юридического лица: особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем // Гражданское право. 2019. № 3. С. 36 - 38.

² Василевская Л.Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. N 1. С. 3 - 6.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

с членством в юридическом лице (в определенных организационно-правовых формах).

- исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности.
- права на бездокументарные ценные бумаги¹.

Что касается обязательственных прав, то их залог обладает нижеследующими особенностями.

Так при залоге обязательственных прав в договор залога вписываются дополнительные существенные условия. Обязательство должно быть действительным и подробно описано в договоре залога с указанием источника обязательства, например, договор займа, кредита и т.п. Чаще всего обязательства возникают из гражданско-правовых договоров. Также важной особенностью является то, что при залоге обязательственных прав законодателем устанавливаются различные последствия исполнения должником заложенного права. Отметим, что залог обязательственного права никак не должен сказываться на должнике, ухудшать его положение. Последнее противоречило бы не только основам и принципам гражданского права, но и идеям правового государства, которым является Российская Федерация в силу своей Конституции². Ведь в правовом государстве права и свободы человека и гражданина являются наивысшей ценностью. Они должны не просто номинально провозглашаться и признаваться, а должны реально гарантироваться со стороны государства.

Последняя особенность залога права требования заключается в том, что в отношении заложенных прав предусмотрен особый порядок их реализации. Отметим, что такая реализация может проводиться как в судебном, так и во внесудебном порядке, такое право может быть реализовано на торгах.

Необходимо обратить внимание, что по общему правилу, получать согласия должника на залог права требования не нужно, что следует из пункта 1 статьи 358.2 ГК РФ. Однако, в двух случаях получение такого согласия должника все же необходимо. Первая ситуация связана с тем, что кредитор и должник предусмотрели в нормах закона обязательное получение согласия должника на залог права требования. Во-вторых, при обращении взыскания на заложенное право и его реализации к приобретателю права должны перейти связанные с этим правом обязанности.³

При залоге права требования может встать закономерный вопрос – кому должник должен исполнять обязательство – должнику или залогодержателю? По общему правилу, порядок погашения долга при его залоге

¹ Особенности залога имущественных прав // СПС КонсультантПлюс. 2021.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

³ Особенности залога имущественных прав // СПС КонсультантПлюс. 2021.

не меняется и должник должен исполнить обязательство перед кредитором, а не перед залогодержателем. Однако, на практике не редко бывают случаи, когда стороны достигают соглашения, чтобы должник осуществлял исполнение непосредственно залогодержателю. Однако, если должника не уведомили о факте залога и о данной договоренности, то он правомерно может продолжать исполнение в пользу своего непосредственного кредитора. Данное не будет являться нарушением обязательства с его стороны.

Последствия исполнения должником обязательства, из которого вытекает заложенное право, различаются в зависимости от того, что и кому он передает. Если должник выплатил денежные средства залогодержателю, то по общему правилу они засчитываются в погашение обязательства, обеспеченного залогом права, что регламентировано положениями пункта 2 статьи 358.6 ГК РФ¹. Если должник перечислил денежные средства вам (залогодателю), по общему правилу залогодержатель может потребовать, чтобы вы уплатили полученную сумму в счет исполнения обязательства, обеспеченного залогом, что следует из нормы пункта 2 статьи 358.6 ГК РФ. Однако необходимо учитывать, что право залога на эти денежные средства у залогодержателя не возникает, что закреплено в пункте 4 Обзора судебной практики ВС РФ N 4 (2016)).²

В заключение, нами был проведен совокупный и системный анализ норм действующего российского гражданского законодательства, научной и учебной литературы в целях выявления особенностей залога имущественных прав. Сделан вывод, что на доктринальном уровне данному вопросу уделяется повышенное внимание, так как залог указанных прав обладает рядом специфических черт и особенностей, которые необходимо учитывать на практике, вступая в залоговые правоотношения.

Особой спецификой обладает залог корпоративных прав, так как данные права возникают в связи с членством в юридическом лице. Однако, мы видим, что законодатель существенно ограничил круг корпоративных прав, которые могут составить предмет залога. Данное делается в поддержание стабильности в деятельности юридических лиц, как субъекта гражданских правоотношений.

Особое внимание было уделено особенностям залога прав требования. Сделан вывод, что при залоге права требования ни коем образом не должно ухудшаться положения должника, не должны ограничиваться его права и свободы. Также сделан вывод, что, по общему правилу, согласие должника на залог права требования к нему не требуется. Однако, из любого практически правила есть свои исключения.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2017 (окончание).

Ключевые слова: имущественные права, виды имущественных прав, залог, залоговое имущество, реализация предмета залога, залогодатель, залогодержатель, особенности залог, обязательственные права, исключительные права, гражданские права и обязанности, залоговые правоотношения.

Key words: property rights, types of property rights, pledge, pledged property, sale of the subject of pledge, pledger, pledgee, especially pledge, rights of obligation, exclusive rights, civil rights and obligations, mortgage relations.

Литература

1. Мухамадеева Р.А. Залог прав участников юридического лица: особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем // Гражданское право. 2019. № 3. С. 36 – 38.

2. Василевская Л.Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1. С. 3 – 6.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

4. Особенности залога имущественных прав // СПС Консультант-Плюс. 2021.

5. Особенности залога имущественных прав // СПС Консультант-Плюс. 2021.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2017 (окончание).

**Дресвянникова Анастасия Алексеевна,
Шилова Наталья Александровна,**
студенты 4 курса
Санкт-Петербургского Юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры РФ
**Dresvyannikova Anastasia Alekseevna,
Shilova Natalya Alexandrovna,**
Student of 4 courses
Saint-Petersburg Law Institute
(branch) University of the Russian
Prosecutor's office

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОПЛАТЫ (В ТОМ ЧИСЛЕ НЕСВОЕВРЕМЕННОЙ ИЛИ НЕПОЛНОЙ ОПЛАТЫ) ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ

LEGAL CONSEQUENCES OF NON-PAYMENT (INCLUDING UNTIME OR INCOMPLETE PAYMENT) SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL

Аннотация. В статье изучен вопрос неоплаты (в том числе несвоевременной или неполной оплаты) доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Рассмотрены его правовые последствия согласно действующему российскому законодательству. Проанализирована судебная практика, и выявлены некоторые противоречия.

Annotation. The article studies the issue of non-payment (including untimely or incomplete payment) of a share in the authorized capital of a limited liability company. Considered its legal consequences in accordance with the current Russian legislation. The judicial practice is analyzed, and some contradictions are revealed.

Такая организационно-правовая форма (далее – ОПФ) юридического лица как общество с ограниченной ответственностью (далее – Общество) имеет массу преимуществ, а также возможностей при начале осуществления предпринимательской деятельности. Упрощенная, по сравнению с тем же акционерным обществом, процедура создания юридического лица, минимальная ответственность учредителей служат определяющими факторами при осуществлении выбора ОПФ.

Имущественной базой общества с ограниченной ответственностью служит уставный капитал, разделенный между всеми его участниками. Е.А. Суханов подчеркивает важность гарантийной функции уставного капитала и отмечает, что он служит для защиты интересов кредиторов [2. С. 9–10.]. А.О. Смирнова указывает, что гарантийная функция определяет уровень экономической «серьезности» юридического лица, позволяет

определить круг лиц, которые могут сформировать минимальный капитал, размер которого можно считать одним из показателей деловой репутации юридического лица. [1. С. 425.]. При этом важно сказать, что такая гарантийная функция уставного капитала может быть осуществлена при действительном внесении учредителями Общества имущественных вкладов. Между тем вопрос о неоплате (в том числе несвоевременной или неполной оплате) доли в уставном капитале вызывает определенный интерес, поскольку ее правовые последствия могут быть истолкованы весьма неоднозначно.

Представляется, что для получения статуса участника Общества при его учреждении требуется наличие сложного фактического состава, одним из элементов которого является оплата доли уставного капитала учредителями в установленный договором (решением) об учреждении Общества срок, не превышающий четыре месяца с момента государственной регистрации общества. Законодательно установлена невозможность освобождения учредителя общества от такой обязанности.

Формально минимальный размер уставного капитала Общества составляет 10 000 тысяч рублей, и его оплата не может вызвать существенных проблем. Однако зачастую, чтобы повысить надежность своей компании и вызвать доверие контрагента, учредители могут принять решение об установлении уставного капитала в размере нескольких десятков миллионов рублей, не имея, при этом, возможности на момент создания общества оплатить его в полном объеме.

Действующее правовое регулирование не содержит ответственности учредителя за неоплату (в том числе несвоевременную или неполную оплату) доли в уставном капитале Общества. Однако согласно ст. 16 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО») договором об учреждении Общества могут быть предусмотрены взыскание неустойки, штрафа или пени. Законодательно также предусмотрены некоторые возможные негативные последствия. Так, доля может быть отчуждена только в той части, в которой она оплачена (п.3 ст.21 ФЗ «Об ООО»); участники Общества, не полностью оплатившие доли, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах стоимости неоплаченной части принадлежащей им доли (абз. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ «Об ООО», абз. 2 п. 1 ст. 87 ГК РФ), а случаях, если в соответствии с законом допускается государственная регистрация хозяйственного общества без предварительной оплаты трех четвертей уставного капитала, участники общества несут субсидиарную ответственность по его обязательствам, возникшим до момента полной оплаты уставного капитала (абз. 2 п. 4 ст. 66.2 ГК РФ); до момента оплаты своей доли в уставном капитале учредитель может голосовать только в пределах оплаченной части принадлежащей ему доли (п.3 ст.16 ФЗ «Об ООО»). Как справедливо указал Верховный Суд РФ в определении

от 23.04.2018 № 304-ЭС18-3657, при нарушении данного требования сделка по отчуждению будет считаться ничтожной. В качестве примера можно привести Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 21.04.2016 по делу № А71-238/2015, который признал сделку по отчуждению имущества Общества «АРЗ «Можгинский» недействительной, поскольку установил, что в решении о ее совершении участвовал учредитель, имеющий долю в размере 90% в уставном капитале общества и не оплативший ее.

Между тем, суды могут занять и иную позицию, согласно которой неоплата учредителем своей доли в срок не является основанием для исключения его из Общества. Так, согласно постановлению Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2017 г. № 09АП-27192/17 истец обратился в суд с иском о взыскании действительной стоимости доли в уставном капитале общества, при этом, факт отсутствия у истца приходно-кассового ордера на оплату уставного капитала не повлиял на решение суда. На основании протокола общего собрания участников Общества, согласно которому на данном собрании в повестке дня был вопрос об одобрении сделки с заинтересованностью двумя участниками Общества с правом голоса по 50 % было принято единогласное решение, что по решению суда свидетельствует о признании за истцом статуса участника, формировании уставного капитала в полном объеме.

В мотивировочной части решений суды также указывают, что, если ни само общество, ни другой участник общества не оспаривали право на принадлежащие лицу доли в уставном капитале, то отсутствие первичных документов бухгалтерского учета, подтверждающих оплату доли, не является юридически значимым фактом. При этом, как отмечает Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 18.07.2018 № Ф01-2782/18в, участие участника, не полностью оплатившего долю, в общих собраниях участников должно быть доказано. Кроме того, суды ссылаются на участие таких лиц в распределении прибыли Общества, получение ими от общества документов по своим запросам как участников общества.

В соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» сведения о размерах и номинальной стоимости долей в уставном капитале Общества, принадлежащих обществу и его участникам, подлежат включению в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). Отметим, что размер оплаченной доли, а также сам факт полной оплаты в ЕГРЮЛ не включен. С одной стороны, это является организационным вопросом, относящимся непосредственно к деятельности юридического лица, с другой, не позволяет достоверно узнать факт произведенной оплаты в установленный законом срок.

Отметим, что налоговый орган не может проверить каждое созданное юридическое лицо на предмет оплаты уставного капитала, поскольку

такая оплата могла быть произведена: либо внесением денежных средств на расчетный счет; либо внесением денежных средств в кассу с одновременной тратой на иные нужды Общества, что возможно отследить, только проверив кассовые документы, чем налоговая вряд ли будет заниматься; либо путем внесения имущества или прав аренды и т.д.

Таким образом, ситуации, когда Общество действительно уведомляет регистрирующий орган о факте неоплаты уставного капитала более теоретизирована нежели реальна. На практике встречаются единичные примеры подобных судебных решений. Так, например, в решении Арбитражного суда г. Москвы от 16.01.2018 по делу № А40-189815/2017 суд удовлетворил иск участника ООО, который сам потребовал внести изменения в ЕГРЮЛ о прекращении своего участия в обществе, поскольку им не была внесена доля в уставной капитал общества. Было отмечено что, непредставление Обществом в установленный законом срок в регистрирующий орган документы для государственной регистрации изменений, связанных с переходом доли такого участника к обществу, не свидетельствует о сохранении у истца статуса участника общества.

Однако чаще всего в судебных решениях указано следующее: «При этом, Обществом в МИФНС № 46 по г. Москве не направлялись и не подавались какие-либо уведомления, связанные с неполным формированием уставного капитала, поскольку не принимались решения о переходе к нему неоплаченной части доли уставного капитала, доказательств обратного не представлено» (Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 ноября 2017 г. № Ф05-15914/17).

Последним хочется отметить, что неоплата участником своей доли создает трудности именно для самого общества. Согласно п.4 ст.90 ГК РФ, если стоимость активов общества становится меньше определенного законом минимального размера уставного капитала, общество подлежит ликвидации. В то же время, обращаясь к судебной практике, можно сделать вывод о том, что даже если размер уставного капитала вследствие погашения неоплаченной доли составит менее 10 000 рублей, то это не влечет незамедлительную ликвидацию общества. Так, постановлением Арбитражного суда Московской области по делу № А41-74211/14 от 28.07.2015 № Ф05-8528/2015 было отказано в удовлетворении требований налогового органа о ликвидации ООО в связи с отрицательной величиной его чистых активов. Мотивируя решение, суд отметил, что снижение размера чистых активов общества ниже минимального размера уставного капитала само по себе не влечет незамедлительную ликвидацию общества и не может свидетельствовать о том, что общество не ведет реальную хозяйственную деятельность; несоответствие размера чистых активов общества требованиям законодательства не носит неустранимого характера и может быть исправлено в ходе дальнейшего осуществления хозяйственной деятельности.

Анализируя рассматриваемый нами вопрос, мы пришли к выводу, что, несмотря на недостаточную ясность последствий неоплаты (в том числе несвоевременной или неполной оплаты), отсутствие информирования о статусе оплаты доли в уставном капитале, существующее правовое регулирование позволяет в достаточной степени защитить интересы кредиторов. Большинство проблем, а также судебных споров возникает не с кредиторами, а между самими участниками Общества. Чтобы предупредить наличие споров между участниками, при создании Общества стоит детально рассмотреть данный вопрос и включить необходимые условия в договор о его создании.

В свою очередь, заметим, что определенную проблему представляет противоречивость складывающейся судебной практики. В одних случаях суды указывают, что неоплата учредителем своей доли в срок не является основанием для исключения его из Общества, в других говорят о прекращении статуса в связи с неоплатой доли в уставном капитале. В связи с этим, считаем необходимым предусмотреть единые правовые последствия в законодательстве для регулирования подобных ситуаций.

Ключевые слова: уставной капитал, общество с ограниченной ответственностью, учредители, неоплата доли.

Key words: authorized capital, limited liability company, founders, non-payment of a share.

Литература

1. Смирнова, А. О. Содержание правового режима уставного капитала общества с ограниченной ответственностью: понятие и сущность / А.О. Смирнова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 4 (294). – С. 424-428. – URL: <https://moluch.ru/archive/294/66690/> (дата обращения: 22.12.2020).

2. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4 – 35;

Ефременко Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
учреждение образования «Академия
Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»
Efremenko Elena Mikhailovna,
Candidate of Legal Science, Associate
Professor, Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Republic
of Belarus

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЛИЦА

CIVIL ENFORCEMENT IN THE MECHANISM OF PROTECTION OF PROPERTY AND PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS OF A PERSON

Аннотация: рассмотрено содержание понятия «гражданско-правовое принуждение», юридическая конструкция гражданского принуждения, его принципы и значение в механизме защиты имущественных и личных неимущественных прав лица.

Annotation: considered the content of the concept «civil enforcement», legal structure of civil enforcement, principles of civil enforcement and its meaning in the mechanism of protection of property and personal non-property rights of a person.

1. Обеспечение и защита имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданско-правовых отношений посредством реализации гражданско-правового принуждения являются важнейшей социально-правовой гарантией современного государства. Вместе с тем в настоящее время содержание многих понятий является дискуссионным, не выработаны единообразные подходы к их пониманию и судебной практикой, поэтому субъекты правоприменительной деятельности используют доктринальные определения, основанные на категориях универсального характера, не учитывающие юридической составляющей. В современном и динамично развивающемся информационно-цифровом обществе, где реализация имущественных и личных неимущественных прав участников гражданского оборота имеет важное значение, споры об их защите будут приобретать все большую актуальность.

2. Гражданско-правовое принуждение может пониматься как предусмотренные гражданским законодательством и (или) непротиворечащим ему соглашением сторон меры неблагоприятного имущественного или организационного характера, наступающие или

применяемые субъектами, не обладающими властными полномочиями, либо правоприменительными органами в интересах и с целью защиты субъектов гражданских прав и (или) публичного интереса. Особенность гражданско-правового принуждения заключается в его целях (обеспечение интересов и защита гражданских прав субъектов и (или) публичного интереса), основаниях (гражданское правонарушение и иные юридические факты, предусмотренные нормами гражданского права и (или) непротиворечащим им соглашением сторон) и субъектном составе (правоприменительные органы или субъекты, не обладающие властными полномочиями, в рамках самозащиты гражданских прав или защиты прав одного лица непосредственными действиями другого лица) [1, с. 2 – 3], что позволяет отграничить его от иных видов правомерного принуждения, реализуемого в сфере гражданско-правового регулирования общественных отношений (административного, уголовного и т.д.), в связи с чем необходимо разграничивать понятия «принуждение в гражданском праве» и «гражданско-правовое принуждение» как общее и особенное соответственно. Представленная выше конструкция гражданско-правового принуждения требует проведения дальнейших исследований в силу отсутствия в научных изданиях вопросов, посвященных соотношению понятий «меры гражданско-правового принуждения», «способы гражданско-правового принуждения», «средства гражданско-правового принуждения», «формы гражданско-правового принуждения».

3. В последние годы нормативное закрепление принципов гражданского права в его источниках получило достаточно широкое распространение. Это относится не только к кодифицированным нормативным правовым актам, в первых статьях которых традиционно содержится перечень основополагающих начал, на которых базируются та или иная отрасль права и отрасль законодательства. Во многие некодифицированные законы включены статьи, содержащие принципы права в регулируемой ими области общественных отношений. Очевидно, что эту тенденцию нельзя назвать случайной. Вместе с тем современное развитие цивилистической доктрины достаточно редко предполагает исследование принципов гражданско-правового регулирования в отдельных подотраслях и институтах гражданского права. Это представляется не вполне оправданным, поскольку система принципов гражданско-правового принуждения не совпадает с системой принципов принуждения в отраслях публичного права и заслуживает внимания. Не ставя в данной работе цели представить все поименованные и непоименованные в актах гражданского законодательства государств ЕАЭС принципы гражданско-правового принуждения, следует остановиться на некоторых из них.

Принцип правовой определенности. Вопрос о его самостоятельном значении в юридической доктрине является дискуссионным: в государствах западноевропейской континентальной правовой семьи он рассматри-

вается как самостоятельное начало гражданско-правового регулирования общественных отношений, в том числе и в контексте осуществления принудительного воздействия на субъектов в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. В гражданском законодательстве государств ЕАЭС названный принцип практически не имеет самостоятельного значения и рассматривается как составляющий элемент принципа верховенства права. В п.14 ст.2 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» нормативное закрепление получило понятие «правовая неопределенность»: в соответствии с нормой-дефиницией она представляет собой отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения [2].

Значение правовой определенности в реализации мер гражданско-правового принуждения видится особо значимым. Приведем такой пример. И Гражданский кодекс Республики Беларусь, и Гражданский кодекс Российской Федерации содержат значительное количество бланкетных норм, отсылающих их адресатов к другим нормативным правовым актам. Однако во многих таких нормах, касающихся наступления гражданско-правовой ответственности, имеет место высокая степень правовой неопределенности, поскольку используются конструкции «в случаях, предусмотренных законодательством (законом)», «в случаях, предусмотренных актами законодательства». Возникает вопрос, в каких случаях гражданско-правовая ответственность может быть предусмотрена только законом, а в каких – законом и подзаконными нормативными правовыми актами. Так, в соответствии с ч.2 п. 2 ст. 366. Ответственность за неисполнение денежного обязательства Гражданского кодекса Республики Беларусь в случаях, предусмотренных *законодательством* или договором, кредитор вправе требовать от должника возмещения суммы долга, увеличенной с учетом инфляции, в части, превышающей сумму процентов, причитающихся ему на основании п. 1 названной статьи. При этом размер долга, увеличенного с учетом инфляции, рассчитывается в порядке, определенном договором, если иное не установлено *законодательством*. [3] Данная редакция изложения нормы не дает ответа на вопрос, нормативным правовым актом какой юридической силы это может быть установлено – только законом либо, например, постановлением правительства. Аналогичные вопросы возникают и к редакции нормы, сформулированной в ч.1 п. 1. ст. 372 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда *законодательством* или договором предусмотрены иные основания ответственности. Аналогичная аргументация приво-

дит к выводу о том, что использованный термин «законодательство» должен быть заменен термином «законодательные акты». В Гражданском кодексе Российской Федерации также используется терминология, требующая уточнения. Например, в соответствии с нормой, изложенной в п.3 ст. 454 в случаях, предусмотренных кодексом или иным законом, особенности купли и продажи товаров отдельных видов определяются законами и иными правовыми актами [4]. Понятие «правовой акт» является очень широким по объему, включающим в себя не только нормативные правовые, но и иные виды актов (например, правоприменительные).

Принцип соразмерности

В гражданском праве государств ЕАЭС отсутствует единая терминология в нормативном закреплении соразмерности как основного начала гражданско-правового регулирования общественных отношений. Используемые наряду с соразмерностью термины «пропорциональность», «соотнесенность» позволяют не всегда обоснованно расширить объем правоприменительного усмотрения в реализации гражданско-правового принуждения в целях обеспечения публичного интереса. Соразмерность и пропорциональность в частном праве (в отличие от публичного) не должны рассматриваться в качестве синонимов. Требование недискриминации и равенства участников частноправовых отношений в ряде случаев предполагает отказ от пропорциональной зависимости, например, в случае защиты прав и законных интересов слабой стороны договора.

Меры гражданско-правового принуждения, применяемые в отношении виновной стороны, не всегда будут пропорциональны причиненному вреду противной стороне, тогда как требование соразмерности должно быть выполнено в контексте реализации принципа справедливости.

Таким образом, в рамках дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в области реализации гражданско-правового принуждения в целях защиты имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданско-правовых отношений следует разграничить используемые понятия «меры гражданско-правового принуждения», «способы гражданско-правового принуждения», «средства гражданско-правового принуждения», «формы гражданско-правового принуждения», а также выявить систему его основных начал, которые могут выступать в качестве источников права при возникновении пробелов в данной области правового регулирования.

Ключевые слова: принуждение в гражданском праве, гражданско-правовое принуждение, принципы гражданско-правового принуждения, меры гражданско-правового принуждения.

Keywords: compulsion on civil law, civil enforcement, civil liability, measures of civil law enforcement.

Литература

1. Березнев, Р. Ю. Принуждение в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.Ю. Березнев ; Акад. МВД. Респ, Беларусь. – Минск, 2017. – 19 с.
2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 2008 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : 24 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : в ред. Закона Российской Фед. от 27.12.2019 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: <http://base.spinform.ru>. – Дата доступа: 11.02.2021.

Жукова Наталья Владимировна,
Краснодарский университет
МВД России
Zhukova Natalia Vladimirovna,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

CIVIL LAW ESSENCE OF DELUSION

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей заблуждения с точки зрения гражданского права; сделан вывод о том, что гражданско-правовая сущность заблуждения заключается в наличии внешнего либо внутреннего влияния на участника сделки, которое повлекло за собой формирование ошибочных представлений относительно совершаемой сделки.

Review: the article is devoted to the study of the peculiarities of delusion from the point of view of civil law; it was concluded that the civil-legal essence of delusion lies in the presence of external or internal influence on the party to the transaction, which led to the formation of erroneous ideas regarding the transaction being made.

Сделки – это самый распространенный правовой факт, с помощью которого субъекты гражданского права устанавливают, изменяют и (или) прекращают для себя гражданские права и обязанности. Поскольку уча-

ствие в сделках влечет за собой определенные правовые последствия, постольку ее стороны должны исходить из того, что такие последствия будут правомерными и не повлекут отмену сделки. Для избежания негативных последствий в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрены нормы, регулирующие порядок и условия заключения сделок, а также основания, в соответствии с которыми их можно признать недействительными.

Законодатель закрепил разные составы недействительных сделок в ст. 168-179 ГК РФ и в отношении них судебная практика уже, в общем-то, сложилась [12,13,14]. Вместе с тем, имеются некоторые составы, которые до сих пор являются спорными, например, совершение сделки под влиянием существенного заблуждения [9, С.71-77]. И для правильного применения статьи 178 ГК РФ необходимо разобраться с такой категорией, как «заблуждение».

Заблуждение в целях признания сделки недействительной считается существенным, если лицо, которое разумно и объективно оценивало ситуацию, не совершило бы сделку, если знало о реальном положении дел, что следует из пункта 1 статьи 178 ГК РФ [5].

Вообще, термин «заблуждение» раскрывается по-разному. Так, Д.В. Славецкий отмечает, что заблуждение – ложное мнение и заблуждаться – значит иметь ошибочное, ложное представление о предмете [16, С. 50].

Н.М. Коршунов указывает, что заблуждением является неправильное, ошибочное, не соответствующее действительности представление лица об элементах совершаемой им сделки [6, С. 280].

Ю.Б. Гонгало связывает заблуждение с тем, что у субъекта сформировалось неправильное представление о тех обстоятельствах, которые имеют значение для совершения сделки [7, С. 166].

О.В. Гутников считает, что для понимания заблуждения необходимо учитывать условия, оказывающие воздействие на волю стороны, так как при заблуждении воля и волеизъявление совпадают, однако формирование этой воли происходит под воздействием неправильных представлений [4, С.152].

Анализируя понятие «заблуждение» А.А. Малофеев выделяет три особенности, присущие сделке, совершенной под влиянием существенного заблуждения:

- 1) отсутствие у одной стороны сведений о действительной воле другой стороны сделки;
- 2) существенность обстоятельств, вызвавших заблуждение;
- 3) необходимость доказывания заблуждения той стороной, которая действовала под его влиянием [9, С. 72].

А.В. Пермяков отмечает свойства заблуждения, относя к ним:

1) влияние заблуждения на представления стороны сделки, его отношение к ней и возможное поведение, а также выбор условий, при которых сделка будет совершена;

2) негативность данного влияния;

3) возможность формирования заблуждения другой стороной сделки;

4) непредсказуемость заблуждения, его случайность;

5) длящийся характер заблуждения;

6) правовой характер заблуждения;

7) отражение конфликта между участниками сделки [11, С.102-105].

Таким образом, заблуждение характеризуется:

- наличием внешнего (в том числе со стороны второго участника сделки) либо внутреннего (собственно заблуждающегося) влияния на данное лицо;

- воздействием на формирование у лица настолько ошибочных представлений относительно совершаемой сделки, что если бы ему были известны все обстоятельства до ее совершения, то он бы отказался ее совершать.

С точки зрения закона имеет значение именно существенность заблуждения, к которому отнесено следующее:

- допущены очевидные оговорки, описки, опечатки;

- имеет место заблуждение относительно предмета сделки, то есть такого его качества, которое в обороте является существенным;

- заблуждение относительно природы сделки;

- заблуждение в отношении лица, с которым другая сторона вступает в сделку;

- заблуждение в отношении обстоятельства, которое упоминается в волеизъявлении либо которое побуждает совершить эту сделку.

К тому же еще одним условием является установление разумности и объективности той стороны, которая заблуждалась, но могла не совершить эту сделку, если бы знала все обстоятельства.

Если в отношении очевидных оговорок, описок и опечаток все более-менее понятно, то другие условия требуют толкования, которые имеются в судебной практике. Так, в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 3 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» сказано, что в случае предоставления неполной или недостоверной информации, а также в случае умолчания об обстоятельствах, которые исходя из характера договора должны были быть сообщены, сторона, которая была лишена этих прав, может обратиться в суд для признания сделки недействительной в соответствии, в частности, со ст. 178 ГК РФ [13]. Соответственно, неполная или недостоверная информация может быть представлена относительно предмета сделки (например, когда в ходе купли-продажи квартиры одна сторона не сообщает другой о

том, что в ней зарегистрированы или имеют право безвозмездного пользования ею третьи лица, а также, если перед продажей демонстрируется одна квартира, а по факту продается другая [1, С.103-108]), лица, с которыми сторона вступает в отношения (например, когда представитель юридического лица, заключая сделку, не знает о том, что у его контрагента нет прав на импорт товаров на территорию РФ, а этот факт повлек за собой повышенные риски, связанные с наложением обеспечительных мер на товары). О заблуждении в отношении природы сделки суды указывают, что его существенность заключается в том, что сторона заключает не ту сделку, о которой думала, то есть думая, например, что заключает договор безвозмездного пользования, на самом деле заключает договор аренды [10].

Само по себе такое основание оспаривания сделки, как заблуждение, вытекает из природы сделки. Сделка связывает того, кто ее совершил, поскольку он правильно воспринимает сложившуюся жизненную ситуацию, совокупность имеющихся фактов и осознает последствия своего решения. В случае ошибки лица, совершившего сделку, сделка утрачивает свое социальное назначение и не может быть поддержана законом.

Одним из наиболее понятных примеров сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, является приобретение самовольной постройки. Заблуждение здесь заключается в том, что, зачастую, право собственности на такую недвижимость было зарегистрировано в соответствии с законом, но в дальнейшем установлена самовольность строительства. В этом случае введенное в заблуждение лицо вправе обратиться в суд по основаниям, предусмотренным статьей 178 ГК РФ о признании сделки недействительной или потребовать возмещения убытков.

Имеет значение заблуждение в отношении обстоятельств, имевших место либо в прошлом, либо на момент совершения сделки. Обстоятельства, которые возникли после совершения сделки, не принимаются во внимание. Нельзя говорить о заблуждении в будущем. Можно лишь осуществить неверный прогноз или в чем-то просчитаться. Иными словами, для признания сделки недействительной необходимо, чтобы порок имелся на момент ее совершения [15].

На практике бывают случаи, когда в заблуждении находилась не одна сторона сделки, а обе. В такой ситуации в доктрине говорят о двусторонней ошибке [2, С. 23-27]. Например, лица, заключая договор купли-продажи копии картины, исходили из того, что предмет сделки является копией, а впоследствии выяснилось, что картина подлинная.

Особый интерес представляют ситуации, когда неизвинительное заблуждение было спровоцировано другой стороной (например, в связи с неосторожным предоставлением недостоверной информации) или другая сторона могла распознать заблуждение, но воспользовалась незнанием партнера. Несколько более сложная ситуация возникает, если контрагент умышленно лгал или точно знал о нелепом заблуждении партнера, но

намеренно и вопреки принципу добросовестности решил умолчать о данном обстоятельстве и воспользовался им. Тут речь идет уже не о ст. 178 ГК РФ и доктрине ошибки, а об обмане (в том числе обмане умолчанием) и применении п. 2 ст. 179 ГК РФ. Как представляется, оспаривание сделки в связи с подобным обманом возможно независимо от того, что заблуждение было неизвинительно [15].

Нужно сказать, что заблуждение следует отличать от обмана, что на практике часто бывает затруднительным. Заблуждение имеет место тогда, когда участник (или участники) сделки составил себе неправильное и «искаженное» представление о самой сделке и обстоятельствах, которые предшествовали ее заключению. Об обмане следует говорить в случае, если другой участник сделки видит заблуждение контрагента, но намеренно не сообщает ему об этом. То есть в качестве разграничительного критерия между обманом и заблуждением лежит волевой критерий [3].

Значит можно сделать вывод, что введение в заблуждение является неумышленным деянием контрагента, а обман – совершается с умыслом.

Таким образом, гражданско-правовая сущность заблуждения заключается в том, что:

1) оно связано с конкретными юридическими фактами (сделками), влекущими правовые последствия имущественного характера;

2) оно имеет место при наличии внешнего либо внутреннего воздействия на участника сделки;

3) сформировало у стороны настолько ошибочные представления относительно совершаемой сделки, что если бы ей были известны все обстоятельства до ее совершения, то она бы отказалась ее совершать.

Ключевые слова: природа сделки, недействительные сделки, сущность заблуждения, признаки заблуждения, существенное заблуждение.

Key words: nature of the transaction, invalid transactions, essence of delusion, signs of delusion, material delusion.

Литература

1. Балдынова А. Адрес жилья не совпадает с указанным в документах продажи // Жилищное право. 2020. № 4. С. 103 – 108.

2. Голышев В.Г., Голышева А.В. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной // Юрист. 2020. № 4. С. 23 – 27.

3. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС КонсультантПлюс. 2020.

4. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М. Статут. 2008. 489 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 31 (часть I). Ст. 5010.

6. Гражданское право. В 2 ч. Ч. 1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. 523 с.

7. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 346.

8. Казанцева К.Ю. К вопросу о недействительности сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. № 2 (23). 2016 С. 154-158.

9. Малофеев А.А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1 (41). С. 71-77.

10. Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 // Вестник ВАС РФ. № 2. 2014.

11. Пермяков А.В. Заблуждение как ситуационное состояние // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 102-105.

12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.06.2014 г № 35 «О последствиях расторжения договора» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. № 8. 2014.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2019.

15. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.

16. Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Славецкий. Самара, 2004. С. 50.

**Зубенко Вера Викторовна,
Кирюхина Софья Михайловна,**
Санкт-Петербургского юридического
института (филиал) университета
прокуратуры РФ
**Zubenko Vera Viktorovna,
Kiryukhina Sofya Mikhailovna,**
Students of the St. Petersburg Law
Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MEDIATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Аннотация. В статье проводится анализ специфики института медиации: акцентируется внимание на положительных аспектах данного института, а также на проблемах низкого уровня применения медиации. Предложены некоторые пути решения. Проведен сравнительный анализ данной процедуры и судебного примирения, сделан вывод о том, что в связи с введением нового института урегулирования спора, процедура медиации рискует остаться декларативной.

Annotation. The article analyzes the specifics of the mediation Institute: it focuses on the positive aspects of this institution, as well as on the problems of low-level mediation application. Some solutions are suggested. A comparative analysis of this procedure and judicial reconciliation is carried out and it is concluded that due to the introduction of a new institution of dispute settlement, the mediation procedure risks remaining declarative.

Пандемия COVID-19 негативно сказалась на привычном функционировании делового оборота, что привело к росту числа обращений в арбитражные суды. Согласно статистике, средняя нагрузка на судью арбитражного суда составляет 180 дел в месяц[1]. В «посткарантинных» реалиях ситуация может усугубиться, поэтому оптимальным способом решения проблемы загруженности арбитражных судов могло бы стать расширение практики использования процедуры медиации. Однако в действительности медиация остаётся малоизвестной и в большей степени декларативной процедурой, о чём свидетельствует доклад председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, представленный 11–12 февраля 2020 г., где отражено, что процедура медиации в 2019 г. применена лишь в 11 делах, рассмотренных арбитражными судами[3].

Согласно ч. 1 ст. 138.4 АПК РФ, стороны вправе урегулировать спор путем применения процедуры медиации. Согласно ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее – «Закон о медиации») под медиацией следует понимать способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

К позитивным аспектам введения института медиации можно отнести: возможность уменьшить поток исковых заявлений в арбитражные суды; учёт интересов каждой из сторон при рассмотрении спора и последующего заключения медиативного соглашения; возможность обсуждения всех вопросов, по которым стороны хотят достичь соглашения, без процессуальных рамок рассмотрения вопросов только по существу спора; использование не только положений закона, но и обычаев делового оборота; конфиденциальность процедуры; сокращение сроков разрешения спора; исключение возможности вынесения невыгодного для сторон судебного решения и необходимости его дальнейшего обжалования[2,С.18].

При анализе причин низкой популярности процедуры медиации на практике исследователями выделяются три фактора: организационный, экономический и субъективный (психологический)[6,С.463].

К организационному следует относить недостаточное информирование о существовании и содержании данной процедуры, отсутствие рекламы услуг медиаторов. Интересен опыт США, Канады, Словении, где судья вправе предписать сторонам провести процедуру медиации. В Великобритании сторона вправе отказаться от предложенной судом процедуры, но при этом понесет все судебные расходы другой стороны, даже выиграв спор [6,С.464]. По нашему мнению, оптимальным решением данной проблемы в российских реалиях может стать введение обязанности сторон получить информацию о процедуре медиации (ее целях, принципах и правилах проведения, правах и обязанностях сторон в медиации, функциях, правах и обязанностях медиатора, порядке и правовых последствиях заключения медиативного соглашения) на информационной бесплатной встрече с медиатором для принятия решения о передаче спора на рассмотрение спора в рамках данной процедуры. При этом окончательное решение должно остаться на усмотрении самих сторон.

Экономический фактор базируется на высокой стоимости услуг медиатора. Наиболее наглядно это может продемонстрировать конкретный пример.

ИП обратился в суд с требованием взыскать задолженность по договорам поставки в размере, общая сумма исковых требований составляла 4,15 млн. рублей.

Государственная пошлина, согласно ст. 333.21 НК РФ по данному делу составила бы 43750 рублей ($33\ 000 + 0,5 * 2,15\ \text{млн.} = 43\ 750$). Также к

этой сумме следует прибавить иные судебные издержки, которые в основном включают в себя оплату услуг представителей. Однако сторона, в чью пользу принято решение, имеет право взыскать с противоположной стороны все судебные расходы.

Поскольку истец (ИП) по данному делу заявил ходатайство об отказе от исковых требований в связи с проведением процедуры медиации, мы проанализируем возможную стоимость данной услуги на примере конкретной организации. Так, если бы истец обратился в «Лигу медиаторов» (г. Санкт-Петербург), то согласно п. 17.1 Регламента данной организации, за осуществление процедуры медиации Стороны уплачивали бы сбор и гонорар. Согласно Положению о сборе за осуществление процедур медиации НП «ЛИГА МЕДИАТОРОВ», при подаче заявлений, сумма требований по которым составляет от 2 500 000 до 5 000 000, сбор будет взиматься в размере 18 750 рублей. Согласно п. 6.2 данного Положения, сумма гонорара по каждому случаю индивидуальная, договорная и согласовывается между сторонами и медиатором. Почасовая оплата услуг медиатора в Санкт-Петербурге в среднем составляет 4 000 – 6 000 рублей[8,С.284]. Продолжительность процедуры медиации в среднем составляет от одного до нескольких дней при длительности одной сессии от трех до восьми часов.

Если брать максимальные значения, то получим 144 000 рублей (6 000*8 ч. *3 дн. = 144 000). Прибавим к этому значению сбор и получим сумму, равную 162 750 рублям. Поскольку расходы на услуги медиатора ложатся на обе стороны пропорционально, стороны должны были бы заплатить по 81 375 рублей. При этом, следует учитывать, что согласно ст. 13 Закона о медиации, процедура может продолжаться до 60 дней (а в исключительных случаях продлеваться), вследствие чего дороговизна услуг медиатора становится очевидной.

Решить данную проблему возможно путем оказания государственной поддержки медиаторам, установкой единой стоимости услуг медиатора независимо от затраченных часов, создание конкурентной среды между медиаторами[10,С.92]. Кроме того, представляется необходимым закрепить в Законе о медиации эффективные механизмы (имущественные выгоды и преимущества), мотивирующие предпринимателей на частое использование данной примирительной процедуры.

Субъективный фактор основывается на относительной новизне данной процедуры, низком уровне правовой культуры населения, недоверии медиатору, сомнениях в его профессионализме и качестве разрешения конфликта. Решение данной проблемы также базируется на создании открытой системы правового просвещения.

Отдельно следует обратить внимание и на то, что в 2019 году Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» был введен институт «судебного примирения», в котором одни юристы увидели реального конкурента су-

ществующей процедуре медиации [10,С.8]. Другие же, наоборот, утверждают, что «процедуры судебного примирения и медиации являются разными, но взаимодополняющими механизмами мирного урегулирования споров, которые не исключают друг друга» [5, С.9].

Процедура судебного применения регулируется ст.138.5 АПК РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 года № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». Так, судебное примирение является примирительной процедурой с участием судебного примирителя.

Ключевым отличием процедуры медиации и судебного примирения является лицо, уполномоченное выполнять функцию примирителя. Так, судебными примирителями могут быть только судьи в отставке, список которых утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 г. № 1. Круг медиаторов намного шире, поскольку им может стать любой субъект, соответствующий требованиям Приказа Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)».

Отличается и законодательное закрепление полномочий. Так, существенным пробелом Закона о медиации является то, что он не отражает и не раскрывает полномочия медиатора в полной мере, ограничиваясь общими положениями, раскрывающими саму сущность деятельности медиатора как лица, способствующего урегулированию конфликта.

Полномочия судебного примирителя в ст. 14 Регламента проведения судебного примирения[7] раскрыты более детально и включают в том числе полномочие примирителя по предложению сторонам выработать и обсудить варианты урегулирования спора (оптимальный, удовлетворительный, нежелательный). По мнению А.Н. Левушкина и В.В. Воробьева данное полномочие судебного примирителя необходимо исключить[4, С.140], поскольку природа примирения должна ставить своей целью урегулирование конфликта путем принятия взаимовыгодного решения. Ввиду того, что судебный примиритель – это бывший представитель судебной власти, высока вероятность того, что он, используя свой прошлый профессиональный опыт, будет исполнять роль посредника для создания преимуществ одной из сторон спора, доказательства которой будут более убедительными.

Основанием для применения процедуры медиации является соглашение о проведении процедуры медиации, а для процедуры судебного примирения – ходатайство сторон либо устное или письменное предложение суда при наличии согласия сторон.

Круг дел, которые могут быть разрешены с помощью медиатора ограничен, судебный примиритель же может решать дела, вытекающие из административных или иных публичных правоотношений.

По нашему мнению, выделение такой самостоятельной процедуры как судебное примирение не даст возможности развиваться институту ме-

диации в Российской Федерации, поскольку сущность и содержание деятельности судебного примирителя совпадает с деятельностью медиатора. При этом процедура медиация, изначально задуманная как самостоятельная внесудебная процедура урегулирования спора, является одним из институтов гражданского общества, позволяющим развиваться культуре мирного разрешения споров с соблюдением интересов обеих сторон и сохранением партнерских отношений. Внедрение процедуры судебного примирения, интегрированной в судебную систему, с нашей точки зрения, нивелирует изначальную цель процедуры медиации и может помешать формированию правосознания, основанного на сотрудничестве и взаимной ответственности сторон.

Подводя итоги нашего исследования, можно прийти к выводу, что практика применения процедуры медиации не развивается должным образом. При этом законодателем вводятся альтернативные процедуры разрешения спора, которые обладают большими преимуществами с экономической и правовой точек зрения. По нашему мнению, в этих условиях применение процедуры медиации в скором времени станет ещё более редким явлением.

Ключевые слова: досудебное урегулирование спора, арбитражный процесс, медиация, судебное примирение.

Keywords: pre-trial dispute settlement, arbitration process, mediation, judicial reconciliation.

Литература

1. В арбитражных судах слишком много дел: Ведомости [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnih-sudah>.

2. Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. №4 (13). С.16-20.

3. Доклад Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева к совещанию судов общей юрисдикции и арбитражных судов. URL: <http://vsrf.ru/files/28758/>.

4. Левушкин А.Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5 (11). С.135-143.

5. Макаренко Н.Н. Судебное примирение как один из видов альтернативного урегулирования споров // Юридические исследования. 2019. № 9. С. 1 – 9.

6. Масленникова Л.В., Телешева Ю.А. Институт медиации в РФ: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2017. № №13 (147). С. 462-464.

7. Регламент проведения судебного примирения Утвержден постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41.

8. Санджиева, Ц. В. Современные тенденции использования процедуры медиации в суде // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 281-286.

9. Спицин И.Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели// Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С.7-9.

10. Федоренко Н.В., Чайкин Г.Д. К вопросу о применении процедуры медиации в арбитражном процессе//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6 (109). С. 91-93.

Казанцева Екатерина Валентиновна,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-
правовых дисциплин, кандидат
юридических наук

Kazantseva Ekaterina Valentinovna,
senior lecturer of the Department of state
and civil law disciplines. Candidate of
sciences (jurisprudence / law).
Crimean branch of Krasnodar University of
the Ministry of internal Affairs of Russia

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS BY THE INTERNAL AFFAIRS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация: защита права покупателей известна нам с древних времен. Так законы Хаммурапи предусматривали ответственность за продажу некачественного товара. Однако становление института «защиты прав потребителей» берет свое начало с Древнего Рима. Непосредственно римское частное право регулировало право покупателя требовать возмещение в случае продажи вещей ненадлежащего качества и ответственность продавца за продажу такого товара. Пройдя столь длительную историю становления, сегодня «защита прав потребителей» или «консьюмеризм» является самостоятельным институтом нашего общества.

Консьюмеризм – это сфера имущественного оборота, которая имеет существенное значение для страны, так как в ней формируются рыночные отношения, характерны для современного общества.

Annotation: The protection of buyers' rights has been known to us since ancient times. So the laws of Hammurabi provided for liability for the sale of low-quality goods. However, the establishment of the institution of "consumer protection" dates back to ancient Rome. Directly Roman private law regulated the buyer's right to demand compensation in the event of the sale of things of inadequate quality and the seller's responsibility for the sale of such goods. Having gone through such a long history of formation, today "consumer protection" or "consumerism" is an independent institution of our society.

Правовое регулирование защиты прав потребителей в России закреплено в ряде нормативно-правовых актов, среди которых основным является Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (далее – Закон № 2300-1) [2]. Однако, определения «защита прав потребителей» указанный закон не дает, в его преамбуле перечислен круг правоотношений, которые регулируются данным законом. На основании анализа трудов ученых, изучающих институт защиты прав потребителей следует согласиться с тем, что защита прав потребителей – комплекс мероприятий, реализуемых государством и направленных на регулирование отношений, между потребителем с одной стороны, и юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем («в лице»: изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) при продаже товаров) с другой стороны.

Квалифицирующим признаком правонарушений в сфере защиты прав потребителей, как указал законодатель, является, прежде всего, жизнь и здоровье физического лица, что есть высшей ценностью человека, а также имущество физических лиц и окружающая среда. Потому законодатель в ст. 43 Закона № 2300-1, предусмотрел следующие виды юридической ответственности:

✓ Административная ответственность – предусматривает наложение на правонарушителя таких санкций как: предупреждение; административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения.

✓ Уголовная ответственность – наступает за преступления, предусмотренные ст. 237 и ст. 238 УК РФ [6].

✓ Гражданско-правовая ответственность – предусматривает наложение на правонарушителя в сфере защиты прав потребителей имущественных санкций, таких как: возмещение убытков; уплату неустойки; компенсация морального вреда и так далее.

Анализируя указанные законодателем виды юридической ответственности, можем отметить следующие ее особенности:

Во-первых, спорным и сложным вопросом является указание законодателя в норме на уголовную ответственность. Сложность возникает в том, что к уголовной ответственности привлекаются только физические лица. Но ведь Закон № 2300-1, как нами указано выше, регулирует правоотношения между потребителем (физическим лицом) – с одной стороны, и с юридическим лицом (в том числе с индивидуальным предпринимателем), с другой стороны. Спорность указанного вопроса возникает в связи с определением непосредственно «физических» лиц, подлежащих к уголовной ответственности. К примеру, при осуществлении сбыта товара, не отвечающего требованиям безопасности организацией владельцем агрегаторов информации о товарах (организация – в данном примере юридическое лицо).

Следует отметить, теоретические и практические вопросы привлечения к уголовной ответственности, за нарушения прав потребителей остаются без должного внимания ученых.

Во-вторых, гражданско-правовая ответственность, может является как самостоятельным видом ответственности, так и дополнительным к административной или уголовной ответственности, в случае если противоправными действиями причинён ущерб.

В-третьих, законодатель не дает перечня субъектов, которые наделены правом «непосредственного» участия в защите прав потребителей. Так в главе 4 Закона № 2300-1 (Государственная и общественная защита прав потребителей), предусмотрены нормы, в которых указаны субъекты [Федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей], наделенные определенными права в целях защиты прав потребителей.

Закон № 2300-1 не содержит каких-либо указаний на органы внутренних дел или правоохранительные органы – как субъектов защиты прав потребителей. Однако, как уже отмечалось выше квалифицирующим признаком правонарушений в сфере защиты прав потребителей является жизнь и здоровье физического лица, а органы внутренних дел являются одним из участников и представителей государства, деятельность которых направлена на защиту интересов: личности, общества, государства, в том числе и на защиту прав потребителей. К тому же, органы внутренних дел это «первый» орган государственной власти, куда обращаются граждане в случаи если их права или свободы нарушены, несмотря даже на то, что эти правоотношения являются гражданско-правовыми.

Проанализировав нормативно-правовые акты, которые регламентируют деятельность органов внутренних дел, а также законодательство в сфере защиты прав потребителей, можем отметить, что деятельность органов внутренних дел, в данном направлении, должна быть организована не только в направлении расследовании преступлений и выявлении причин и условий, способствующих совершению преступления, к примеру, рассле-

дование смерти человека из-за употребления некачественных спиртных напитков. Но также в выявлении и пресечении различные правонарушения, к примеру, в сфере оборота лекарственных препаратов, алкогольной продукции, табачных изделий и т.д. отдельно следует выделить различные сферы контрафактной продукции и лицензируемую деятельность [3, С. 148].

К полномочиям органов внутренних дел, с целью защиты прав потребителей, следует отнести:

- 1) Проводить проверки по обращениям и заявлениям граждан.
- 2) В рамках рассмотрения обращений и заявлений, а также проведения различных мероприятий (следственно-розыскных, контрольно-надзорных и т.д.). получать необходимые сведения, справки, документы, а также объяснения граждан.
- 3) Изымать (с обязательным составлением протокола) образцы сырья, продукции и товаров, по которым проводить исследования или экспертизы.
- 4) Организация и обеспечение контроля за деятельностью субъектов гражданских правоотношений в сфере защиты прав потребителей
- 5) Вносить представления в соответствующие органы, учреждения или организации представление об обстоятельствах, способствующих совершению правонарушений и предложение по их устранению.
- 6) Во взаимодействии с представителями Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в России, федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору проводить:
 - 6.1. анализ обстановки, которая складывается в сфере защиты прав потребителей и вырабатываются мероприятия необходимые для принятия удовлетворения потребностей населения;
 - 6.2. совместные контрольные проверки законности деятельности в сфере защиты прав потребителей;
 - 6.3. совместную разработку проектов нормативно-правовых актов [совместных] или методических рекомендаций в сфере защиты прав потребителей.
- 7) Проведение профилактической деятельности в сфере защиты прав потребителей, в том числе во взаимодействии с другими субъектами профилактики.

Указанные выше полномочий являются сходными с компетенцией Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей. И несмотря на то, что вопросы взаимодействия органов внутренних дел с Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в России регулируется двумя приказами: №879/746 от 03.11.2006 [4] и № 483/653 от 27.27.2018 [5], практическая сторона взаимодействия имеет существенные недоработки.

Также, еще одним проблемным вопросом в сфере защиты прав потребителей является низкая правовая грамотность сотрудников органов внутренних дел в гражданском законодательстве, что представляет собой общие положения о правовом регулировании правоотношений граждан при заключении ими публичных договоров, таких, к примеру, как розничная купля-продажа или выполнение различных бытовых работ или оказания возмездных услуг.

Следует отметить, что в конце 2019 года в гражданском обороте появился новый объект гражданских правоотношений – цифровое право (ст. 141.1 ГК РФ) [1], который закрепляет право выражения воли субъекта правоотношений с помощью электронных или других технических средств, иными словами дистанционно.

Дистанционная купля-продажа имела и имеет множество пробелов в правовом регулировании. Данное направление требует незамедлительной корректировки законодателем, так как возникновение в конце 2019 года коронавирусной инфекции (2019-nCoV), внесло определенные коррективы в нашу жизнь. Из-за пандемии и ограничения государств в передвижении как внутри страны, так и между ними, привело к тому, что множество обязательств, к примеру, продажа товаров, оплата коммунальных услуг, покупка различных проездных билетов, стали осуществляется дистанционно, с помощью сети Интернет.

Только в 2020 году товарооборот дистанционным способом увеличился на 36% [7]. Как известно дистанционное мошенничество появилось с возникновением обязательства купли-продажи дистанционным способом. А раскрывать и расследовать преступления, совершенные дистанционным способом невозможно без изучения (наличия знаний) правового регулирования осуществления обязательств дистанционным способом.

Считаем, что в сфере защиты прав потребителей сотрудниками органов внутренних дел также применяется профилактика, которая направлена на предотвращение преступления и может включать в себя:

1) Организацию и проведение проверок и(ил) оперативно-розыскных мероприятий с целью предотвращения реализации товаров, предоставления услуг или выполнения работ, которые опасны для жизни и здоровья, а также имущества граждан.

2) Информирование граждан через различные средства массовой информации (сходы, собраниях граждан, в личном общении) о способах совершения преступлений в сфере потребительского оборота, в том числе и о совершении мошенничества дистанционным способом.

3) Проведение индивидуальной профилактики с лицами потерпевшими от преступных посягательств.

На основании изложенного следует отметить, что органы внутренних дел являются одним из участников и представителей государства, деятельность которых направлена на защиту интересов: личности, общества, государства, в том числе и на защиту прав потребителей. Однако в данном

направлении существуют неразрешенные как теоретические, так и практические вопросы.

Ключевые слова: защита прав потребителей, взаимодействие, ответственность, профилактика

Key words: consumer protection, interaction, responsibility, prevention

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru>.

2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.12.2020) «О защите прав потребителей» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru>.

3. Казанцева Е.В., Дружинин А.С. Роль органов внутренних дел в защите прав потребителей по обязательствам, совершенным дистанционным способом / Казанцева Е.В., Дружинин А.С. // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 147-150.

4. Приказ МВД РФ № 879, Минздравсоцразвития РФ № 746 от 03.11.2006 (ред. от 18.10.2010) «Об утверждении Регламента взаимодействия органов внутренних дел и территориальных органов Роспотребнадзора при выявлении и пресечении административных правонарушений на потребительском рынке Российской Федерации» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru>.

5. Приказ МВД России № 483, Роспотребнадзора № 653 от 27.07.2018 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и ее территориальными органами по контролю за исполнением иностранными гражданами и лицами без гражданства решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, вынесенных Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и ее территориальными органами» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru>.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru>

7. URL: <https://cms-rating.ru/chto-i-kak-pokupayut-v-internete/> (дата обращения 09.02.2021)

Крыштопин Сергей Анатольевич,
Санкт-Петербургский юридический
институт Университета Прокуратуры РФ
Kryshtopin Sergey Anatolievich,
Saint-Petersburg Institute of law of
University of the Prosecutor's Office of
Russia;

Швец Никита Евгеньевич,
Санкт-Петербургский юридический
институт Университета Прокуратуры РФ
Shvets Nikita Evgenievich,
Saint-Petersburg Institute of law of
University of the Prosecutor's Office of
Russia

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

ELECTRONIC CORRESPONDENCE AS AN EVIDENCE IN ARBITRATION COURT: PROBLEMS OF PRACTICE

Аннотация: статья посвящена проблемам применения электронной переписки в качестве доказательства в арбитражном процессе. В статье рассматриваются мнения ученых относительно определения места электронных документов в системе доказательств в арбитражном процессе, практические проблемы использования подобных доказательств в суде, анализируется позиция законодателя и Верховного Суда по данной тематике. Авторами предлагаются изменения действующего законодательства в соответствии с актуализацией данного способа доказывания.

Annotation: The article is devoted to the problems of using electronic correspondence as evidence in the arbitration process. Authors examine opinions of scientists regarding the place of electronic documents in the system of evidence in the arbitration process, practical problems of using such type of evidence in court, analyze the position of the legislator and the Supreme Court on this topic. The authors propose some changes to the current legislation in accordance with the actualization of this type of evidence.

Прогрессивные изменения в структуре социальных взаимоотношений влекут за собой проблему их правового регулирования.

Так, информатизация межличностных и деловых отношений привела к распространению деловой корреспонденции посредством переписки с использованием мессенджеров, что создает возможность использования электронных переписок, как доказательства в арбитражном процессе.

Однако, несмотря на тенденцию информатизации и модернизации судебной системы РФ и фактическое признание электронных доказательств допустимыми и отнесение таковых к письменным доказательствам (ч. 3 ст. 75 АПК РФ), отношение арбитражных судов к электронной переписке, как к доказательству, не сформировалось в единую позицию и требует углубления регулирования данной проблемы.

На сегодняшний день в ученом сообществе нет однозначной позиции по вопросу отнесения скриншота к определенному виду доказательств. Существует позиция по отнесению таких доказательств к иным документам и материалам, чей перечень легально не ограничен, однако специфика и распространенность электронных средств, по мнению авторов, требует большего внимания законодателя к этому виду доказательств.

Одна из позиций ученых заключается в введении отдельной категории электронных доказательств и отнесения материалов переписок к ней. Приверженцами указанной позиции являются Н.И. Борискина [3, С. 69], А.А. Демин [5, С. 1076-1084] и др. Однако идентифицирующий признак электронных носителей, как нового вида доказательств, на который в первую очередь опираются авторы – первоначальное их нахождение на электронном носителе. Считаем, что указанный признак не играет ключевой роли, поскольку основным фактором является именно содержание переписки.

Многие ученые (например, Бегичев А.В. [2, С. 4] и Горелов М.В. [3, С. 4–5]) считают, что скриншот переписки следует относить к письменным доказательствам в соответствии с ч. 1 ст. 75 АПК РФ.

Мы согласны с настоящей позицией и считаем необходимым внести изменения в Главу 7 АПК РФ, а именно дополнить ч. 1 ст. 64 АПК РФ формулировкой “..., аудио- и видеозаписи, *электронные доказательства*, иные документы и материалы”, а также внести изменения в ст. 75 АПК РФ, в частности, ввести п. 12 ст. 75 АПК РФ, в котором считаем нужным указать, что электронные доказательства имеют юридическую силу наравне с письменными доказательствами. Также считаем необходимым в п. 13 ст. 75 АПК РФ подробно регламентировать предоставление электронных доказательств в суд.

Вместе с тем, определение места электронной переписки в системе доказательств не снимает вопрос обеспечения допустимости, относимости и достоверности такого доказательства.

Решить проблему достоверности доказательства было призвано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее – ПП ВС №10). Среди критериев достоверности Верховный суд РФ назвал указание на скриншоте адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка и точного времени получения распечатки интернет-страницы, то есть подтверждение неизменяемости скриншота [1, С. 30]. Однако, данное положение имеет косвенное отношение к электронной переписке как доказательству.

Достоверность скриншота переписки можно, также, подтвердить при помощи нотариального заверения. Однако, при всех плюсах указанного способа подтверждения достоверности, он является довольно дорогостоящим. Поэтому предлагаем руководствоваться положениями ПП ВС №10, согласно которым лица, участвующие в деле, вправе заверять скриншоты самостоятельно.

Подлинность содержания переписки и отождествление отправителя сообщения, с лицом, участвующим в деле могут быть удостоверены посредством проведения компьютерно-технической экспертизы, позволяющей установить факт фальсификации скриншота переписки и получить ответы на ряд интересующих суд вопросов, таких как данные о сервере отправителя сообщения призвана компьютерно-техническая судебная экспертиза [6, С. 57].

В случае переписки посредством мессенджеров, мы предлагаем подкрепить доказательство сведениями профилей участников переписки, содержащими номера телефонов указанных лиц, что при необходимости позволит установить личность корреспондентов посредством запроса в организацию-оператора мобильной связи.

Также, не стоит забывать о возможности исследования доказательства непосредственно во время судебного заседания. Так, М.Д. Олегов предлагает для определения истинности документа, полученного посредством электронной почты, исследование его судом на устройстве получателя в судебном заседании с привлечением специалиста [8, С. 378]. Данный способ оценки доказательства по аналогии можно применить и по отношению к переписке.

В связи с изложенным, предлагаем дополнить ПП ВС №10 следующими критериями:

Абзац 2 пункта 55 ПП ВС №10 дополнить следующими положениями: ... Для установления тождества лиц, состоящих в переписке, и лиц, участвующих в деле, при представлении скриншота на заинтересованную сторону возлагается обязанность по подтверждению личности собеседника в мессенджере. Личность может подтверждаться следующими данными: запрос по номеру телефона, на который зарегистрирован профиль, запрос по паспортным данным (в установленном порядке) и иными установленными законом способами.

Ключевые слова (Арбитражный процесс; электронные доказательства; электронная переписка; скриншот; допустимость и относимость доказательств в суде; способы доказывания).

Key words (Arbitration process; electronic evidence; electronic correspondence; screenshot; admissibility and relevance of evidence in court; ways of proving)

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2020).
2. Бегичев А.В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом // Нотариус. – М., 2014, N 5 – С. 3-9.
3. Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Надежда Ивановна Борискина. – М., 2020. – 178 с.
4. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики [Текст] : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Максим Владимирович Горелов. – Екатеринбург, 2005. – 185 с.
5. Дёмин А.А. Особенности правового (правового – прим. авт.) регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах // Вопросы российской юстиции. – Улан-Удэ, 2019, № 3 – С. 1076–1084.
6. Захаренко В.В. Проблема представления электронного документа в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник науки и образования – СПб., 2018, № 7 (43). – С. 56-61.
7. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации: [Постатейный] / Моск. гос. юрид. акад.; Под ред. М.С. Шакарян. – М. : Проспект, 2003. – 731 с.

Кулдашев Нуриддин Абдуганиевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Академии МВД Республики Узбекистан
Kuldashev Nuriddin Abduganievich,
Candidate of Law Sciences, Associate
Professor, Academy of the Ministry of
Internal of the Republic of Uzbekistan

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

LAW-ENFORCEMENT BODIES AS A SPECIAL SUBJECT OF TORT LIABILITY

Аннотация: В статье описывается формирование правовых норм возмещения вреда причиненного органами внутренних дел (далее – ОВД), участие ОВД в деликтных отношениях как государственного и юридического лица, и его отдельные аспекты деятельности.

Предлагается, научно-практическое обоснование, создания специального государственного фонда, целью которой является обеспечение своевременной и полной компенсации потерпевшим за ущерб, причиненный деятельностью ОВД и его должностными лицами.

Annotation: This article emphasizes the formation of norms for compensation of damage caused by internal affairs organs (hereafter – the IAO in context), the participation and importance of the IAO in tort relations as a “state organ” and “legal entity”.

Establishing special state fund to ensure timely and full compensation for damage caused to citizens and legal entities in the exercise of internal affairs organs and their officials have been scientifically substantiated.

Гражданско-правовая (деликтная) ответственность Органов внутренних дел представляет собой не только правовое, но и значимое социальное явление.

В международной науке большинство ученых цивилистов единодушны во мнении, что вред, причиненный Органами внутренних дел (далее – ОВД) и должностными лицами, является особым видом института деликтных отношений. Однако, в юридической литературе отдельные ученые высказывали различные взгляды по вопросу о субъекте, ответственном за ущерб, причинённом деятельностью ОВД и их должностными лицами. В данном случае, следует определиться, кто является ответственным субъектом (государство, ОВД или должностное лицо) данных правоотношений.

Органы внутренних дел как государственный правоохранительный орган имеет определённые функции и обязанности. Согласно ст. 2 Закона Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел» [1], основными задачами органов внутренних дел являются защита прав, свобод и законных интересов граждан, собственности физических и юридических лиц, конституционного строя, обеспечение верховенства закона, безопасности личности, общества и государства, а также предупреждение и профилактика правонарушений.

Необходимо отметить, что любое государство, делегируя полномочиями данными своим органам, должно гарантировать, чтобы эти полномочия всегда осуществлялись в установленном порядке и в необходимых пределах. А также должно устранять негативные последствия и брать на себя ответственность за возмещение ущерба.

Существуют различные мнения ученых-цивилистов на предмет ответственности субъектов ОВД и его должностных лиц, за ущерб, причиненный их незаконными решениями и противоправными действиями (бездействием).

Согласно норм национального законодательства Республики Узбекистан, динамика развития института компенсации ущерба, причиненного государственными органами, в том числе связанные с деятельностью ОВД и их должностных лиц, истоки которых уходит корнями в период, когда страна входила в состав бывшего Советского Союза. В соответствии ста-

тьи 56 Конституции Узбекской ССР (от 19 апреля 1978 года), – «граждане Узбекской ССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» [2]. Академик Х.Рахмонкулов подчёркивал, что согласно статьи 481 Гражданского кодекса Узбекской ССР 1963 года, существовало положение о возмещении ущерба, причиненного гражданам в результате незаконных действий органов государственной власти, общественных организаций и их должностных лиц при исполнении ими своих служебных обязанностей, однако, на практике данная норма не нашла своего отражения, поскольку порядок (механизм – от автора) возмещения убытков четко не был определен законом [3, С. 100].

Следует отметить, что Конституция СССР, Конституция и Гражданский кодекс Узбекской ССР, предусматривали в формальной форме компенсацию имущественного или материального ущерба, причиненного государственными органами и должностными лицами, но к сожалению, компенсация морального вреда не была предусмотрена законодательством того времени.

Действительно, следует отметить, что Гражданский кодекс Республики Узбекистан, принятый в 1997 году, кардинально отличается от Гражданского кодекса Узбекской ССР, который содержит некоторые оптимальные механизмы компенсации ущерба, причиненного государственными органами и должностными лицами.

Но жизнь стремительно развивается и социальные отношения расширяются. Эти процессы, в свою очередь, требуют дальнейшего совершенствования института эффективной защиты прав и интересов личности в гражданском праве, отказ от неоправданных правил и разработки правовых норм прямого действия, отвечающих требованиям современным международным стандартам.

Следует отметить, что согласно Распоряжению Президента Республики Узбекистан от 5 апреля 2019 года Р-5464 «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» [4], начался новый этап в развитии деликтного права. В концепции определены актуальные задачи, такие как совершенствование обязательственного права, совершенствование института гражданско-правовой ответственности, включая обеспечение справедливого порядка возмещения убытков. Сегодня над реализацией этих задач работает межведомственная комиссия, состоящая из практиков, специалистов, научного сообщества и законодателей.

В Гражданском кодексе Республики Узбекистан прямо не указано, что ОВД является субъектом деликта, например в статьях 15 и 990 Гражданского Кодекса он признается (деликвентом) как государственный орган, а в статье 991 Гражданского Кодекса он признается (деликвентом) как правоохранительный орган (орган, осуществляющий доследственную про-

верку, органы дознания, предварительного следствия). ОВД также участвуют в деликтных отношениях как юридическое лицо (учреждение) (например, как собственник источников повышенной опасности, как работодатель и т.д.). Однако, как специальный субъект деликтной ответственности ОВД является как «государственный орган», а не «юридическое лицо» (то есть не учреждение).

Исходя из этого, любой государственный орган как юридическое лицо является учреждением, но не любое учреждение является государственным органом, что необходимо учитывать при установлении ответственных субъектов.

В некоторых странах, например в Турции, «вред, причиненный государственными органами, включая ОВД и их должностных лиц», не является отдельным видом деликта и считается «ответственностью работодателя». Точнее, раздел 2 Закона Турецкой Республики «Об обязательствах», принятый в 2011 году, определяет «Отношения ответственности, возникающие из деликта» (статьи 49-76) и статью 66 раздела «Ответственность работодателя» [5].

Хотя гражданское право большинства стран СНГ гласит, что «вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами», является отдельным видом деликтной ответственности, в данном случае, существуют неопределенность определения ответственности субъекта и компенсации за причиненный вред.

Деликтная ответственность ОВД как «государственный орган» можно разделить на:

1) ответственность в сфере административного управления (ст. 990 ГК РУз);

2) ответственность в правоохранительной сфере (ст. 991 ГК РУз).

Считается спорным что в Гражданском кодексе Республики Узбекистан обязанность компенсировать ущерб, причиненный деятельностью ОВД, возлагается на их же самих, а не на государство. Например, Гражданский кодекс Республики Узбекистан (статья 15) предусматривает, что вышеуказанные убытки, возмещаются за счет внебюджетных средств государственного органа.

Надо отметить, не только в Республике Узбекистан, но и в странах СНГ отсутствие соответствующего специального фонда создаёт определенные проблемные ситуации связанные с возмещением причиненного ущерба.

На наш взгляд, тот факт, что источниками возмещения ущерба, причиненного такой деятельностью, всегда являются средства государственного бюджета, данное положение увеличивает возможность своевременного и полного возмещения ущерба. Кроме того, возможно, что у ОВД не всегда будет достаточно средств для возмещения ущерба, а финансовые возможности государства в этом отношении всегда высоки.

По мнению И.С.Кокорина, ОВД для достижения стоящих перед ними целей и задач осуществляют некоторые виды деятельности, такие как, финансово-хозяйственная, властно-административная, оперативно-розыскная уголовно-процессуальная. Исходя из этого, как подчеркивает И.С.Кокорин, – «и определяется ответственность ОВД, то есть в зависимости от осуществления того или иного вида деятельности, которым причиняется вред. Например, если вред причиняется в результате хозяйственной деятельности, ответственность наступает на общих основаниях, то есть по ст. 1064 ГК РФ (ответственный субъект ОВД – от автора) или в случае причинения вреда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, то ответственность наступает по ст. 1070 ГК РФ (в частности п. 1) (ответственный субъект – государство – от автора)» [6, С. 53].

По мнению В. Власовой – «Следует признать тот факт, что возложение юридической ответственности на государство вызвано тем, что конкретное правоохранительное учреждение, действиями должностных лиц которого причинен вред, как юридическое лицо, обладающее имущественной обособленностью, может вступать в гражданско-правовые отношения лишь в сфере реализации обычной гражданской правосубъектности юридических лиц («учреждение» – от автора), но не как орган дознания и предварительного следствия» [7, С. 24].

Учитывая вышесказанное, хотелось бы отметить, как подчеркивал И.С.Кокорин, – в случае причинения вреда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности ОВД, ответственность наступает по ст. 1070 ГК РФ, а вследствие незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста ответственность наступает также по данной статье.

Ещё одной проблемой связанной с темой исследование является, то что, в последние время увеличиваются число касающихся с компенсациям ущерба гражданам и юридическим лицам со сторонах ОВД и их должностных лиц, а также, возмещение данных ущербов осуществляется несвоевременно и к сожалению не полностью. Например, за 12 месяцев 2019 года со стороны 537 должностных лиц, а за 6 месяцев 2020 года со стороны 459 должностных лиц был случаи нанесения ущерба гражданам и юридическим лицам. Из 172 млрд. 260 млн. сумов ущерба в течении 6 месяцев 2020 года было возмещено 114 млрд. 267 млн. сумов, но 44 % от общей суммы ущерба по различным причинам не было возмещено потерпевшим [8]. Это означает, что проблемы существующие в этой сфере далеки от совершенства и имеют место серьёзные недостатки.

Создание специального бюджетного фонда с целью своевременного и полного возмещения ущерба, нанесённого вследствие осуществления государственными органами, ОВД и их должностными лицами своих полномочий будет служить как гарантия обеспечения прав человека.

В результате исследований сделаны следующие заключения:

Во первых, когда мы говорим, что ОВД участвует в деликтных отношениях в статусе государственных органов следует подразумевать отношения связанные с нанесением ущерба гражданам и юридическим лицам, при исполнении ими своих функциональных задач. Обязанность ОВД по возмещению нанесённого ущерба вследствие его деятельности должно возмещаться не из внебюджетных фондов, а из фондов государственного бюджета;

Во вторых, ОВД в процессе исполнения своих функциональных обязанностей могут нанести ущерб имуществу граждан и юридических лиц закреплённых и используемых ими на праве оперативного управления, в этом случае, ущерб возникающий вследствие такой деятельности не связанный с соответствующими полномочиями властей прослеживаются как договорные правоотношения;

В третьих, существует необходимость унификации правовых норм, регулирующих деликтные отношения с участием ОВД. Если органами осуществляющими доследственную проверку, дознание, предварительное следствие, нанесён ущерб, в этом случае, должна быть конкретная норма определяющая порядок возмещения данного ущерба с точным указанием источников государственных средств, так же должен быть конкретно определён механизм из каких государственных средств будет возмещён ущерб.

По нашему мнению, с целью своевременного и полного возмещения ущерба, нанесённого деятельностью государственных органов, в том числе ОВД и их должностных лиц необходимо создать специальный государственный фонд.

Ключевые слова: органы внутренних дел, деликтная ответственность, возмещение, причинение вреда, специальный деликт, орган государственной власти.

Key words: law-enforcement bodies, tort liability, compensation, causing harm, special tort, public authority.

Литература

1. Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел» // Электронный ресурс. URL: <https://www.lex.uz/docs/3027845> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Конституция Узбекской ССР (Основной Закон). – Т., Узбекистан. – 1978. – 48 с. Электронный ресурс. URL: <https://nodussr.ru/konstituciya-uzbekskoj-ssr> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Общие характеристики и комментарии к части первой Гражданского кодекса Республики Узбекистан. / Ответ. ред.: М.Рахмонкулов, И.Анортоев; Том 1. – Таш., 1997. – 504 с.

4. Распоряжение Президента Республики Узбекистан от 5 апреля 2019 года № Р-5464 «О мерах по совершенствованию гражданского законодательство Республики Узбекистан» // Электронный ресурс. URL: <https://lex.uz/docs/4272619> (дата обращения: 15.02.2021).

5. Türk Borçlar Kanunu // Электронный ресурс. URL : https://archive.ismmmo.org.tr/docs/mevzuat/6098_BorclarKanunu.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

6. Кокорин И.С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 190 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-vred-prichinennyi-primeneniem-fizicheskoi-sily-spets>

7. Власов В.А. Основание и условия гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – № 3 (28). – 2017. – С. 22–26.

8. Генеральная прокуратура Республики Узбекистан опубликовала анализ преступлений должностных лиц // Электронный ресурс. URL: <https://uza.uz/uz/posts/mansabdor-shakhslar-zhinoyatlari-o-ibatida-zhoriy-yilda-172--15-07-2020> (дата обращения: 10.01.2021).

Липанин Евгений Александрович,
преподаватель кафедры
профессиональной подготовки,
Уфимский юридический институт
МВД России

Liparin Evgeny Alexandrovich,
lecturer of the department vocational
training, Ufa Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ИЗДЕРЖЕК, СВЯЗАННЫХ С РАССМОТРЕНИЕМ ДЕЛА

THE PROBLEM OF ABUSE OF THE RIGHT TO REIMBURSEMENT OF COSTS ASSOCIATED WITH THE CONSIDERATION OF THE CASE

Аннотация: в статье рассмотрена проблема злоупотребления правом на возмещение судебных издержек выигравшей стороне по делу за услуги представителя по гражданским делам. Актуальность данной проблемы заключается в

предъявлении завышенных расчётов выигравшей стороны по делу. Для установления правового баланса, который исключает завышения стоимости затрат на услуги представителя[8], предлагается правовая формула с применением которой результат проверки предъявленного расчёта, будет корректным и максимально объективным.

Annotation: the article deals with the problem of abuse of the right to reimbursement of legal costs to the winning party in the case for the services of a representative in civil cases. The urgency of this problem lies in the presentation of overestimated estimates of the winning party in the case. To establish a legal balance that excludes overstating the cost of the representative's services [8], a legal formula is proposed with the use of which the result of checking the presented calculation will be correct and as objective as possible.

Актуальностью данной темы являются, не объективно выставленные требования по оплате судебных издержек, с целью обогащения стороны выигравшей по делу.

Судебные издержки[1] – это фактически понесенные расходы потерпевшей стороны в настоящее время, которые являются реальным ущербом и которые будут понесены в будущем с рассмотрением дела по восстановлению нарушенного права. Выигравшая сторона в предъявлении требований о возмещении расходов в ходе рассмотрения дела предъявляет документы указывающие на расходы связанные с оплатой услуг, привлекаемым лицам[8], для восстановления нарушенного права, в рамках данного судебного спора.

В процессуальном законодательстве, для восстановления нарушенного права, предусмотрен такой вид издержек как оплата услуг представителей[2]. Расходы предъявленные выигравшей стороной должны действительно соответствовать понесенными по необходимости расходами и рассмотрены судом с позиции разумности. В связи с этим судом будут признаны те расходы, которые необходимы для восстановления нарушенного права.

Согласно процессуального законодательства расходы, которые стороны вынуждены были понести в досудебном порядке, не являются процессуальными расходами и не подлежат возмещению.

Законодатель условно обозначил сторонам критерии по оплате услуг доверенного лица (представителя), определив их как разумные затраты понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах[6].

Суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходы на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, является не обоснованной и завышенной.

Для подтверждения факта неразумности(чрезмерности) завышенного размера судебных издержек предъявленных выигравшей стороной, можно использовать ниже приведённую формулу определения фактических понесённых затрат, где в ходе расчёта установленная сумма будет объективной

и разумной, а полученный результат расчёта предоставить суду в качестве обоснованного возражения.

В указанной мною формуле $M(C) : T = \Phi$, использованы следующие значения:

M – минимальный размер оплаты труда;

(C) – либо средне статистическая стоимость оплаты аналогичных юридических услуг, которая сложилась в данном регионе.

T – трудовое время фактического нахождения представителя в суде, согласно протокола судебного заседания;

Φ – фактическая сумма расходов за услуги представителя [8].

У суда с принятием для рассмотрения фактического расчёта по указанной формуле, появляется право уменьшить размер предъявленных издержек обосновано на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1[7].

Рассматривая предъявленные иски в виде расходов на услуги представителя, суд при вынесении решения по делу, может руководствоваться расчётом с применением указанной правовой формулы, для установления правового баланса, который в значительной степени снижает завышенную стоимость затрат, а так же не допускает взыскание убытков в меньшем размере. Что исключает частичное восстановление нарушенного права.

Кроме этого в дальнейшем будет исключена процедура обжалования судебного акта сторонами, так как с использованием вышеуказанной правовой формулы, выводы суда будут логичны, понятны и обоснованы ссылаясь на объективный и разумный расчёт.

При проведении альтернативной процедуры[9], урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора[9], данная правовая формула[8], остаётся актуальной и может быть востребована для расчёта и прогнозирования предстоящих денежных затрат на доверенных лиц, каждой из сторон в случаи их обращения в суд. При проведении медиативных действий, направленных на создание дружеских коммерческих отношений и формированию культуры правового поведения в предпринимательской деятельности, медиатор разъясняет сторонам предстоящие финансовые риски связанные с процедурой разрешения спора в суде и процессуальные последствия которые возникают в виде прав и обязанностей сторон, а также временные затраты связанные с реализацией судопроизводства.

Кроме этого стороны которые обратились в суд вынуждены нести убытки связанные с упущенной выгодой, а так же с дополнительными затратами на услуги экспертов, переводчиков, и иных специалистов чьи услуги необходимы в рамках судебного спора.

Ключивые слова: стоимость услуг представителя, разумные пределы, расчёт фактических затрат, судебные издержки.

Key words: cost of representative services, reasonable limits, calculation of actual costs, legal costs.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021). Глава 7. Судебные расходы. Доступ из справочной правовой системы <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» Доступ из справочной правовой системы <https://base.garant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) Статья 15. Возмещение убытков. Доступ из справочной правовой системы <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

4. Комментарий к Ст. 15 ГК РФ Источник: <http://stgkrf.ru/15> (дата обращения 07.03.2021 года).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

6. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) статья 106. Судебные издержки. Доступ из справочной правовой системы <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки». Доступ из справочной правовой системы <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.03.2021 года).

8. Возмещение судебных издержек за услуги представителя по гражданским делам Липанин Е.А., в журнале – научная статья Номер: 2 (2) Год: 2020 Страницы: 56-61 УДК: 347.921.6:347.921.4(470) журнал ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА Учредители: Уфимский юридический институт МВД РФ (Уфа) ISSN: 2687-1343 <https://elibrary.ru/item.asp?id=43876926>

9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 14.03.2021 года).

Мальшева Наталия Александровна,
адъюнкт ФПНПиНК,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
Malysheva Natalia Alexandrovna,
adjunct FPNPiNK,
Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КАК СУБЪЕКТОВ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF STATE BODIES AS SUBJECTS OF CAUSING HARM BY LAWFUL ACTIONS

Аннотация: в статье рассмотрены государственные органы как субъекты причинения вреда правомерными действиями. Автор статьи указывает, что при всем многообразии существующих государственных органов не все из них обладают полномочиями на причинение вреда. Закрепление таких полномочий автор связывает с наличием особой компетенцией в области защиты прав и свобод граждан.

Annotation: the article considers state bodies as subjects of causing harm by lawful actions. The author of the article points out that with all the diversity of existing state bodies, not all of them have the authority to cause harm. The author associates the consolidation of such powers with the existence of a special competence in the field of protecting the rights and freedoms of citizens.

Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [1]. Государство обеспечивает охрану прав личности и собственности, реализуя свои функции через органы государственной власти.

По общему правилу деятельность государственных органов не предполагает причинение ущерба. Однако, реализация некоторых функций при определенных условиях может привести к неблагоприятным последствиям в виде причинения вреда гражданам и юридическим лицам.

Общее правило деликтной ответственности публично-правовых образований заключена в положениях ст. 1069 ГК РФ, согласно которой, вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов, подлежит возмещению за счет казны РФ или казны субъекта РФ [2].

Когда речь идет о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в действие вступает ст. 16.1 ГК РФ.

В отличие от гражданско-правовой ответственности, которая наступает в результате неправомерных действий государственных органов, правоотношения по компенсации ущерба представляют собой особую группу гражданских правоотношений, не относящихся к институту ответственности. Возникновение данных правоотношений обусловлено выполнением действий, прямо предписанных законом, в связи с чем они и признаются правомерными. Но не все государственные органы наделены правом на причинение вреда.

Рассмотрение понятия «государственный орган» и его признаков относится к предмету изучения теории государства и права. Однако, для заявленной темы статьи важно разобраться в терминологическом аппарате, а именно с понятиями «государственный орган» и «орган государственной власти». На основании ст. 16 и 16.1 ГК РФ, тексты которых оперируют понятием «государственный орган», а также на основании анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П, в котором указанные понятия используются, как равнозначные [3], нами будут использованы оба понятия, поскольку мы усматриваем их явные общие признаки. Отметим, что Б.Н. Габричидзе также не находил противоречий между названными понятиями [4, с. 297].

Специфика деятельности органов государственной власти и их должностных лиц заключается в том, что только они реализуют государственную власть в пределах своей компетенции, выступая неким инструментом реализации властных функций. Существует множество государственных органов: таможенные органы, судебные органы, прокуратура и т.д., каждый из которых представляет собой сложно организованную структуру и имеет конкретные цели.

Деятельность органов государственной власти, обладающих правом на причинение вреда правомерными действиями, имеет свои особенности.

Поскольку органы государственной власти реализуют свои полномочия в публичной сфере, то их деятельность регламентирована нормами публичного права. Поэтому для органов государственной власти участие в гражданских правоотношениях носит вспомогательный характер, важным вопросом является объем компетенции в части имущественной ответственности [5, с. 287]. Однако, государственные органы, причинив вред правомерными действиями, не несут ответственность за негативные последствия, такую ответственность берет на себя государство. Важно отметить, что государство отвечает лишь за тот ущерб, компенсация за причинение которого прямо предусмотрена законом. В связи с этим интересным становится вопрос об установлении объема компетенции в части причинения вреда.

Несмотря на то, что понятие «компетенция» относится к элементу административного статуса государственного органа, мы не можем нивелировать значение данного понятия для отрасли гражданского права. В частности, именно наличие особой компетенции генерирует правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. Наличие компетенции обуславливают полномочия государственного органа, в том числе и по причинению вреда. Для того, чтобы государственный орган обладал полномочиями по причинению вреда, его компетенция должна быть основана на решении круга вопросов по защите прав и свобод граждан. Если компетенция органа государственной власти не связана с такой деятельностью, то он автоматически лишается полномочий на причинение вреда, так как наличие такого полномочия противоречило бы его функциональным целям.

Так, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определяет, что полиция предназначена «для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан» [6]. Безусловно, такое функциональное назначение полиции подразумевает в конкретных ситуациях причинение вреда здоровью и имуществу граждан, что доказывает ст. 13 названного Закона, закрепляющая права сотрудников полиции. Выполнение служебных задач сотрудниками полиции нередко ставит их жизнь и здоровье в опасность, что говорит о сложности и о непредсказуемости работы. В условиях напряженности, риска, высокой физической и психической нагрузки сотрудникам приходится принимать быстрые решения, иногда идти на крайние меры в пределах, дозволенных законом. Такие ситуации связаны с «условиями крайности», риском и опасностью, которые заранее заложены в нормах, дающих право на причинение вреда. Это же касается и других государственных органов.

Таким образом, можно государственные органы на сегодняшний день обладают многообразием и сложной внутренней структурой. Во всем многообразии не все органы государственной власти обладают правом на причинение вреда правомерными действиями. Только наличие соответствующей компетенции предполагает наличие полномочий на причинение вреда.

Ключевые слова: компенсация ущерба, правомерно причиненный вред, государственные органы, компетенция.

Key words: compensation for damage, lawfully caused damage, state bodies, competence.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.01.2020 г.)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.01.2020 г.)

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.01.2020 г.)

4. Габричидзе Б.Н., Елисеев Б.П., Чернявский А.Г. Конституционное право современной России. – М.: Дело и Сервис, 2001.- 416 с.

5. Российское гражданское право. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; под редакцией Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2015. – 960 с. – ISBN 978-5-8354-1000-2. – Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/29318.html> (дата обращения: 10.06.2020). – Режим доступа: для авторизир. пользователей С. 287

6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О полиции» // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.01.2020 г.)

Оставчук Дину,
доктор права, доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и информационной безопасности
Академии «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова

Ostavtchuk Dinu,
Doctor of Law, Associate Professor of the Department of
Criminal Procedure, Criminalistics and Information Security of
the «Stefan cel Mare» Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Moldova;

Руснак Константин,
доктор права, доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и информационной безопасности
Академии «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова,
доцент

Rusnac Constantin,
Doctor of Law, Associate Professor of the Department of
Criminal Procedure, Criminalistics and Information Security of
the Academy «Stefan cel Mare» of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Moldova, Associate Professor

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК КАК СРЕДСТВО ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

A CIVIL SUIT AS A MEANS OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF A CRIME PERFORMED, IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Резюме. Гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства является институтом, специфическим для гражданско-процессуального права, приобретающим определенные черты уголовно-процессуального права и регулируемым нормами гражданского права. Гражданский иск представляет собой процессуальное, законное и юридическое средство, которое имеет характер иска о правовой гражданской ответственности, единственной целью которого является привлечение ответчика и/или ответственной гражданской стороны либо ее правопреемников к правовой гражданской ответственности в целях возмещения материального и/или морального ущерба, причиненного потерпевшей стороне в результате совершенного преступления.

В то же время, гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства представляет собой одно из основных прав жертвы преступления и потерпевшей

стороны, которое позволяет им добиваться компенсации за причиненный ущерб, что не тождественно заявлению о гражданском иске или праву, которому был нанесен ущерб в результате совершенного преступления.

Abstract A civil claim within the framework of criminal proceedings is an institution specific to civil procedural law, acquiring certain features of criminal procedural law and regulated by the norms of civil law. A civil claim is a procedural, legal and legal remedy that has the character of a claim for legal civil liability, the sole purpose of which is to bring the defendant and / or the responsible civil party or its successors to legal civil liability in order to compensate for material and / or moral damage caused to the injured party as a result of the crime.

At the same time, a civil action in criminal proceedings is one of the basic rights of the victim of a crime and the injured party, which allows them to seek compensation for the damage suffered, which is not the same as a civil claim or a right that has been damaged as a result of the crime committed.

Введение. В специальной литературе гражданские иски определяют следующим образом: «Юридические средства, с помощью которых то или иное лицо обращается в судебную инстанцию с требованием либо о признании своего права, либо о его реализации, путем устранения препятствий, установленных другим лицом, при осуществлении данного права или путем выплаты соответствующей компенсации».

С другой точки зрения, «гражданский иск представляет собой совокупность процессуальных средств, при помощи которых, посредством гражданского судопроизводства и при участии принудительной силы государства, осуществляется либо защита гражданского субъективного права, либо его признание или приведение в исполнение в случае, если оно было нарушено или в нем было отказано, или в защищенных законом правовых ситуациях».

Применявшиеся методы. Для достижения поставленной цели в данной научной статье использованы логический (основанный на индуктивном и дедуктивном анализе) и системный методы.

Достигнутые результаты и дискуссии. Общее обязательство по защите прав человека включает обязательство государств по предотвращению нарушений прав человека, а также по их пресечению и возмещению ущерба [11, стр. 49).

Природа обязательства по предотвращению нарушений прав человека рассматривается в правовой доктрине и практике с большой осторожностью, поскольку более широкое понимание этого обязательства привело бы к принятию на себя государством ответственности за «риск» нарушения гарантированного права.

В данном контексте следует иметь в виду, что одним из основных условий допустимости обращения в Европейский суд является статус "жертвы" предполагаемого нарушения обязательства по защите со стороны государства, против которого подана жалоба. Обязательство государства по предотвращению нарушения прав или свобод, закрепленных в Конвен-

ции, выражается в обеспечении соответствия национальной законодательной базы положениям ЕСПЧ и, следовательно, в гарантировании того, что все специализированные государственные органы (правосудие, полиция, армия, прокуратура и т.д.) осуществляют деятельность, обеспечивающую эффективность основных положений Конвенции и внутреннего законодательства [10, стр. 20).

Республика Молдова, как независимое и суверенное государство, имеет позитивное обязательство уважать основные права и свободы лиц, находящихся под его юрисдикцией. Каждое государство создает определенные национальные механизмы и правовые инструменты, направленные на обеспечение соблюдения закона в интересах человека, общества и в поддержку государственных институтов, в целях защиты основных прав и свобод и человеческого достоинства.

После совершения преступного деяния и уведомления правоохранительных органов имеет место возбуждение уголовного дела. Таким образом, для возбуждения уголовного дела и начала деятельности органов уголовного преследования или прокуратуры, во всех случаях, эта деятельность обусловлена уведомлением компетентных органов.

Деятельность прокуратуры и прокурора регулируется положениями Конституции Республики Молдова, международными договорами, подписантом которых является Республика Молдова, а также Уголовно-процессуальным кодексом [5].

Уголовно-процессуальное право является основой деятельности по уголовному преследованию и осуществляется несколькими институтами, каждый из которых способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

В результате совершения преступления может быть причинен не только моральный и физический вред, но и материальный ущерб. Право потерпевшей стороны требовать компенсации за ущерб, причиненный уголовным преступлением, осуществляется в виде гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. На протяжении истории гражданский иск эволюционировал так же, как и уголовное судопроизводство. В обвинительной системе, так как процедура носит устный, публичный и состязательный характер, на основе единого иска решалась как уголовная, так и гражданская сторона дела [8, стр. 483).

Подобное смешение двух данных действий приводит как к наказанию виновного, так и к выплате компенсации пострадавшему лицу [9, стр. 28).

Литература по специальности определяет гражданский иск как «юридическое средство, при помощи которого то или иное лицо обращается в судебную инстанцию с требованием либо о признании своего права, либо о его реализации путем устранения препятствий, установленных другим лицом, при осуществлении данного права или путем выплаты соответствующей компенсации». [14, стр. 19).

Другую точку зрения по данному вопросу высказал Чобану В. М., утверждая, что «гражданский иск представляет собой все процессуальные средства, при помощи которых, посредством гражданского судопроизводства и при участии принудительной силы государства, осуществляется либо защита гражданского субъективного права, либо его признание или приведение в исполнение в случае, если оно было нарушено или в нем было отказано, или в защищенных законом правовых ситуациях» [4, р. 250).

Таким образом, следует отметить, что гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства направлен на привлечение к гражданской ответственности обвиняемого, а в предусмотренных законом случаях – стороны, несущей гражданско-правовую ответственность.

Гражданский иск по уголовным делам возбуждается путем подачи искового заявления прокурору или в судебную инстанцию физическими или юридическими лицами, которым был причинен материальный или моральный ущерб непосредственно в результате совершения деяния (действия или бездействия) деяние, запрещенного уголовным законом, или в связи с его совершением.

Гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства может быть предъявлен только для получения компенсации за ущерб, причиненный уголовным преступлением. Следует подчеркнуть, что, хотя источником гражданского иска и является уголовное преступление, его правовая поддержка обеспечивается нормами гражданского права, поскольку оно считается уголовно-процессуальным институтом только в том случае, если оно проводится в рамках уголовного судопроизводства [6, стр. 71).

Для определения правовой природы института гражданского иска необходимо уточнить, к нормам какой отрасли права таковая относится. Некоторые авторы отмечают, что само название института гражданского иска в уголовном судопроизводстве говорит о том, что он имеет двойственный характер – материальный и процессуальный [16, стр. 14).

Относительно норм, которые применяются при рассмотрении гражданского иска в контексте уголовного судопроизводства также высказался Европейский суд по правам человека в деле Рингвулда против Норвегии [12], в связи с чем Суд отметил, что, хотя условия, касающиеся гражданской ответственности, могут в некоторых отношениях пересекаться с условиями, касающимися уголовной ответственности, гражданский иск все же должен рассматриваться в соответствии с принципами, характерными для гражданской ответственности. В данном случае, уголовное дело не было решающим для рассмотрения искового заявления о возмещении ущерба.

Гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства подчиняется правилам гражданско-правовой ответственности. Однако гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства имеет некоторые особенности,

которые отличают его даже от гражданского иска, основанного на гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность призвана обеспечить полную компенсацию за причиненный ущерб, независимо от того, кому он был причинен, от вида ущерба и от форм его возмещения. Обязательство по возмещению ущерба может быть наложено не только на преступника, но и на других лиц, предусмотренных законом [2, стр. 415).

Для возбуждения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства должны присутствовать следующие совокупные условия, также предусмотренные и в гражданско-правовой ответственности:

- преступление причинило материальный или моральный ущерб;
- наличие причинно-следственной связи между совершенным преступлением и причиненным ущербом, подлежащим возмещению;
- ущерб должен быть очевидным;
- ущерб не был возмещен;
- наличие заявления о возбуждении гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства в отношении дееспособных физических лиц или в отношении юридических лиц;
- не превышать разумные сроки уголовного процесса при рассмотрении гражданского иска в его рамках.

Право требовать возмещения ущерба зависит исключительно от наличия ущерба, независимо от того, является ли он результатом нарушения субъективного права или какого-либо интереса. Интерес должен быть законным и моральным. Ущерб может быть материальным и моральным, т.е. деяния затрагивают некоторые ценности, определяющие человеческую личность как биологическое, социальное и нравственное существо. Действия направлены как на физическую неприкосновенность, физическое или психическое здоровье человека, так и на чувствительность психики, честь, достоинство, доброе имя.

Еще одним условием является причинная связь между совершенным преступлением и заявленным ущербом. Ущерб должен быть прямым следствием преступления, однако в доктрине также было принято возмещение косвенного ущерба, причиненного рикошетом.

Следовательно, лицо может быть привлечено к гражданской ответственности только при наличии объективной причинной связи между деянием и ущербом [13, стр. 21].

Во всех случаях существует взаимосвязь между причинно-следственной связью в уголовной ответственности и причинно-следственной связью как элемента гражданско-правовой ответственности, тогда когда преступление причинило ущерб.

Чтобы иметь право требовать возмещения ущерба, причиненного в результате совершенного преступления, необходимо, чтобы таковой соответствовал другому условию, а именно, быть очевидным. Очевидный ха-

рактер ущерба означает, что это настоящий ущерб, он действительно произошёл, его можно оценить. В этом смысле, правовая доктрина и практика поддерживают мнение о том, что требования о символической компенсации должны быть отклонены. Ущерб может быть текущим или будущим. Будущий ущерб должен быть действительным и поддающимся оценке. Если невозможно предвидеть объективную оценку, суд ограничится предоставлением возмещения за ущерб, установленный с уверенностью, по просьбе заинтересованной стороны, имея возможность позже принять решение о возмещении ущерба, который стал очевидным после первого постановления.

Еще одним условием возбуждения гражданского иска в уголовном процессе является невозмещение ущерба.

Гражданский иск в уголовном процессе не может служить способом получения материальной выгоды, дохода. В некоторых случаях ущерб может быть возмещен либо обвиняемым, либо другими лицами до урегулирования гражданского иска. Относительно этого условия на практике бывают разные ситуации, когда ущерб возмещается лицами, не являющимися обвиняемыми, либо гражданско-ответственной стороной. Подобные ситуации могут существовать в следующих случаях:

- пострадавшему выплачиваются пенсии социального страхования;
- потерпевшему возместила ущерб страховая компания;
- ущерб был покрыт третьим лицом, хотя оно не было обязано возмещать ущерб [8, стр. 486].

Согласно положениям ст. 219 п. (3) УПК, материальный ущерб считается связанным с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, если он выражен в расходах на:

- 1) лечение потерпевшего и уход за ним;
- 2) захоронение потерпевшего;
- 3) выплата страховых сумм, пособий и пенсий;
- 4) оформление договора хранения товаров.

Согласно п. (4) в ст. 219 УПК, при оценке размера материальной компенсации за моральный вред суд принимает во внимание физические страдания потерпевшего, рекреационный или эстетический ущерб, сокращение продолжительности жизни, потерю чести вследствие клеветы, душевные страдания, причиненные смертью близких родственников и др.

Одна из наиболее обсуждаемых проблем, возникающих в судебной практике, – это вопрос об установлении размера денежной компенсации за моральный вред [17, с.25]. Несмотря на недавнее законодательное регулирование в этой сфере, многие вопросы остаются неясными и спорными, требующими срочного уточнения.

Анализ методов и условий для определения размера компенсации представляется сейчас более необходимым, чем когда-либо, так как его цель состоит в том, чтобы установить, возможно ли найти адекватные,

научные, достоверные правила для обоснования оценки ущерба в случае морального вреда.

Такой подход способствовал бы теоретической аргументации допустимости денежного возмещения за моральный ущерб, так как одно из основных возражений, выдвигаемых против него, состоит именно в невозможности установления имущественного эквивалента неимущественного ущерба. Кроме того, это помогло бы избежать произвола, который может быть допущен при отсутствии правовой оценки и до установления ориентировочной судебной практики, в попытке судьи установить в соответствии с принципами, применяемыми неизбирательно, «цену», которая могла бы обеспечить «полное возмещение» ущерба, причиненного, например, потерей физиологической функции, органа или продолжительности жизни [3, стр. 46].

В юридической литературе высказывалось мнение, что неимущественный ущерб не подлежит надлежащему возмещению; так называемое возмещение ущерба предназначено только для облегчения страданий потерпевших или для того, чтобы доставить им определенное удовлетворение. Таким образом, суд при вынесении решения об удовлетворении требования о взыскании морального вреда не вправе ссылаться на размер компенсации морального вреда, запрошенный потерпевшей стороной.

Моральный ущерб компенсируется денежным эквивалентом. Судебные инстанции, при определении размера компенсации за моральный вред, должны обязательно учитывать как субъективную оценку серьезности душевных или физических страданий потерпевшей стороны, так и объективные данные, подтверждающие этот факт, особенно жизненно важное значение личных неимущественных прав и собственности (жизнь, здоровье, свобода, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, честь, достоинство и профессиональная репутация); степень (уровень) физических или психических страданий потерпевшего (лишение свободы, телесные повреждения, смерть близких, потеря или ограничение трудоспособности), вид вины (умысел или неосторожность), личностные характеристики лица, причинившего вред, в случаях когда для возмещения морального вреда необходимо его присутствие, и другие доказательные обстоятельства, вытекающие из документов дела, в частности, семейное и материальное положение лица, несущего ответственность за причинение морального вреда потерпевшей стороне [7. С. 559].

В подобных условиях судья должен будет стремиться установить сумму, необходимую не столько для того, чтобы вернуть потерпевшего в ситуацию, аналогичную предыдущей, но чтобы предоставить ему моральное удовлетворение, которое могло бы заменить ценность, которой он был лишен.

Размер компенсации – один из самых важных и наименее регулируемых моментов, связанных с возмещением морального вреда. Часто ни потерпевшая сторона, ни суд не располагают абсолютно четкими критериями для определения компенсации [15, стр. 21].

Сумму компенсации трудно определить, даже сложнее, чем принять само решение о присуждении денежной компенсации; судебные инстанции должны наблюдать, чтобы суммы денег, которые они присуждают в качестве компенсации морального вреда, имели именно компенсационный эффект; такие суммы не должны представлять собой чрезмерные штрафы для виновных в причинении ущерба или неоправданный доход для потерпевших; присужденные денежные суммы должны квалифицироваться только в качестве компенсаций [1, стр. 22].

Одним из методов определения размера компенсации является установление наличия и размера ущерба и соотнесение компенсации с измеренной реальностью страданий, перенесенных потерпевшим.

Научное определение наличия ущерба будет включать судебно-медицинские исследования и исследования личности и психологии жертвы, во взаимосвязи с социальной средой и этическими принципами соответствующего времени и общества.

Этот метод может привести к установлению размера компенсации, который будет зависеть от представлений потерпевшего в причиненном ущербе, а не от решения судьи, и, в то же время, он сократит или будет препятствовать возможности предоставления компенсации именно в более серьезных случаях, когда жертва доведена до вегетативного состояния или, в случае маленького ребенка, потерявшего своих родителей, боль не воспринимается соразмерно понесенной утрате, очевидно, более сильной для ребенка постарше или для взрослого.

С другой стороны, с практической точки зрения, с точки зрения реальных возможностей использования доказательной базы, такой метод кажется в значительной степени нереальным. Это побудило бы потерпевших усугублять и демонстрировать внешне свои страдания, реальные или мнимые, чтобы увеличить шансы на получение компенсации, и поставило бы судью в затруднительное положение необходимости измерения интенсивность подобных состояний или проявлений.

При определении размера денежного возмещения ущерба суд должен учитывать установленные законом обстоятельства: степень вины виновного в причинении морального вреда, его материальное положение, характер и тяжесть физических и моральных страданий.

При определении размера компенсации морального вреда всегда необходимо учитывать степень вины виновного в причинении морального вреда. Виной виновного считается его психическое отношение к моральному ущербу, являющемуся прямым следствием его преступных действий. В зависимости от того, будет ли форма вины умышленной в

одной из ее форм (прямой или косвенной) или неосторожностью в ее проявлениях (халатностью или излишней самоуверенностью), также должны будут различаться размеры денежной компенсации морального ущерба. В теоретических исследованиях высказывались точки зрения, предлагающие учитывать так называемую смешанную вину, т.е. когда существует еще и вина потерпевшего в причинении морального вреда, которую следует учитывать при расчете денежной компенсации морального вреда [15, стр. 21].

Это не лишено логики, потому что можно встретить немало случаев, когда жертва виновна в последующем увеличении морального ущерба, в его расширении, и мы считаем, что это не должно вменяться виновному в причинении морального ущерба.

Характер и тяжесть физических и психических страданий, причиненных потерпевшему, являются еще одним критерием, в зависимости от которого суд должен будет установить денежное возмещение морального вреда.

Таким образом, лицо, которому в результате преступления был причинен материальный или моральный ущерб, имеет право подать гражданский иск о возмещении ущерба, причиненного в результате деяния. Гражданский иск может быть подан на этапе уголовного расследования, а также на этапе судебного разбирательства до окончания судебного расследования. Возбуждение гражданского иска в уголовном процессе носит сопутствующий характер по отношению к уголовному иску, поскольку его источником должен быть тот же материальный факт, что и в уголовном деле, материальный факт, составляющий преступление. Если гражданский иск, поданный в гражданский суд, был отклонен, истец не имеет права предъявлять такой же иск в уголовном судопроизводстве. Также, если гражданский иск был отклонен в рамках уголовного производства, заявитель не имеет права подавать такой же иск в порядке гражданского судопроизводства.

В то же время, существует законодательный пробел, заключающийся в том, что пострадавший от преступления (ст. 58 ч. (3) п. 6 УПК) имеет право подать заявление о признании в качестве гражданского истца, в то время как потерпевшая сторона (ст. 59, 60 Уголовно-процессуального кодекса) не имеет этого права, что нарушает права потерпевшей стороны. Более того, согласно ст. 59 п. (1) Уголовно-процессуального кодекса, *несовершеннолетний, которому причинен вред в результате правонарушения, будет признан потерпевшим без его согласия*. Данная ситуация еще хуже, поскольку права несовершеннолетних нуждаются в большей защите. Исходя из приведенных аргументов, предлагается внести изменения и дополнения в ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса таким образом, чтобы потерпевшая сторона имела право требовать ее признания в качестве гражданского истца.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное преследование, уголовный процесс, материальный ущерб, судебная инстанция, возмещение ущерба.

Key words: civil claim, criminal prosecution, criminal procedure, material damage, court, compensation for damage.

Литература

1. Albu I. Considerații în legătură cu revenirea jurisprudenței române la practica reparării bănești a daunelor morale , În: Dreptul №8, 1996.
2. Baieș S., Băieșu A., Cebotari V. Drept civil. Drepturile reale. Teoria generală a obligațiilor. Vol. II. Chișinău: Ed. „Cartier juridic”. 2005.
3. Boar M. Metode și criterii de evaluare a despăgubirilor bănești pentru daune morale. Dreptul №10.
4. Ciobanu V.M. Tratat teoretic și practic de procedură civilă. Vol. I: Teoria generală. București: Național, 1997.
5. Cod de procedură penală al Republicii Moldova: nr. 122 din 14 martie 2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2003, nr. 104 – 110.
6. Danilov A. Ciobanu O. Soluționarea acțiunii civile în procesul penal al Republicii Moldova. În: Legea și Viața. Кишинев, 2018 г. № 1-3.
7. Dolea I. Cod de procedură penală. Comentariu aplicativ. Chișinău: Ed. „Cartier Juridic”, 2016.
8. Dolea I., Roman D., Sedlețchi I. ș.a. Drept procesual penal. Chișinău: Editura Cartier, 2005.
9. Ionescu-Dolj I. Acțiunea civilă în procesul penal. Бухарест: Ed. ‘national’, 1937.
10. Poalelungi, Mihai. Convenția europeană a drepturilor omului: obligații pozitive și negative. Chișinău: Tipografia Centrală, 2015.
11. Poalelungi, Mihai. Obligațiile pozitive și negative ale statului prin prisma Convenției Europene pentru apărarea drepturilor omului și libertăților fundamentale. Teza de dr. habilitat în drept. Chișinău: 2015.
12. Speța Ringvold c. Norvegiei. Hotărârea din 11 februarie 2003. Наличие: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-60933>
13. Stătescu C. Răspunderea civilă delictuală pentru fapta altei persoane, București: Ed. „Științifică și Enciclopedică”, 1984.
14. Stoenescu I., Zilberstein S. Tratat de drept procesual civil. Vol. I. Ed. a II-a revăzută și completată. București: Centrul de Multiplicare al Universității București, 1975.
15. Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда? Российская Юстиция №6 2000 г.
16. Тимошенко А.В. Теоретические и практические вопросы гражданского иска в предварительном расследовании. Диссертация кандидата юридических наук. Челябинск, 2002.
17. Усков В. Как компенсировать моральный вред богатому и бедному? Российская Юстиция №12 2000.

Пархоменко Ирина Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет
МВД России

Parkhomenko Irina Konstantinovna,
docent of civil law and civil process chair
of St.-Petersburg university
of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, candidate of law sciences

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

PROBLEM ASPECTS OF APPLICATION AT THE MODERN STAGE OF LEGAL INSTITUTIONS REGULATING THE CHANGE OR TERMINATION OF CIVIL AGREEMENTS

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам в области договорного права. Обращается внимание на то, что договор выполняет свои функции наилучшим образом, когда он стабилен. В этой связи на современном этапе необходимо уделять особое внимание уменьшению вероятности наступлений рискованных событий.

Abstract: This article focuses on actual problems in contract law, paying attention to the fact that a contract carries out its functions in the best way when it is stable. Therefore, at the current stage particular attention should be given to reduction of probability of risk events.

На современном этапе развития общества, существует большое разнообразие договорных отношений, которые имеют особенности реализации. Надлежащее исполнение обязательств без нарушения прав субъектов частного права заложено в основе правотворческой деятельности любого государства. В Российской Федерации одним из инструментов, регулирующих договорные отношения, является институт изменения либо расторжения договоров при существенном изменении обстоятельств, предусмотренный Гражданским кодексом Российской Федерации.

Основываясь на положениях ст. 451 ГК РФ «изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях». В таком случае изменить или расторгнуть договор возможно соглашением сторон либо в судебном порядке.

Одной из основных задач договорного регулирования является обеспечение стабильности взаимодействия между сторонами договора. Можно отметить, что нестабильность гражданско-правовых договоров и, как следствие, гражданского оборота является одной из проблем российского гражданского права на современном этапе.

В условиях рыночных отношений, при гражданско-правовом регулировании договорных отношений, поиске баланса интересов в обществе имеет место такой важный показатель как договорной риск. Основными критериями распределения договорных рисков, по мнению Д.А. Архипова, выступают справедливость и экономическая эффективность, которая является универсальным критерием их распределения. [1].

Можно отметить, что определенную проблему создает «смешивание» понятий непреодолимой силы и существенного изменения обстоятельств. Принципиальное различие состоит в том, что при наступлении обстоятельств непреодолимой силы обязательство вообще не может быть исполнено, при существенном же изменении исполнение теоретически возможно, но неприемлемо для одной из сторон договора. Помимо этого, институт невозможности исполнения преследует цель именно прекращения обязательства и применяется автоматически, т. е. с момента наступления невозможности исполнения, то применение института существенного изменения обстоятельств необходимо для сохранения баланса интересов сторон договоров и возможно лишь по соглашению сторон либо решению суда [2]. Так, например, Верховный Суд РФ определением от 11.09.2019 по делу № А59-4806/2018 признал правильной позицию нижестоящих судов, установивших, что «перепланировка здания, которая привела к невозможности использования помещений, выступающих объектом аренды по спорному договору, является существенным изменением обстоятельств, при которых стороны исходили при заключении договора аренды и которые правопреемник аэропорта при его заключении договора не мог предвидеть, учитывая, что реконструкция аэровокзала осуществлена в соответствии с нормативными актами».

В соответствии с гражданским законодательством Договор на момент заключения должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законодательством (п. 1 ст.392 ГК). Но эти правила впоследствии могут претерпевать изменения. В п. 2 ст.392 ГК РФ предусмотрено следующее: если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора должны быть приведены в соответствие с законодательством, если иное не предусмотрено законодательством. При возникновении чрезвычайных или неотвратимых обстоятельств действующим российским законодательством предусмотрены правовые последствия договорных отношений. К ним, в частности, относится освобождение от ответственности за нарушение договора в связи с обстоятельствами непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Согласно п. 3 ст. 401

ГК РФ под обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором) понимается чрезвычайное и непредотвратимое событие, которое временно препятствует стороне исполнить договорное обязательство. В период пандемии в России не был введен режим чрезвычайной ситуации, однако распространение коронавирусной инфекции признано Торгово-промышленной палатой РФ обстоятельством непреодолимой силы. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание особенности правоотношений в каждом конкретном случае. Помимо чрезвычайности и неотвратимости необходимо наличие прямой взаимосвязи между происходящей ситуацией и невозможностью исполнения договора, и при отсутствии такой взаимосвязи распространение коронавируса может быть не признано обстоятельством непреодолимой силы [3].

Установление и поддержание баланса интересов участников гражданско-правовых отношений способствует стабилизации отношений в обществе. Исходя из этого можно сказать, что принцип стабильности договорных отношений обеспечивает стабильность гражданского оборота, и договор выполняет свои функции наилучшим образом, когда он стабилен. На современном этапе большое внимание необходимо уделять уменьшению вероятности наступлений рисков событий. Поэтому для митигирования рисков при составлении договоров необходимо обращать особое внимание на вопросы, связанные с нарушениями условий договора, порядком урегулирования разногласий и ответственностью сторон.

Исходя из вышесказанного можно говорить о том, что институт изменения либо расторжения договоров при существенном изменении обстоятельств в российском правовом поле не реализуется в полной мере, что обуславливается невозможностью выделения основных критериев и условий его применения, что приводит к смешению со смежными институтами обязательственного права.

Ключевые слова: непреодолимая сила, существенное изменение обстоятельств.

Keywords: force majeure, essential change in the circumstances

Литература

1. Архипов Д.А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. М.: Статут, 2012
2. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М., 2015.
3. Пархоменко И.К. Актуальные проблемы гражданско – правового регулирования договорных отношений // Материалы всероссийской научно-практической конференции «осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики». СПб., 2020.

Семенова Екатерина Геннадьевна,
доцент кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
Semenova Ekaterina Gennadievna,
Associate Professor of the Department of State
and civil law disciplines
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DEFINITION OF REAL ESTATE: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT IN THE LIGHT OF CIVIL LAW REFORM

Аннотация: в условиях реформы гражданского законодательства осуществлен анализ недвижимости как объекта гражданских прав. Обосновывается, что в качестве критерия разграничения вещей необходимо рассматривать правовой режим, который устанавливается понятием недвижимости. Определение недвижимости должно содержать не оценочные критерии отнесения объектов к недвижимости, а конкретные объекты, в отношении которых установлен соответствующий правовой режим. Правовым режимом недвижимости может наделяться земельный участок, а также застроенный земельный участок как неделимая вещь.

Annotation: In the context of the reform of civil legislation, an analysis of real estate as an object of civil rights was carried out. It is substantiated that as a criterion for differentiating things, it is necessary to consider the legal regime, which is established by the concept of real estate. The definition of real estate should not contain evaluation criteria for classifying objects as real estate, but specific objects in relation to which an appropriate legal regime has been established. The legal regime of real estate can be allocated to a land plot, as well as a built-up land plot as an indivisible thing.

На сегодняшний день, в условиях реформы гражданского законодательства, одним из актуальных вопросов является определение недвижимого имущества, установление конструкции взаимосвязи земельного участка и объектов, размещенных на нем.

Современное гражданское законодательство наделяет объекты правовым режимом недвижимости путем перечисления конкретных объектов, а также установлением некоторых признаков отнесения объектов к категории недвижимости (ст. 130 Гражданского кодекса РФ).

Непосредственно перечень объектов, на которые распространяется режим недвижимости, в отечественном законодательстве неоднократно менялся в зависимости от происходящих экономических и политических изменений (последнее изменение было внесено Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ). В настоящее время к недвижимым вещам отнесены земельные участки, участки недр, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, предприятие, единый недвижимый комплекс (ст. 130, 132 ГК РФ). Законом установлено, что к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество (линейно-кабельные сооружения связи).

Относительно признаков недвижимости, перечисленных в ст. 130 ГК РФ («прочность связи с землей», «несоразмерность ущерба назначению при перемещении») необходимо отметить, что они современной правоприменительной практикой не признаются в качестве определяющих при отнесении объекта к недвижимости. И если определение земельных участков как естественных недвижимых объектов в качестве недвижимых вещей не вызывает сложностей, то относительно объектов, являющихся результатами строительства (торговых павильонов, складских помещений, гаражей, хозяйственных построек, навесов, ограждений земельных участков и т.д), расположенных на земельном участке, возникают споры.

Отсутствие в действующем законодательстве прямых указаний, какие объекты являются недвижимостью восполняется соответствующими разъяснениями на ведомственном уровне (письмо Министерства экономического развития РФ от 21 марта 2019 г. №Д23и-8958), однако они не являются обязательными при осуществлении правоприменения.

В настоящее время реализация в законе конструкции недвижимости как соединения вещей (земельных участков и объектов, размещенных на нем), при которой сохраняется их юридическая самостоятельность, предопределяет различное ее доктринальное толкование (как главной вещи и принадлежности, составной недвижимой вещи, сложной вещи). Существование права собственности на различные соединенные между собой вещи дает основание утверждать, что отечественное законодательство в сфере недвижимости развивается в направлении принципа единой судьбы объектов (п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ).

Земельный участок и объекты, расположенные на нем, не могут рассматриваться как главная вещь и принадлежность, а также в качестве частей сложной вещи. Их отчуждение как самостоятельных объектов граж-

данских прав независимо друг от друга невозможно, поскольку они представляют собой единую вещь. Основа такого подхода была заложена еще в Программе социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2002 – 2004 гг.), получила закрепление в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г., положенной в основу новой редакции раздела II Гражданского кодекса РФ.

Так, в случаях, когда земельный участок и находящееся на нем недвижимое имущество принадлежат одному собственнику, предлагается использовать конструкцию единого объекта недвижимости [1]. Кроме того, в рамках реализации положений Концепции в ГК РФ было осуществлено введение нового объекта – единого недвижимого комплекса (ст. 133.1 ГК РФ), что, однако, получило неоднозначную оценку со стороны правоведов. Причиной научной полемики послужило содержательное совпадение конструкции единого недвижимого комплекса с конструкцией сложной вещи.

Определяющее значение в механизме возникновения, перехода и прекращения права собственности на недвижимую вещь, определения юридической судьбы ее компонентов имеет правильное применение юридических конструкций взаимосвязи объектов, предусмотренных Главой 6 ГК РФ. Специфика физических, экономических и социальных характеристик недвижимости обуславливает необходимость рассматривать находящиеся на земельном участке объекты (объекты капитального строительства, поверхностные водные объекты, лесные насаждения) как составные части вещи, которые не признаются отдельными вещами, не могут быть самостоятельными объектами вещных прав [2]. Это вытекает из положений действующего законодательства, определяющего содержание права собственности на земельный участок в случае нахождения на нем поверхностного (почвенного) слоя, водных объектов (пруды и обводненные карьеры), растений (посевы и посадки сельскохозяйственных культур) (ст. 261 ГК РФ, ст. 40 ЗК РФ, ст. 8 ВК РФ). В то же время определение конструкции недвижимости требует осуществления комплекса законодательных мер, которые будут направлены на закрепление структуры такого объекта.

Актуальность данной проблемы подтверждается принятием определенных мер, направленных на совершенствование действующего законодательства в данной сфере. Так, в проекте федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» [3], подготовленного в рамках Концепции изменений федерального законодательства, направленных на создание правового режима единого объекта недвижимости 2016 г., уточняется правовое регулирование в отношении недвижимой вещи, единого недвижимого комплекса, сложной и неделимой вещи.

В частности, в законопроекте единый недвижимый комплекс рассматривается как сложная вещь. Относительно зданий, объектов незавер-

шенного строительства подчеркивается, что они считаются неотделимыми улучшениями земельного участка, при условии, что права на них не будут отдельно зарегистрированы. При этом в законопроекте допускается выделение зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, если они отвечают установленным признакам, в качестве самостоятельных недвижимых вещей.

Считаем, что если связь объектов не образует единую неделимую вещь, то квалифицировать такие объекты в качестве составных частей вещи («улучшений земельного участка») не является обоснованным. Очевидно, что подобным образом сконструированные нормы анализируемого законопроекта не могут способствовать решению проблемы определения структуры единого объекта и обеспечивать эффективное регулирование отношений в сфере недвижимости.

В 2019 г. Минэкономразвития России был подготовлен проект федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] в котором концепция единого объекта недвижимости получила более последовательное развитие. В соответствии с проектом правовым режимом недвижимости наделяется земельный участок, результаты строительной деятельности рассматриваются как его составные части. В то же время, как исключение из общего правила, результаты строительной деятельности могут выступать в качестве самостоятельных объектов, если они не принадлежат на праве собственности собственнику земельного участка, на котором они расположены.

Считаем, что в правовом значении земельный участок и находящиеся на нем объекты, прочно прикрепленные к участку, представляют собой не совокупность вещей, а формируют одну неделимую вещь, как объект недвижимости. При этом нахождение на земельном участке объектов капитального строительства обуславливает возникновение особой правовой связи, характеризующей правовой режим застроенного земельного участка как неделимой вещи.

Подводя итоги, необходимо отметить, что отнесение конкретного объекта к недвижимости имеет важное значение, в том числе для возникновения и защиты прав собственника такого объекта. Считаем, что в качестве критерия разграничения вещей необходимо рассматривать правовой режим, который устанавливается понятием недвижимости. В свою очередь, определение недвижимости должно содержать не оценочные критерии отнесения объектов к недвижимости, а конкретные объекты, в отношении которых установлен соответствующий правовой режим. Соответственно, правовым режимом недвижимости может наделяться земельный участок, а также застроенный земельный участок как неделимая вещь. Законом к недвижимым вещам иное имущество не может быть отнесено.

Литература

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Доступ из справочной правовой системы «Гарант»
2. Семенова Е.Г. Система объектов недвижимого имущества в гражданском праве Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 22. – С. 124-129.
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России 18.09.2017) // Доступ из справочной правовой системы «Гарант»
4. Обзор деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства за декабрь 2019 года. URL: <http://privlaw.ru/sov-et-po-kodifikacii/2019-1/obzor2019-12/>

Скурлатов Владислав Сергеевич,
студент, Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации

Skurlatov Vladislav Sergeevich,
student St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation;

Трудников Алексей Витальевич,
студент, Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации

Trudnikov Alexey Vitalyevich,
student St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

SOME PROBLEMS OF CONSIDERATION OF CASES WITH THE PARTICIPATION OF ARBITRATION ASSESSORS

Аннотация: В статье анализируются актуальные проблемы рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей. Исследуются вопросы привлечения арбитражных заседателей к осуществлению правосудия. Предлагаются пути ре-

формирования института арбитражных заседателей и устранения неточностей в законодательных формулировках.

Abstract: The article analyzes the actual problems of consideration of cases with the participation of arbitration assessors. The issues of attracting arbitration assessors to the administration of justice are investigated. The ways of reforming the institute of arbitration assessors and eliminating inaccuracies in legislative formulations are proposed.

Модель современного российского правосудия вобрала в себя многие черты, присущие рассмотрению дел судами Советской эпохи. Институт народного участия в судебном процессе не исключение. Законодательство РСФСР наделяло народных заседателей правами, которые были присущи статусу судьи [1, с. 106-108]. Участие граждан в отправлении правосудия имеет свои преимущества: присяжные заседатели в уголовном процессе наиболее скептически подходят к оценке доказательств, предъявляемых стороной обвинения; арбитражные заседатели помогают судье в решении узкопрофессиональных вопросов, требующих специальных знаний в области экономики, финансов и т.д. Тем не менее, в настоящее время существует ряд недостатков в рассмотрении дел с участием арбитражных заседателей.

Участие арбитражных заседателей – коллегиальная форма рассмотрения дела, при которой в состав коллегии входят судья и два арбитражных заседателя. В силу ст. 19 АПК РФ, ст. 2 Федерального закона от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» к кандидатам в арбитражные заседатели предъявляются следующие требования: достижение определенного возраста, наличие профессионального стажа и квалификации, безупречная репутация, отсутствие заинтересованности в исходе дела. Арбитражные заседатели привлекаются к участию в рассмотрении дела, если: есть ходатайство одной из сторон, поданное не позднее чем за 1 месяц до разбирательства, дело подсудно арбитражному суду субъекта РФ, необходимо использовать специальные знания.

Верховный Суд РФ в обзоре судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2019 году указывает, что «институт арбитражных заседателей в последние годы фактически перестал работать. Согласно статистической отчетности в 2019 году дела с участием арбитражных заседателей, как и в 2018 году, – не рассматривались, также их число оставалось на минимальном уровне и в предыдущие годы (в 2017 и 2016 годах по 2 дела, в 2015 году – 4 дела)». Это свидетельствует о наличии комплекса проблем, препятствующих отправлению правосудия силами коллегии из судьи и двух арбитражных заседателей.

Любая совокупность элементов, имеющих общие признаки, должна быть отнесена к группе в соответствии с конкретным основанием научной классификации. На наш взгляд, проблемы участия арбитражных заседате-

лей в рассмотрении дел можно разделить на проблемы привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела и проблемы рассмотрения арбитражными заседателями соответствующих дел. Проблемы привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела, в свою очередь, можно подразделить на правовые и организационно-технические проблемы.

Правовые проблемы привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела. Первая проблема заключается в том, что институт редко применяется на практике, потому что рассмотрение дела с участием арбитражных заседателей – право суда, а не обязанность. Данная позиция не раз указывалась в актах арбитражных судов. Так, например, Высший Арбитражный Суд РФ в Определении ВАС РФ от 22.09.2010 № ВАС-10086/10 по делу № А40-73968/05-39-632 отметил, что в соответствии со ст. 19 АПК РФ удовлетворение ходатайства о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей является правом, а не обязанностью суда. Наличие у суда дискреционных полномочий на удовлетворение такого ходатайства позволяет судьям не привлекать к рассмотрению дела «сторонних лиц» и использовать судебное усмотрение при отправлении правосудия. Это может свидетельствовать, в том числе, о нежелании судей арбитражных судов рассматривать дела с участием арбитражных заседателей, что может быть обусловлено организационными, психологическими, профессиональными и другими обстоятельствами. Кроме того, в случае вынесения определения об отклонении рассматриваемого ходатайства это определение не подлежит обжалованию (п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 10.11.2011 № 70 «О некоторых вопросах, связанных с участием арбитражных заседателей в осуществлении правосудия»). На наш взгляд, решение анализируемой проблемы должно осуществляться путем указания в законе на возможность обжалования определения арбитражного суда об отказе в удовлетворении ходатайства о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей.

Следующая проблема заключается в том, что согласно ч. 1 ст. 19 АПК РФ одним из условий привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела является его особая сложность. В то же время ни закон, ни разъяснения высших судов не содержат четких критериев, по которым можно определить, относится ли дело к категории сложных. Д.Е. Зайков также отмечает, что даже арбитражные суды при рассмотрении конкретных дел не сформировали позицию о том, как необходимо понимать категорию «особая сложность» [3, с. 55-57]. В соответствии с ч. 2 ст. 19 АПК РФ заявитель должен в ходатайстве указать обстоятельства, подтверждающие особую сложность дела. При этом суд, рассматривая данное ходатайство, выносит определение о его удовлетворении либо об отказе в его удовлетворении на основе собственного убеждения (судебное усмотрение). Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Определениях КС РФ от 23.04.2020 № 924-О, от 23.10.2014 № 2460-О, от 29.09.2016 № 2130-О при-

менительно к определению особой сложности дела указывает, что «предоставление судам полномочий по разрешению указанных вопросов, в том числе по оценке доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, что вместе с тем не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом».

Еще одна правовая проблема привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела состоит в том, что стороны, осознавая незначительность спора, заявляют соответствующее ходатайство о привлечении арбитражных заседателей с целью затянуть процесс [2, с. 116-127]. Так, Н.А. Мазанько, проанализировав судебную практику, приходит к выводу, что возможны случаи затягивания процесса при неявке арбитражных заседателей в суд [4, с. 9-10]. На наш взгляд, не исключены случаи затягивания процесса, когда сторона спора заведомо знает, что количество утвержденных арбитражных заседателей в конкретном арбитражном суде субъекта низко и что их явка в судебное заседание маловероятна.

В целях унификации правоприменительной практики и стандартизации отправления правосудия по арбитражным делам, Пленуму ВС РФ следует разъяснить в своем постановлении критерии, по которым можно определить особую сложность дела.

Организационно-технические проблемы привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела. Согласно ч. 1 ст. 17 АПК РФ, ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» коллегиальное рассмотрение дела осуществляется, в том числе, путем привлечения арбитражных заседателей в количестве не менее двух человек на одного судью, при этом в арбитражном суде субъекта численность арбитражных заседателей должна быть в два раза больше численности состава судейского корпуса. Л.А. Прокудина, исследовав численность арбитражных заседателей в различных арбитражных судах субъектов РФ, пришла к выводу о том, что «ни в одном арбитражном суде это требование закона не выполнено» [5, с. 67]. На наш взгляд, корень вышеописанной проблемы кроется в повышенных квалификационных требованиях, предъявляемых к арбитражным заседателям. Безусловно, для рассмотрения споров в сфере предпринимательской деятельности необходимо привлекать профессионалов, способных существенно помочь судье в разъяснении наиболее сложных финансовых, экономических и других вопросов. Однако найти специалистов столь узкого профиля непросто. Представляется, что проблема малочисленности корпуса арбитражных заседателей должна решаться путем комплексного реформирования данного института. Вместе с тем в качестве эксперимента

можно было бы попробовать «смягчить» квалификационные требования, предъявляемые к арбитражным заседателям, например, в части возраста или стажа, а по результатам этого эксперимента дать оценку динамике роста численности арбитражных заседателей.

Проблемы привлечения арбитражных заседателей к рассмотрению дела, описанные выше, объективны, и было бы неправильным упускать из виду целый комплекс субъективных факторов, под влиянием которых участники арбитражного процесса принимают те или иные решения. Среди таких факторов: низкая активность сторон в использовании права на отправление правосудия с участием арбитражных заседателей, профессиональная деформация, правовой нигилизм и т.д. [3, с. 57].

Проблемы рассмотрения дел арбитражными заседателями. Согласно ч. 5 ст. 19 АПК РФ при рассмотрении дела арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи. Однако положения закона не содержат обязательных требований наличия у арбитражного заседателя высшего юридического образования. Возникает логичный вопрос: каким образом арбитражные заседатели могут оценивать спор с точки зрения права? Примечательно, что в уголовном процессе присяжные заседатели судят о фактах, а не о праве. Кроме того, в случае несогласия арбитражного заседателя с решением по делу непонятно, каким образом он будет излагать свое особое мнение, не обладая квалификацией юриста. Предполагается, что рассмотрение исковых требований коллегией с участием арбитражных заседателей должно производиться путем согласования позиций по наиболее сложным вопросам в экономической, финансовой и других сферах, а судья оценивает имеющиеся по делу обстоятельства с точки зрения права. Отсюда возникает вторая проблема: принятие решений коллегией производится путем голосования (большинством голосов). Получается, 2 «непрофессиональных судьи» могут большинством голосов «задавить» голос судьи-профессионала.

Анализ практики рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей свидетельствует о не востребованности данного института. Очевидно, что такое положение дел не удовлетворяет потребностям отправления правосудия. Устранение возникших проблем возможно путем проведения реформы арбитражного процессуального законодательства: либо ликвидировать анализируемый институт, либо преобразовать путем проведения правовой пропаганды среди предпринимателей о его эффективности.

Ключевые слова: арбитражные заседатели, правосудие, коллегия, судебная практика, квалификация

Key words: arbitration assessors, justice, collegium, arbitrage practice, qualification

Литература

1. Гаврилова А.В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 106-119.
2. Добровольский В.И. Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации/ В.И. Добровольский. – М.: «Волтерс Клувер», 2010. – 296 с.
3. Зайков Д.Е. Институт арбитражных заседателей: современное состояние и перспективы// Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 55-57.
4. Мазанько Н.А. Институт арбитражных заседателей и последние изменения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации// Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 12. – С. 8-11.
5. Прокудина Л.А. Институт арбитражных заседателей – нереализованные возможности бизнес-сообщества // Предпринимательское право. – 2016. – № 2. – С. 61-69.

Стрельцов Вадим Вадимович,
Кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
КрУ МВД России
Streltsov Vadim Vadimovich,
the lecturer of department of civil law
and process of the Krasnodar university
Ministry of Internal Affairs of Russia

ОГРАНИЧЕНИЕ ОБОРОТА ВЕЩЕЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

RESTRICTION OF THE CIRCULATION OF THINGS: SOCIOCULTURAL ASPECT

Аннотация: настоящая статья посвящена актуальным проблемам при возникновении вопросов ограничения оборота вещей. Рассматриваются вопросы применения гражданского законодательства к правоотношениям, связанным с регулированием государством оборотоспособности отдельных категорий вещей. Анализируются особенности содержания данного вопроса, существенные условия соглашений при заключении сделок с вещами, ограниченными в обороте.

Формулируются предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования заключения подобных договоров, в частности, предлагается принятие новой нормы в Гражданский Кодекс Российской Федерации, посвященной данной категории договоров.

Annotation: This article is devoted to topical issues when questions arise about limiting the circulation of things. The article deals with the application of civil legislation to legal relations associated with the state regulation of the turnover of certain categories of things. Analyzes the features of the content of this issue, the essential terms of agreements when concluding transactions with things that are limited in circulation.

Proposals are being formulated aimed at improving the legal regulation of the conclusion of such contracts, in particular, it is proposed to adopt a new norm in the Civil Code of the Russian Federation, dedicated to this category of contracts.

Россия, начиная с создания государственности издает соответствующие законодательные акты, регламентирующие перемещение материальных средств в социуме; традиционно разделяя имущество или точнее сказать вещи на обращающиеся свободно, изъятые и ограниченные в обороте, указанная дефиниция всем хорошо знакома. Авторы – цивилисты не ставят под сомнение указанную классификацию: комментарий уместается в паре абзацев, кратко поясняющих ст. 129 ГК РФ. При этом обычно справедливо сказать, что оборотом признаются «сделки и иные действия, направленные на возмездную и безвозмездную передачу имущества и иных объектов в рамках возникающих между их участниками гражданских правоотношений».[1] Указанная мысль подтверждает справедливость указанной выше классификации. В понимании социокультурного аспекта при ограничении оборота вещей имеется реальная возможность изменить владельца вещи лишь при соблюдении необходимых условий, а вещи, которые полностью изъяты из гражданского оборота, лишены такой возможности. Выяснить какие вещи относятся к указанной категории – цель этого исследования.

В настоящее время в гражданском законодательстве, в том числе если его рассматривать в социокультурном понимании имеется общая аксиома в едином представлении о собственности и праве собственности как гражданско-правовых явлениях отсутствует. Причиной данного обстоятельства, по нашему мнению, выступают многоаспектный характер данных гражданско-правовых институтов, их постоянное динамическое развитие, система разнообразных исторических, экономических и юридических подходов к их исследованию, разные идеологические, политические взгляды правоведов на сущность правоотношений, складывающихся по поводу собственности.

Мы полагаем, что собственность и право собственности соотносятся между собой как содержание и форма одного правового явления. Так, мы солидарны с С.С. Алексеевым, который утверждает, что собственность, в сущности, и есть право собственности, поскольку без такого права она теряет фундамент своего существования [3, с. 55].

Е.А. Суханов пишет о том, что объективное право собственности следует рассматривать в качестве юридического института многоотраслевого характера, в котором самое главное место отведено нормам гражданского законодательства [5, с. 305].

К.И. Скловский высказывает опасения относительно ограничительной трактовки права собственности как абсолютном, безусловном владении или можно сказать – власти над имуществом, не видит потребности приводить полную дефиницию права собственности. Он считает, что право собственности необходимо определять посредством обращения к отличительным чертам абсолютного вещного права: 1) исключительность; 2) полнота; 3) ограниченный нормами законодательства список прав вещного характера; 4) бессрочный характер [4, с. 210].

Действительно, некоторые юристы, преследуя цель определить право собственности, просто перечисляют отдельные признаки права собственности, не упоминая при этом другие особенности, которые также имеют существенное значение для понимания данного гражданско-правового института. Тем самым происходит необоснованное сужение рассматриваемого гражданско-правового явления.

В случае, когда имеющаяся вещь, в отношении которой нет ограничений, связанных с изъятием ее из оборота, либо ограничения ее в обороте имеется реальная возможность передавать ее от лица к лицу, соблюдая договорные обязательства, опираясь на социокультурную составляющую гражданско-правовой сделки – это важная цель моего исследования. Совершенно точно, что в данном контексте мы пытаемся выяснить правовой режим оборота вещей, не обремененных ограничениями.

Говоря другими словами, можно выразиться, что обремененные вещи, то есть те, в отношении которых имеется ограничение или полный запрет на оборот, не могут быть предметом действий, последствия которых приведут к их отчуждению, однако не будем забывать, что в их отношении действует универсальное правопреемство, а также иные, не запрещенные законом способы передачи.

Пункт 2 ст. 129 ГК РФ устанавливает, что вещь может быть изъята из оборота лишь в силу закона, а ограничена любым актом, принятым в порядке, предусмотренном законом.

То обстоятельство, что для перемещения вещи необходимо было разобрать её на строительные конструкции (что влекло физическую гибель вещи), не давало основание для признания прочной связи с землей, поскольку сами эти конструкции сохраняли свои свойства и назначение, и из них соответствующий объект мог быть собран на новом месте, не утрачивая свою ценность. Ущерб назначению вещи вследствие ее разборки и последующий сборки на новом месте в данном случае либо вовсе отсутствовал, либо не являлся существенным.

В квалификации таких вещей, не имеющих прочной связи с землей, возможно деление на 1) мобильные – объекты, которые размещаются на земельному участку и в силу легкости перемещения и разрыва физической связи с земельным участком сохраняют статус вещей (например, строительный вагончик, торговая палатка) и 2) строительные комплекты – объ-

екты, которые собираются на земельном участке и после монтажа становятся составной частью такого участка (например, бревенчатый дом); в силу сборно-разборной технологии строительства такие объекты могут быть разобраны, в результате такой разборки и утраты связи с земельным участком вновь появляется движимая вещь – строительный комплект дома.

В приведенной классификации движимых вещей интерес представляют строительные комплекты, которые после того, как собраны на земельном участке, очень часто воспринимаются как недвижимая вещь несмотря на возможность разборки и последующей сборки комплекта на новом месте без причинения ущерба назначению объекта.

Почему так получается, что установленный законом режим движимой вещи отторгается участниками оборота, основывающими свое отношение к объекту не на юридической формуле закона, а на собственном восприятии, и ставится знак равенства между категориями «недвижимая вещь» и «физически неперебрасываемая вещь».

Обратимся теперь к предметам, оборот которых не запрещен, но ограничен. Стать их хозяином можно при соблюдении ряда условий. Выявить суть таких условий и их влияние на переход собственности – наша ближайшая задача.

Ограниченные в обращении вещи могут состоять в собственности лишь определенных лиц или находиться в обороте по специальному разрешению. Круг таких вещей устанавливается в порядке, установленном законом (ч. 2 п. 2 ст. 129 ГК РФ). Последнее правило следует толковать расширительно — нет препятствий к тому, чтобы закон указывал на такие вещи непосредственно, не отсылая к подзаконным актам.

В настоящее время в нормах гражданского законодательства и правовой доктрине единое представление о собственности и праве собственности как гражданско-правовых явлениях отсутствует. Причинами данного обстоятельства, по нашему мнению, выступают многоаспектный характер данных гражданско-правовых институтов, их постоянное динамическое развитие, система разнообразных исторических, экономических и юридических подходов к их исследованию, разные идеологические, политические взгляды правоведов на сущность правоотношений, складывающихся по поводу собственности.

Собственник обладает правом реализовать передачу наличествующего у него правомочия пользования иным участникам хозяйственного оборота посредством заключения определенной гражданско-правовой сделки (к примеру, по договору аренды, найма и др.), сохраняя при этом юридический статус собственника имущества, которое используется посторонним лицом. При этом условиями сделки может быть предусмотрено, что за пользование своим имуществом иными лицами он может получать материально-денежное вознаграждение от своего контрагента. На эту особенность регулярно обращают внимание судебные органы [2]. В сумме

правомочия владения, пользования и распоряжения исчерпывают все возможности, которыми наделен собственник конкретного имущества, а доктринальные попытки причислить к ним другие полномочия (к примеру, управление) не имеют никаких перспектив. Так, при более глубоком анализе данные правомочия видятся не независимыми возможностями, которыми обладает собственности, а только лишь средствами осуществления уже наличествующих к нему правомочий, то есть формами реализации субъективного права собственности.

Подведем итоги. Хотя понятие «оборот» в настоящее время спорно, и закон, и доктрина включают в него отчуждение вещей в собственность другого лица. К изъятым из оборота следует относить публичные, запрещенные и опасные вещи. Переход права собственности на них невозможен. Ограничения оборота не сводятся к перечисленным в ч. 2 п. 2 ст. 129 ГК РФ, а потому данная статья нуждается в изменении, расширяющем ее смысл. При нарушении установленных законом ограничений сделка, как правило, является ничтожной, реже — оспоримой (в частности, при торговле товарами без лицензии).

Ключевые слова: вещи, ограниченный оборот, сделки, правоспособность, ущерб, государственное регулирование, компенсация.

Keywords: things, limited turnover, transactions, legal capacity, damage, government regulation, compensation.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.04.2020) // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.02.2020 по делу № 33-1727/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2020).
3. Бухонова Л.Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 55.
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2016. С. 205-215.
5. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 305.

Стрельцов Вадим Вадимович,
Кандидат социологических наук, преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
КрУ МВД России
Streltsov Vadim Vadimovich,
the lecturer of department of civil law and process of
the Krasnodar university Ministry of Internal
Affairs of Russia;
Мокова Аза Азаматовна,
курсант 2-го курса факультета
по подготовке сотрудников для подразделений
полиции Краснодарского университета
МВД России
Mokova Aza Azamatovna,
2nd year student of the faculty
for the training of police officers
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТОДОВ
НЕИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ ПРИ
ЗАКЛЮЧЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ ПОЗНАНИЯ**

**THE HISTORY OF THE FORMATION OF METHODS OF
NON-INSTRUMENTAL LIE DETECTION WHEN
CONCLUDING CIVIL LAW CONTRACTS
IN THE SOCIO-CULTURAL ASPECT OF COGNITION**

Аннотация: в большом количестве литературы, авторы проявляют интерес к проблеме понимания сущности лжи, и ее мотивов. Можно предположить, что обществом, под ложью принято понимать инструмент воздействия, имеющий по своей сути негативный оттенок и вызывающий у человека гамму отрицательных эмоции, особенно при заключении гражданско-правовых договоров. В качестве примера знаменитый классик Федор Достоевский говорил, что: «Лгут только одни негодяи», а А.П. Чехов проводил сравнение в своих высказываниях об обмане: «Ложь – тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая». Но в обиходе можно услышать и другие интерпритации лжи, где утверждается, что существует благородная ложь или ложь во спасение, когда ложь, в случае её раскрытия принесёт оппоненту какой-либо вред, однако в то же время несет за собой выгоду. Вопрос нравственности в данном контексте остается без ответа и имеется большое количество подобных несовпадений во мнениях, порождающих потребность в изучении лжи и ее мотивов как психологического феномена.

Resume: in a large number of literature, the authors show interest in the problem of understanding the essence of lies, and its motives. It can be assumed that society, under a lie, is usually understood as an instrument of influence, which in its essence has a negative connotation and causes a gamut of negative emotions in a person, especially when concluding civil law contracts. As an example, the famous classic Fyodor Dostoevsky said that: "Only scoundrels lie", and A.P. Chekhov made a comparison in his statements about deception: "Lying is the same alcoholism. Liars lie and die. " But in everyday life, you can hear other interpretations of a lie, where it is argued that there is a noble lie or a lie for salvation, when a lie, if revealed, will bring any harm to the opponent, but at the same time bring benefits. The question of morality in this context remains unanswered, and there is a large number of such discrepancies in opinions, giving rise to the need to study lies and its motives as a psychological phenomenon.

Человечество всегда интересовал вопрос взаимодействия между душой и телом, что свидетельствует из древнейших источников китайской и индийской философии, а также трудов философов древней Греции и Рима. О чем 5000 лет назад Гермес Трисмегист писал: «Что внутри, то и снаружи, что снаружи, то и внутри». В это время возникает интерес к человеческому внутреннему миру, опираясь на видимые эмоциональные состояния, особенно при совершении сделок, различного характера. Как говорил Гераклит Эфесский: «Нравственность человека – это его судьба, с которой он рождается, а проявление нрава выражается не только в словах и поступках, но и во внешности».

Более двадцати пяти столетий различными учеными проявляется интерес к изучению темпераментов человека. В повседневной жизни люди замечают, что одни из нас подвижные, настойчивые, веселые, а другие неторопливые, медлительные, застенчивые, что человеку свойственно индивидуальное поведение в различных ситуациях и каждый реагирует на них по-разному. Но за этим большим разнообразием поступков и поведенческих реакций имеются некоторые общие схемы или типы поведения. Именно здесь, в этих особенностях проявляется темперамент.

Многие исследователи стремились более точно квалифицировать внешнее поведение человека, дать более точное определение типов темперамента по признакам их обладателей. В исторических учениях о внутреннем мире человека, появляются основные теории, которые имели название: космологические и гуморальные. В космологической теории ярким примером является астрологическая классификация, в которую входят зодиакальные и планетарные типы. В свою очередь к гуморальной теории состоит из учений о темпераментах, относящаяся к V в. до н. э., в которой древнегреческий врач Гиппократ в своей работе: «Трактат о природе человека» выдвинул идею, что жизнедеятельность и здоровье человека зависят от 4-х основных «жизненных соков» организма: крови, к которой относится сангвинический темперамент; красно-желтой желчи – холерический; мокроты или флегмы, соответственно флегматический и черной желчи – меланхолический темперамент. Древнеримский врач Гален, сформулиро-

вал гуморальную теорию различных темпераментов, в которой различное соотношение этих жидкостей влияет не только на здоровье людей, но и определяет их психическое состояние и поведение. Он был основоположником первой классификации видов темперамента. В соответствии с его теорией, в зависимости от преобладания у человека в организме той или иной жидкости люди отличаются между собой силой, темпом, ритмом движений, выразительностью чувств. С тех пор и настоящее время приняты названия четырех типов темперамента: холерический, сангвинистический, флегматический и меланхолический.

Швейцарский психолог и психиатр, Карл – Густав Юнг, в 1923 году предложил классифицировать типологии личности разделяя людей на экстравертов и интровертов. По мнению автора экстравертированный тип характеризуется большей обращенностью личности на окружающий мир. Этому типу свойственны импульсивность, инициативность, гибкость поведения, общительность. Для интровертированного типа, на оборот характерна ориентированность на собственный внутренний мир, рефлексивность, на внутренние ценности. Он более замкнут, склонен к самоанализу, испытывает затруднения в адаптации к новым условиям жизни и реадаптация занимает длительный период.

Большой вклад в развитие теорий личностной российской психологии внесли такие известные ученые как В.М. Бехтерев, П.Ф. Лесгафт, П.К. Анохин, И.М. Сеченов и другие.

Наибольшее распространение получила типологическая модель личности, разработанная И.П. Павловым. Согласно его учению, от индивидуальных различий в деятельности нервной системы зависят динамика протекания психической деятельности и особенности поведения личности. А такие проявления и соотношения свойств двух основных нервных процессов как возбуждение и торможения являются основой индивидуальных различий в нервной деятельности. Также им было определено, что процессы возбуждения и торможения имеют три свойства: сила, подвижность, уравновешенность. Из числа возможных сочетаний этих свойств И.П. Павлов выделил следующие типы высшей нервной деятельности человека, проявление которых в поведении имеет на его взгляд прямую зависимость с античной классификацией темперамента. Сильный, подвижный, уравновешенный тип высшей нервной деятельности, по мнению автора, соответствует темпераменту сангвиника; сильный, инертный, уравновешенный – флегматик; сильный, неуравновешенный – холерик; слабый тип высшей нервной деятельности – темпераменту меланхолика.

Нервная система первого типа – сангвиник. К данному типу относится человек с оптимально сбалансированным волевыми и коммуникативными свойствами, легко и быстро приспосабливающийся к изменяющимся условиям жизни. Он подвижен, общителен, легко устанавливает социальные контакты, сходится с новыми людьми, имеет широкий круг знакомств,

при этом не отличается постоянством в общении и довольно часто меняет привязанности. Имеет громкую, быструю, отчетливую речь, которая сопровождается выразительной мимикой и жестикуляцией. Легко увлекается новым и быстро отвлекается от того, что стало привычным. Он продуктивный деятель, но лишь тогда, когда у него много интересных дел, в противном случае он становится вялым и скучным. Настроение сангвника может быстро изменяться, но, как правило находится в приподнятом, хорошем настроении.

Ко второму типу нервной системы относится холерик – для людей данного типа темперамента характерны такие качества как: быстрый, чрезмерно подвижный, возбудимый, неуравновешенный, все мыслительные и психические процессы протекают у него очень быстро, интенсивно. Также свойственно преобладание возбуждения над торможением. Он несдержан, порывист, вспыльчив. Мимика выразительная, речь быстрая, торопливая, жесты несдержанные, резкие. Чувства у холерического типа темперамента сильные, ярко проявляются, быстро возникают и также быстро угасают. Настроению тоже свойственны быстрые изменения. Людям с холерическим типом темперамента не приемлема однообразная, монотонная деятельность. Может легко устанавливать новые социальные контакты, круг общения большой. При общении с окружающими может быть резок, раздражителен, нетерпелив и излишне прямолинеен.

Человек с третьим типом нервной системы – флегматик – здесь преобладает высокий уровень работоспособности, внутренняя стабильность, непоколебимость, но для него не приемлема деятельность требующая быстрого изменения поведения, для него важно, чтобы все в жизни было упорядочено и стабильно. Данный тип «тяжел на подъем» и не способен отказаться от выработанных навыков, в поведении присутствуют стереотипы. Все психические процессы у флегматика протекают как бы замедленно.

Скорость реакции медленная, сам по себе внешне спокоен, важна референтная группа, не склонный к перемене своего окружения. Чувства флегматика не выразительны, выражены слабо.

Для четвертого типа темперамента (меланхолический), характерно излишняя эмоциональная реакция на трудности, быстрое падение работоспособности, потребность в более длительном отдыхе, ориентированность на лидера референтной группы. Такие люди не умеют переносить длительные напряжения, пугливы, обычно легко проявляют свои эмоциональные проявления. В работе меланхолики обычно занимают пассивную позицию, проявляя низкую заинтересованность, не инициативны. Чувства и эмоции такого типа темперамента возникают медленно, но отличаются большой глубиной, силой и длительностью. Они легко уязвимы, обидчивы, хотя внешне все эти переживания выражаются слабо. Имеют склонность к замкнутости и одиночеству, избегают общения с новыми людьми, проявляют

зависимое поведение относительно лидера референтной группы, часто смущаются, пугаются в новой обстановке.¹

Следует отметить, что проблема эффективной социальной коммуникации в современном обществе занимает особое место. Это обусловлено, в первую очередь потребностью общества и его институтов, а также конкретного человека в обеспечении между ними связей по обмену информацией и взаимодействия, которые позволяют им развиваться и функционировать как целостной социальной системе. Социальная коммуникация, в наше время, наряду с достижением качественного нового уровня своего развития имеет существенные противоречия требующие решения. Одной из проблем, определяющих характер и уровень проявления противоречий, является недостаточное знание внутренних коммуникативных феноменов, которые снижают эффективность социальных коммуникаций или феномен лжи. Для российской науки психология распознавания и понимания лжи, а также невербальное определение скрываемой информации, которая на протяжении долгих лет разрабатывалась в западной психологии, является относительно новой и слабо изученной областью исследований. Большой вклад в исследование теоретических аспектов психологии лжи внес Пол Экман. В его литературе излагаются достаточно много информации о мотивах лжи и ее причинах.

Объективное восприятие, невербальных проявлений личности, свидетельствующих о наличии у него тех или иных эмоциональных проявлений, а также внешний облик человека играет огромную роль не только в межличностном общении, но и в кадровом менеджменте.

Именно поэтому психологу, полиграфологу и многим другим специалистам, работающим в сфере обеспечения безопасности, необходимо знать о существующих психологических закономерностях в области современной визуальной психодиагностики, которая включает в себя результаты исследований дифференциальной и генетической психологии, медицины и антропологии. Являясь отраслью психологии, визуальная психодиагностика имеет прикладной характер, она разрабатывает методы изучения и познания людей в целях рационального подбора персонала, расстановки и эффективного его использования, распознавания противоправных намерений личности по ее индивидуально-типологическим особенностям путем непосредственного визуального восприятия. Для этого далее мы остановимся на рассмотрении внешних признаков в поведении человека, которые могут свидетельствовать о намерении скрыть существенную информацию.

Ключевые слова: история метод детекция гражданско-правовой договор, в социокультурном аспекте познания не инструментальный лож.

¹ Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г. Справочник практического психолога. – Спб.: Сова, М.: ЭКСМО, 2003.

Key words: history, method of detection, civil contract, in the sociocultural aspect of cognition, it is not an instrumental lodge.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.04.2020) // СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».
3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».
4. Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г. Справочник практического психолога. – СПб.: Сова, М.: ЭКСМО, 2003.

Чернов Евгений Александрович,
подполковник полиции,
Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина
Chernov Evgeny Alexandrovich,
police lieutenant colonel,
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН

TO THE QUESTION ABOUT THE LIMITS OF THE CAPACITY OF CITIZENS

Аннотация: в настоящей статье рассматривается институт дееспособности граждан в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, анализируются возрастные критерии, условия и основания его ограничения, а также процедура и правовые последствия применения положений норм ограничения дееспособности.

Resume: The article examines the article on the legal capacity of citizens in accordance with the Civil Code of the Russian Federation, analyzes the age criteria, conditions and grounds for its restriction, as well as the procedures and legal consequences of applying the provisions of the norms of restricting legal capacity.

Способность физического и юридического лица своими осознанными действиями приобретать определённые права и осуществлять конкретные обязанности принято называть дееспособностью. Данное понятие включает в себя возможность лица быть полноправным участником правоотношений, иметь соответствующие полномочия и нести установленную

ответственность за свои действия. Именно поэтому дееспособностью наделены не все категории граждан. С юридическим лицом дело обстоит просто, его полная дееспособность возникает вместе с правоспособностью, то есть с момента фактической регистрации – внесения в единый государственный реестр юридических лиц необходимых сведений об организации, предприятии, фирме и др. Однако дееспособность физических лиц, в отличие от юридических, имеет более сложный характер приобретения, пользования и ограничения. В Российском законодательстве выделяют следующие уровни гражданской дееспособности:

1) Полная недееспособность – до 6 лет (в соответствии со ст. 28 ГК РФ) [1]. Принято считать, что в данном возрасте ребенок не может отдавать себе отчет в совершаемых поступках, осознавать их, а следовательно, и вступать в какие-либо гражданские правоотношения. Кроме того, недееспособным по решению суда с установлением над ним опеки может быть признан гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими.

2) Частичная дееспособность – от 6 до 14 лет, при эмансипации от 14 до 18 лет. За малолетних сделки (кроме мелких бытовых и некоторых других, которые они вправе самостоятельно совершать с 6 летнего возраста) от их имени могут осуществлять (при соблюдении предусмотренных законом условий) только их родители, усыновители или опекуны. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки по общему правилу, с предварительного письменного согласия своих законных представителей. Вместе с тем, в этом возрасте подростки вправе самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией, иными доходами; осуществлять права автора охраняемого законом результата интеллектуальной деятельности; вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими; совершать мелкие бытовые и иные сделки, в частности сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, и сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

3) Ограниченная дееспособность. В соответствии со ст. 22 ГК РФ никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом [1]. Несоблюдение этих условий и нарушение порядка ограничения дееспособности граждан или их права заниматься предпринимательской либо иной деятельностью влечет недействительность акта государственного или иного органа, установившего подобное ограничение. Более того, по общему правилу являются ничтожными полный или частичный добровольный отказ гражданина от своей дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение его дееспособности.

4) Полная дееспособность – от 16 (при эмансипации) или 18 лет. Конституция Российской Федерации в ст. 60 предусматривает наделение

каждого гражданина полным объемом прав и обязанностей при достижении совершеннолетия либо при достижении шестнадцатилетнего возраста при условии, что ребенок работает по трудовому договору или же занимается предпринимательской деятельностью. Принято считать, что по достижении совершеннолетнего возраста гражданин способен полностью отдавать себе отчет о совершаемых действиях, осознавать свои права и обязанности, нести моральную и материальную ответственность.

Как можно заметить, наиболее интересной и сложной разновидностью дееспособности физических лиц является ограниченная дееспособность, имеющая отношение в основном к лицам, уже достигшим полной дееспособности, а также представляющая собой достаточно важное теоретическое и практическое значение для существующих правоотношений и гражданского права в целом.

Необходимо констатировать, что любые основания ограничения гражданской дееспособности обусловлены невозможностью такого гражданина адекватно оценивать свои действия. Общество не одобряет и не поддерживает избранные подобным лицом способы осуществления своих имущественных прав. С точки зрения правовых последствий злоупотребление правом со стороны таких граждан нарушает права и законные интересы других лиц, например, членов семьи, и в итоге подрывает стабильность гражданских отношений, затрагивая интересы всего общества.

Гражданский Кодекс РФ в ст. 30 предусматривает ряд оснований, по которым конкретное физическое лицо может быть ограничено в своих правах, рассмотрим их подробнее.

Первое основание: «Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством» [1].

Под злоупотреблением спиртными напитками и наркотическими веществами, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 2015 года [2], принято понимать такое злоупотребление, которое дает основание для ограничения дееспособности гражданина, а также находится в противоречии с интересами его семьи и влечет расходы, ставящие семью в тяжелое материальное положение. Причем, немаловажным обстоятельством является то, что ограничение дееспособности не ставится в зависимость от признания лица хроническим алкоголиком или наркоманом [5, С. 138].

Пристрастие к азартным играм – на основании вышеупомянутого Постановления Пленума ВС РФ – психологическая зависимость труднопреодолимое влечение к игре, которое также характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия лица, которые проявляются в патологическом влечении к азартным играм, потере игрового контроля, а также в продолжительном участии в азартных играх вопре-

ки наступлению неблагоприятных последствий для материального благосостояния членов его семьи.

Признать лицо ограниченно дееспособным по причине влечения к азартным играм, алкогольным напиткам или наркотическим веществам может только суд, причем, наличие у других членов семьи самостоятельного заработка или иного дохода, если установлено, что по закону данное лицо должно содержать членов своей семьи, не является основанием для отказа в удовлетворении иска.

Лицо, ограниченное в дееспособности по указанному первому основанию, подвергается установлению над ним попечительства и может совершать только мелкие бытовые сделки. Ограничение также выражается в запрете продавать, покупать, дарить, завещать, обменивать имущество. Вступление в такие или иные правоотношения возможно только с согласия попечителя. Однако, законодатель оговаривает тот факт, что ограниченное в дееспособности лицо по причине злоупотребления наркотическими или алкогольными веществами или пристрастия к азартным играм самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным сделкам и причиненных вред. Попечитель, в свою очередь, имеет полный доступ к доходам подопечного: получает и расходует заработок, пенсию и др. Все необходимые товары, услуги, иные процессы, связанные с расходованием сумм ограниченного в дееспособности лица, осуществляет попечитель. Если же гражданин желает самостоятельно приобрести какой-либо товар, ему необходимо обратиться к попечителю, получить от него согласие и необходимую денежную сумму, а после совершения сделки предоставить соответствующий чек или квитанцию.

Особое внимание стоит обратить на тот факт, что конкретная сумма мелкой бытовой сделки в законе не оговаривается. В связи с чем происходит непонимание, для одних «мелкая сделка» – одна сумма, для вторых – другая, а иные и вовсе руководствуются положениями статей 159 и 161 ГК РФ, где указана, что «...сумма не должна превышать 10 000 рублей...»[1]. Обращение к судебной практике позволяет немного разъяснить ситуацию. Так, например, оплата коммунальных услуг не относится к мелким бытовым сделкам [3], а приобретение технически сложного товара при условиях соблюдения требований к качеству товара может быть признано действительной сделкой [6, С. 207]. Данный пробел в законодательстве уже не один год вызывает большое количество споров между юристами и правоведами по поводу пределов ограничения дееспособности граждан, в связи с чем считаем необходимым урегулировать этот вопрос одним из возможных способов:

- прописать в законе конкретную сумму, отграничивающую мелкую бытовую сделку от иных, ей подобных;
- наделить суд полномочиями по определению конкретной суммы для каждого лица, более которой он не сможет тратить самостоятельно;
- установить четкие категории товаров и услуг, которые смогут приобретать ограниченно дееспособные граждане без уведомления попечителя.

Второе основание: «Гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством» [4].

Наличие у лица психического расстройства может иметь различные формы и выражаться в разнообразных действиях, поступках, решениях, не поддающихся его контролю и пониманию. Поэтому законодатель ограничил данную категорию граждан в обладании полной дееспособностью и полноценном участии определенных категорий правоотношений от своего имени. Психическая способность человека адекватно оценивать окружающую обстановку и самого себя подразделяется на 4 уровня, исходя из которых определяется степень расстройства, это: незначительные, умеренные, выраженные и значительно выраженные нарушения. Причем, если гражданин совсем не может понимать значение своих действий или руководить ими, то суд вправе признать его недееспособным.

Ограниченный в дееспособности по такому основанию, в отличие от первого случая, может самостоятельно распоряжаться своими доходами (пенсией, алиментами, пособиями), а также совершать мелкие бытовые сделки по своему усмотрению без одобрения попечителем. Однако, для внесения вкладов, распоряжения средствами на них, осуществления авторского права в отношении любой интеллектуальной деятельности необходимо письменное согласие попечителя. Причем, имущественная ответственность за совершенные сделки полностью лежит на ограниченном в дееспособности лице. Признать гражданина ограниченно дееспособным по причине психического расстройства может только суд, также как и отменить это решение. Вопрос о пределах ограничения дееспособности лица по причине наличия психического расстройства имеет более широкую трактовку в законодательстве, за исключением неопределённости в сумме мелкой бытовой сделки, чем ограничение дееспособности в следствие алкогольной, наркотической или игровой зависимости, поэтому споров и разногласий по этому поводу судебная практика знает меньше.

Таким образом, рассмотрев основания признания человека ограниченно дееспособным, изучив его права, обязанности и ответственность, а также обозначив спорные моменты и пробелы законодательства, можно сделать вывод, что пределы ограничения дееспособности граждан носят неконкретный характер и требуют дальнейшего правового развития рассмотренной темы.

Ключевые слова: дееспособность, ограниченная дееспособность, физическое лицо, гражданин, государственная регистрация, основания ограничения дееспособности.

Key words: legal capacity, limited legal capacity, natural person, citizen, state registration, grounds for restriction of legal capacity.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 2015.

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2016 по делу № 33-11377/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Мировой суд судебного участка № 3 г. Асбеста в решении от 19.01.2017 по делу № 2-4/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Каюмова Н.А. Дееспособность граждан в свете изменений гражданского кодекса Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С. 137-140.

6. Кулагина А.Ю. Ограничение дееспособности физического лица: проблематика правоприменения // Вестник МИЭП. 2015. № 7. С. 205-209.

Черемушкина Елена Эдемовна,
доцент кафедры гражданского права
и процесса КрУ МВД России

Cheremushkina Elena Edemovna,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure of the KrU
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОРЯДОК РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ, СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

THE ORDER OF REORGANIZATION AND LIQUIDATION OF JOINT STOCK COMPANIES, CONTROVERSIAL ISSUES OF JUDICIAL PRACTICE

Аннотация: основной целью любой коммерческой организации является получение прибыли.

Нестабильность в экономике страны, высокий уровень конкуренции, ужесточение в урегулировании закона. Все это приводит к постоянному применению изменений тактики и стратегии бизнеса. Основой для изменения экономического положения принято считать такие процедуры как реорганизация и ликвидация

Abstract: The main goal of any commercial organization is to make a profit.

Instability in the country's economy, a high level of competition, tightening in the regulation of the law. All this leads to the constant application of changes in tactics and business strategy. Such procedures as reorganization and liquidation are considered to be the basis for changing the economic situation.

На сегодняшний день акционерное общество является весьма значимым в экономике страны, так как их доля в обобщенном количестве организаций различных форм собственности бывает относительно небольшой. Тем не менее, их значение с точки зрения вклада в создание национального богатства страны очень велико. В особенности, если оно является открытым или публичным, считается наиболее сложным юридическим лицом, в плане того как оно устроено. В особенности это проявляется при процедурах реорганизации и ликвидации.

К объекту исследования относится само акционерное общество. Предметом является сам порядок реорганизации и ликвидации.

Данную работу стоит посвятить:

1. что же такое реорганизация,
2. анализу порядка реорганизации и ликвидации,
3. рассмотрению спорных судебных вопросов.

На базе действующего законодательства произведено описание общего порядка рассматриваемых процедур.

Акционерные общества выступают одними из наиболее распространенных видов коммерческих организаций, которые действуют в условиях современной экономики. С их развитием связаны основополагающие этапы становления индустриального общества.

Реорганизация акционерного общества- это такой процесс, в результате которого либо создаются новые предприятия, либо прекращают свое существование различные компании.

В соответствии с законодательством, реорганизация акционерного общества возможна при проведении форме присоединения, слияния, разделения, выделения и преобразования. Акционерное общество считается реорганизованным, за исключением случаев реорганизации в форме присоединения, с момента государственной регистрации вновь возникших юридических лиц.

При реорганизации общества с помощью присоединения с другим обществом одно из них будет реорганизовано с момента внесения органом государственной регистрации записи в единый реестр юридических лиц при прекращении присоединенного общества. Впоследствии, в течение 30 дней (с момента принятия решения о реорганизации акционерного общества) о реорганизации извещаются кредиторы, которые в данном случае имеют право требовать от корпорации прекращения или досрочного исполнения обязательств и возмещения убытков и ущерба в течение максимального периода в 60 дней, считая с даты отправки письменного уведомления.

Если разделительный баланс не позволяет квалифицировать правопреемника реорганизованной компании, вновь образованные юридические лица будут нести солидарную ответственность по обязательствам реорганизованной компании перед ее кредиторами.

Слияние представляет собой возникновение нового общества путем передачи ему всех прав и обязанностей двух или нескольких обществ, с прекращением последних.¹

Из данного определения можно сделать вывод о том, что существует несколько видов слияния. К ним относится слияние путем поглощения и слияние путем преобразования новой компании.

При таком способе как слияние двух и более компаний могут встречаться различные цели его применения, такие как:

- расширение товарного ассортимента (видов услуг);
- желание воплотить в реальность более активную экспансию на рынок, собственно, что настоятельно рекомендует использование дополнительных ресурсов;
- ожидание, что оно приведет к увеличению котировок акций;
- увеличение узнаваемости бренда, возможность в соответствии с законом осуществлять продажу качественных, но не раскрученных товаров под известной маркой;
- уменьшение количества однотипных, создающих конкуренцию компаний, которые реализуют свою деятельность в одном экономическом месте (например, в одном городе);
- снижение финансовых и трудовых издержек;
- стремление самостоятельно осуществлять контроль над ценами и объемами предложений на рынке.

В соответствие с Гражданским Кодексом РФ, слияние компаний приводит к образованию нового юридического лица.

Под присоединением понимается прекращение одного или же нескольких юридических лиц с передачей всех их прав и обязательств другому юридическому лицу. В отношении корпораций процедура присоединения регулируется, в частности, ст. 17 Закона «Об АО».

Разделение общества – прекращение деятельности общества с передачей его прав и обязанностей вновь созданным обществам (ст. 18 Федерального закона «Об АО»). При разделении АО все его права и обязанности автоматически передаются 2 или более компаниям, вновь созданным в соответствии с разделительным балансом.

Выделение АО – это когда 1 или несколько новых предприятий, у которых появляется часть прав и обязанностей общества, которое было ре-

¹ Комментарий к Федеральному закону `Об акционерных обществах` с изменениями и дополнениями (постатейный) / М.И. Брагинский и др. - М.: Юстицинформ, 2016, с.27

организовано в соответствии с разделительным балансом. В таком случае ООО подлежит обязательной регистрации в специальном предназначенном для этого регистрирующем органе.

Преобразование – это такой процесс, в ходе которого происходит прекращение вида деятельности какого-либо юридического лица и передача всех его прав и обязанностей другому юридическому лицу. Главным отличием преобразования от других процессов реорганизации считается то, что оно может происходить исключительно на добровольной основе. Государственные органы или суд не вправе вторгаться в процесс принятия решений по преобразованию.

Процесс реорганизации АО возможно проводить с некоторыми другими процедурами с целью предотвращения появления угроз делового конфликта. Данный процесс позволяет оптимально решить проблемы продаж бизнеса, раздела налогов, а также освобождение компаний от несущественных активов.

Известно, что вопросы, связанные с реорганизацией сводятся к тому, что лица, обладающие крупным капиталом акций, проводят так называемые предварительные переговоры. Данные переговоры заключают в себе условия слияния с другими крупными акционерными обществами.

Ликвидация общества влечет за собой его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам.

Для того, чтобы данная процедура произошла должны произойти:

1. потеря экономической рентабельности компании;
2. потеря актуальности вида деятельности компании;
3. завершение процесса, для которого была создана организация.

Компания ликвидируется либо на добровольной основе, либо по решению суда.

Если на момент приема заявления о ликвидации компания не имеет обязательств перед кредиторами, то все ее активы делятся между партнерами. Целью ликвидационной комиссии является прием требований и принятие мер по выявлению кредиторов, а также письменное уведомление кредиторов о ликвидации компании.

С момента, когда оканчивается срок предоставления требований кредиторами, ликвидационная комиссия предусматривает промежуточный ликвидационный баланс, в котором содержится информация о составе активы ликвидируемого предприятия, которое проходит процедуру ликвидации, согласно требованиям кредитора, а также результатам их рассмотрения. Общее собрание акционеров в соответствии с соглашением с органом, который осуществляет государственную регистрацию ликвидируемой компании, утверждает промежуточный ликвидационный баланс¹.

¹Комментарий к Федеральному закону `Об акционерных обществах` с изменениями и дополнениями (постатейный) / М.И. Брагинский и др. - М.: Юстицинформ, 2016, с.91

В таких случаях, когда имеющихся у ликвидируемого общества валютных средств недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, ликвидационная комиссия осуществляет продажу иных активов АО с публичных торгов в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

Имущество, оставшееся у кредиторов после ликвидации ликвидируемой компании, будет распределено между акционерами ликвидационной комиссией.

Статус акционерного соглашения акционерного общества находится в зависимости от того, насколько результативно оно будет защищать интересы стороны в случае нарушения данного соглашения контрагентом. Текущий вопрос считается весьма актуальным, ведь в основной блок акционерных соглашений включаются по большей части обязательства, которые выражаются в иностранной валюте, не относящиеся согласно Стандарту к валютным монетарным активам и обязательствам, и когда происходит нарушение этих обязательств, определить размер убытков частично не представляется возможным.

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.04.2019 г. по делу А98-664/2019 отмечается, что установление в акционерном соглашении неустойки за неисполнение акционером обязательства по осуществлению письменного согласования с иными акционерами вариантов голосования по отдельным вопросам повестки дня собрания акционеров (к примеру, вопросы, которые связаны с увеличением уставного капитала, сокращения активов, дополнительной эмиссии акций) не противоречит законодательству¹.

В соответствии со ст. 32.1 Закона об акционерных обществах, акционерное соглашение может предусматривать в качестве меры гражданско-правовой ответственности денежную компенсацию. Но на данный момент в отношении этой меры отсутствуют определенные разъяснения судов и такая норма не находит подтверждения в ГК РФ.

Таким образом, реорганизация акционерного общества, значит передача всевозможных прав и обязанностей реорганизуемого акционерного общества вновь создаваемому акционерному обществу. Ликвидация акционерного общества - это прекращение его существования в качестве юридического лица.

В том случае, когда ликвидации акционерного общества считается составленной на добровольной основе, совет директоров выносит вопрос о ликвидации общества и назначает ликвидационную комиссию для анализа на совместном заседании.

С того момента, когда произошел процесс создания ликвидационной комиссии к ней переходят все права по управлению делами общества. В этом случае ликвидационная комиссия от имени ликвидируемого общества выступает в суде и осуществляет расчеты с кредиторами.

¹Дело А98-664/2019 Арбитражного суда Северо-Кавказского округа

Судебная практика рассматривает ряд дискуссионных вопросов, которые касаются урегулирования убытков, к примеру, можно привести неустойку за неисполнение в полной мере обязательств по голосованию. В п.7 ст. 32.1 закона «Об акционерных обществах», акционерное соглашение может предусматривать в качестве меры правовой ответственности денежное возмещение в связи нарушений акционерного соглашения, но отсутствует размер и порядок взыскания данного денежного возмещения.

Подводя итоги, можно сказать о том, что в процессе рассмотрения данной научной работы было уделено огромное внимание именно законодательству. Спорные судебные вопросы помогли на конкретном примере показать, что же конкретно относят к реорганизации и ликвидации акционерных обществ.

При рассмотрении реорганизации и ликвидации акционерных обществ можно сказать о том, что данные понятия являются схожими. Они приводят к одному и тому же результату- завершению работоспособности. Данные процессы в большинстве случаев запускаются с согласия самих участников акционерного общества. Отличительной чертой является то, что при реорганизации остается возможность сохранения структуры бизнеса, а при ликвидации такой возможности нет, ликвидация ведет к полному устранению предприятия.

Подводя итог, следует сказать о наиболее важных моментах, которые используются для всех видов реорганизации:

1. Общим сроком для одной реорганизации составляет приблизительно от 3,5 до 4 месяцев;

2. Возможность процедуры следует согласовывать заранее с банком, а также другими крупными кредиторами.

3. Решения о реорганизации или ликвидации может привести к назначению местной налоговой проверки (пункт 11 статья 89 Налогового Кодекса РФ). Следовательно, окончательное решение о такой конверсии должно иметь возможность соотношения с наличием и степенью налоговых рисков организации за последние три года.

Конечно же, нельзя забывать о том, что практически во всех перечисленных процедурах имеются дополнительные, пока еще не обозначенные нюансы, достоинства и недостатки. Однако мы рассмотрели основные характеристики выделения, разделение, слияния, присоединения, преобразования и ликвидации.

Литература

- 1.Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я. Гражданское право. Особенная часть. Учебник для СПО. В 2-х томах. Том 1. М.: Юрайт, 2019. -352 с.

- 2.Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» с изменениями и дополнениями (постатейный) / М.И. Брагинский и др. – М.: Юстицинформ, 2016. – 520 с.

Шаховкин Андрей Викторович,
адъюнкт 4 курса адъюнктуры
Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кафедры гражданского права и
гражданского процесса
Shakhovkin Andrey Viktorovich,
adjunct 4 course of the adjuncture
St. Petersburg University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
chair of civil law and civil procedure

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

CIVIL LAW ASPECT OF THE CONTRACT SYSTEM

Аннотация: в настоящей статье проведено соотношение частного и публичного аспектов в контрактной системе. Обоснована точка зрения по вопросу частного характера правоотношений при осуществлении государственных закупок в интересах государственных органов. На основе анализа автором опровергнут подход ученых относительно публичных методов регулирования правоотношений в сфере закупок.

Annotation: In this article, the correlation of the private and public aspects in the contract system is carried out. The article substantiates the point of view on the issue of the private nature of legal relations in the implementation of public procurement in the interests of state bodies. Based on the analysis, the author refutes the approach of scientists regarding public methods of regulating legal relations in the field of procurement.

Вопрос преобладания в контрактной системе одних норм над другим представляется сегодня наиболее дискуссионным. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ¹ действительно представляет собой универсальный нормативный механизм, к созданию и введению в действия которого привлекались, в том числе, и эксперты в сфере закупок.

Законодатель, в попытке создания универсального специального закона соединил в нем сразу несколько правовых направлений: гражданские нормы, публичные, административные, бюджетные и финансовые. Есть даже мнения о присутствии в данной сфере норм социального права.

Вместе с тем, наибольший спор вызывает наличие в нормах специального закона публичного и частного аспекта.

¹ Далее – Закон о контрактной системе

Вспомним, что публичны и частный характер правоотношений символизирует собой императивный и диспозитивный метод регулирования соответственно [1, с.99].

Императивные методы регулирования подразумевают соподчинение и жесткие рамки поведения, в то время как диспозитивные выражаются в равноправии и равной степени ответственности участников правоотношений. Эту же точку зрения подтверждает Маштаков К.М. [2, с.126].

Действительно, соотношений публичных и частных норм пронизывает весь Закон о контрактной системе.

Государственные органы, которые выступают в закупках в качестве организаторов торгов и государственных заказчиков представляют собой органы публичной власти. Деятельность каждого из них в той или иной сфере подразумевает принцип соподчинение и власти. Так, органы внутренних дел в правоохранительной сфере представляют собой исполнительную власть и их полномочия распространяются на всех граждан и юридических лиц, в целях сохранения правопорядка и законности.

Министерство образования и науки Российской Федерации также представляет публичную власть в сфере образования.

Кроме того, сама структура государственных органов построена на принципе иерархии, где решение руководителя органа является обязательным для подчиненных. Властные отношения и их степень выраженности характеризуется наличием у одной стороны права самостоятельно в рамках предоставленных полномочий восстанавливать собственные права или права иных субъектов [3, с.35].

В дополнении и сам специальный закон содержит такие нормы публичного характера, как запрет на осуществление закупок у иностранного поставщика, обязанность по объемам закупки у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Вместе с тем, вступая в правоотношения в контрактной системе государственные органы теряют императивный характер своих действий. В соответствии с Законом о контрактной системе все участники этих правоотношений равны.

Государственные органы несут ответственность за невыполнение возложенных обязательств наравне с поставщиками, которые принимают участие в закупках и исполнении контрактных обязательств.

По итогам 2019 года в Федеральную антимонопольную службу поступило 87 064 жалоб на действия заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки при осуществлении закупок [4].

Исходя из изложенного мнение ученых, которые «государственные закупки» относят к «публичным» представляется ошибочным.

Так, Беляева О.А., исследуя конфликт интересов в сфере закупок использует государственные закупки в качестве «публичных» [5, с.13].

По мнению Чуприна М.Г. контрактная система также относится к отрасли «публичного» права. При этом ученый ссылается на государственный интерес, выраженный в форме удовлетворения нужд государственных органов. Однако сам же противоречит своему утверждению, отмечая, что законодательство о контрактной системе свидетельствует о реализации «публичного» интереса посредством норм «частного» права» [6, с.43].

Попытка утвердить термин «публичные закупки» [7, с.184] предпринята Пахомовой Л.М.

Стоит отметить, что государственные нужды подлежат удовлетворению на общих принципах гражданско-правовых отношений, о чем свидетельствуют нормы Закона о контрактной системе. В отличие от советского периода, государственные органы не могут обязать поставщиков удовлетворять свои потребности на своих условиях. В условиях современной контрактной системы поставщик самостоятелен в принятии своих решений об участии в торгах.

Вместе с тем, в контрактной системе, после определения потребности и размещения соответствующего заказа органы внутренних дел не могут повлиять на результат отбора поставщиков. Определение исполнителей контракта осуществляется на основе конкуренции, и с наличием свободной воли поставщика участвовать в торгах.

В нормативных источниках также не закреплено использование закупок для обеспечения государственных нужд в качестве «публичных». Гражданско-правовой аспект правоотношений подтверждается и в самом специальном законе, согласно статье 3 которого ключевой документ системы – государственный контракт с 27.12.2019 отнесен к гражданско-правовому договору.

Приведенная точка зрения нашла свое отражение и в судебной практике [6]. Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 мая 2017 г. N 303-ЭС16-19977 по делу N А37-499/2016 указано на гражданско-правовой аспект отношений участия органов государственной власти (местного самоуправления) и частного капитала.

Проблема полной гармонизации двух разных методов правового регулирования остается не решенной.

Тиунова Л.Б. верно отметила, что «само наличие «особого сочетания» методов лишь подтверждает, что четкого метода регулирования ни одна отрасль не признает, за исключением, пожалуй, гражданского и административного права» [9, с.67].

Безусловно, обсуждение вопроса соотношения частного и публично-го продолжится на протяжении всего существования контрактной системы и будет переходить с одной стороны на другую по мере изменения государственной политики и государственных интересов.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, гражданско-правовой аспект, публичное право, частное право.

Key words: contract system, public procurement, civil law aspect, public law, private law.

Литература

1. Теряевский С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. Саратов: Изд-во СГАП, 2009. С. 99.

2. Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публично-го и частного права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. С. 126.

3. Соловьев В.С. «Публичное и «частное» в налоговом праве // Законодательство и экономика. 2000. N 8. С. 35.

4. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 года.

5. Беляева О.А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 13-18.

6. Чуприн М.Г. Соотношение норм частного и публичного права как правовая сущность законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Юрист. 2020. № 6. С. 43-48.

7. Пахомова Л.М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2. С. 184-199.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 мая 2017 г. N 303-ЭС16-19977 по делу № А37-499/2016.

9. Тиунова Л.Б. Система правовых норм и отраслевое деление права // Правоведение. 1987. № 4. С. 67.

Содержание

Андрианов В.М. Право и интерес.....	3
Бандурин Н.В. Корпоративный договор в современной практике.....	6
Белозерцева В.В. Гражданско-правовое регулирование земельных отношений.....	12
Бескорвайная Е.С. Роль и значение института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в страховых спорах.....	17
Бондарь О.О., Макаренко А.И. К вопросу о системе правового регулирования судопроизводства в публичной сфере.....	23
Бондарь О.О., Макаренко А.И. Процессуальные проблемы осуществления судопроизводства в публичной сфере.....	30
Брагин К.С. Частные моменты наступления страхового случая при ДТП.....	37
Гапоненко О.Ю., Жукова Н.В. Анализ некоторых аспектов правового регулирования брачных отношений между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами.....	42
Герасимов А.В. Согласие на совершение сделки: проблемы теории и правоприменительной практики.....	48
Градский В.Е. Вопросы реализации института медиации в гражданском процессе Российской Федерации.....	54
Данилов Д.Б. Применение Кодекса административного судопроизводства РФ при обжаловании решений суда первой инстанции.....	57
Доев В.А., Павлюк В.А. Новирование обязательств и современный взгляд на случаи прекращения обязательств.....	61
Доев В.А., Киут М.А. Правовая природа залога имущественных прав.....	66
Дресвянникова А.А., Шилова Н.А. Правовые последствия неоплаты (в том числе несвоевременной или неполной оплаты) доли в уставном капитале.....	71
Ефременко Е.М. Гражданско-правовое принуждение в механизме защиты имущественных и личных неимущественных прав лица.....	76
Жукова Н.В. Гражданско-правовая сущность заблуждения... 80	80
Зубенко В.В., Кирюхина С.М. Актуальные проблемы развития института медиации в арбитражном процессе.....	86
Казанцева Е.В. Защита прав потребителей органами внутренних дел: вопросы теории и практики.....	91
Крыштопин С.А., Швец Н.Е. Электронная переписка как доказательство в арбитражном процессе: проблемы применения.....	97

Кулдашев Н.А. Органы внутренних дел как специальный субъект деликтной ответственности.....	100
Липанин Е.А. Проблема злоупотребления правом на возмещение издержек, связанных с рассмотрением дела.....	106
Мальшева Н.А. Особенности деятельности государственных органов как субъектов причинения вреда правомерными действиями.....	110
Оставчук Д., Руснак К. Гражданский иск как средство возмещения ущерба, причиненного в результате совершенного преступления, в соответствии с законодательством Республики Молдова.....	114
Пархоменко И.К. Проблемные аспекты применения на современном этапе правовых институтов, регулирующих изменение или расторжение гражданско-правовых договоров.....	124
Семенова Е.Г. Определение недвижимого имущества: проблемы и пути совершенствования в свете реформы гражданского законодательства.....	127
Скурлатов В.С., Трудников А.В. Некоторые проблемы рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей.....	131
Стрельцов В.В. Ограничение оборота вещей: социокультурный аспект.....	136
Стрельцов В.В., Мокова А.А. История становления методов неинструментальной детекции лжи при заключении гражданско-правовых договоров в социокультурном аспекте познания.....	141
Чернов Е.А. К вопросу о пределах ограничения дееспособности граждан.....	146
Черемушкина Е.Э. Порядок реорганизации и ликвидации акционерных обществ, спорные вопросы судебной практики.....	151
Шаховкин А.Н. Гражданско-правовой аспект контрактной системы.....	157

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции

(18 февраля 2021 г.)

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1724-2

Подписано в печать 02.06.2021. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 150 экз. Заказ 138.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.